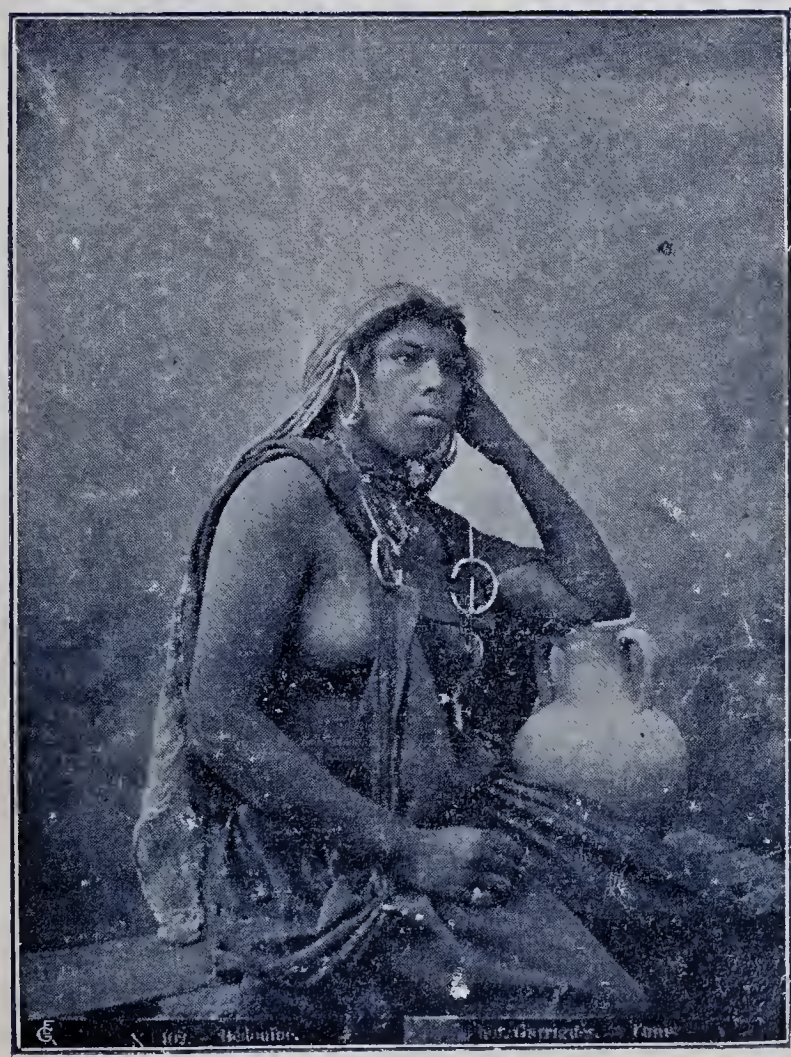
Въ оазамъ Сахары

и по Италіи.



Петръ Рудкій.

Цѣна 1 рубль.

Коллегѣ по орудіи
Мор. Ив. Боярчикову
на добрую память.
22/IV 99

Къ оазамъ Сахары
и
по Италіи.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Петра Руцкаго.

СЪ 32 ВИДАМИ АФРИКИ.

Цѣна одинъ рубль.

1898.

Въ С.-Петербургѣ скл.: въ книжн. магаз. „Новое Время“, Невскій пр., № 43;
„ „ „ „ „ бр. Башмаковыхъ, Екатерин. ул., № 2;
„ Ригѣ „ „ „ Мелина, Известковая.

Дозволено цензурою. — Рига, 27-го мая 1898 г.

Печатали Кальнинъ и Дейчманъ
(А. І. Липинскій),
Рига, Малая Грѣшная ул., № 2.

Оглавленіе.

		Стр.
	Къ читателю	1
	Вмѣсто введенія	3
I	Варшава	5
II	Вѣна	19
III	Вѣна	28
IV	Въ австрійскихъ Альпахъ	38
V	Въ прекрасной Италіи	43
VI	Красавица Венеція	48
VII	Въ Итальянской Швейцаріи	63
VIII	По дорогѣ въ Марсель	72
IX	Въ Африку!	81
X	Алжирія и Алжиръ	89
XI	Арабы и бедуины	104
XII	Въ Сахару!	110
XIII	Въ пустынѣ	115
XIV	Оазъ „Бискра“	125
XV	По дорогѣ въ Тунисъ	141
XVI	Въ Тунисѣ	151
XVII	Неаполь и Помпеи	164
XVIII	Восхожденіе на Везувій	183
XIX	Римъ	189

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/koazamsakharyipo00ruts

Къ читателю.

Все прошлое лѣто я провелъ въ скитаніяхъ за границей, главнымъ образомъ — по Италіи и сѣверо-западной Африкѣ. Путешествовалъ я то одинъ, то вдвоемъ — съ пріятелемъ, то въ довольно большомъ обществѣ. Ни опредѣленнаго маршрута, ни спеціальныхъ задачъ у меня не было, и это обезпечивало мнѣ значительную свободу. Интереснаго пришлось встрѣтить за границей много, и уже во время путешествія я помѣстилъ въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ рядъ дорожныхъ писемъ о моихъ, субъективныхъ, конечно, наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ. Провѣривъ и кое-что добавивъ, нынѣ я выпускаю эти письма отдѣльной книгой; но для лучшаго ознакомленія значительной части нашей публики съ интересной, но мало извѣстной страной — съ современной сѣверо-западной Африкой—мною помѣщены въ текстѣ 32 фототипіи съ лучшихъ фотографій, пріобрѣтенныхъ въ Алжирѣ, Тунисѣ, Бискрѣ и др. мѣстахъ (клише приготовлены въ берлинской мастерской извѣстнаго Gaillard'a).

Любезный читатель! Предъ тобою — „плоды недолгихъ думъ, слѣды непрочныхъ наслажденій“ .... Имѣя это въ виду, не ищи здѣсь точныхъ географическихъ или историко-статистическихъ данныхъ, а также трактатовъ о современной заграничной жизни: авторъ задался болѣе скромной задачей — подѣлиться съ читателемъ тѣми впечатлѣніями и наблюденіями, которыя вызывались у него чуждой для него природой и жизнью.

Петръ Руцкій.

Къ оазамъ Сахары и по Италіи.

Вмѣсто введенія.

Вездѣ, въ природѣ и въ произведеніяхъ человѣка, разсыпаны чудеса Божьи, и счастливъ тотъ, кому удается ихъ видѣть.

Досугъ свой прошлаго года, т. е. цѣлое лѣто, я задумалъ использовать на добываніе этого счастья — на обозрѣніе „за-границы". Сборы мои были не долги: заграничный паспортъ былъ у меня давно въ карманѣ; припасенъ былъ и „презрѣнный металлъ", въ россійской и заграничныхъ валютахъ; оставалось, захвативъ небольшой багажъ, сѣсть въ вагонъ и отправиться въ „Европу". Въ одинъ прекрасный іюньскій вечеръ я такъ и сдѣлалъ, вмѣстѣ съ пріятелями, изъ коихъ одинъ былъ ученый физикъ, а другой хорошій знатокъ классическихъ древностей. Пріятели мои не разъ уже побывали за границей; я же ѣхалъ туда въ первый разъ. Меня особенно манила благодатная Италія; не прочь были и мои спутники побывать въ этой счастливой странѣ, хотя оба раньше уже были и тамъ; филологъ — даже пять разъ. Не всегда удобно путешествовать втроемъ: лучше вдвоемъ, пожалуй даже вчетверомъ, но — не втроемъ: это нечетное число создаетъ много затрудненій . . . . Для меня, однако, оно, это число, долгое время было только очень пріятно, ибо у меня были хорошо образованные чичероне и въ то же время

люди близкіе, съ которыми пріятно было подѣлиться испытаннымъ и вспомнить прожитое дома.

Только куда, думаю, пріятнѣе путешествіе за границей вдвоемъ, напр., съ любимой женщиной! Находиться среди чуждаго міра и большого движенія и — въ то же время — жить своей собственной, обособленной, счастливой жизнью, до которой нѣтъ никому никакого дѣла, которой не коснутся грязные и завидующіе толки; забыться въ мірѣ личнаго счастья, общечеловѣческаго искусства и чудесъ природы, не зная, забывъ запросы будничной жизни — это такое счастье, испытать которое — хоть разъ въ жизни — неудержимо хочетъ живая душа!

I.

ВАРШАВА.

Намъ изъ Россіи приходилось уѣзжать въ то время, когда изъ разныхъ, главнымъ образомъ — центральныхъ, губерній стали появляться въ газетахъ сообщенія о предстоящемъ недородѣ. Испытавъ недавно голодъ съ его ужасными послѣдствіями, наше общество при появленіи извѣстій о предстоящемъ недородѣ, понятно, встревожилось, и общественные разговоры часто вертѣлись около этой печальной темы. Невольно приходилось прислушиваться къ подобнымъ разговорамъ и принимать въ нихъ участіе и въ вагонѣ С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, въ которомъ мы ѣхали за границу. Оказалось, что во всей Литвѣ тоже ожидался неважный урожай; и только по мѣрѣ приближенія къ центральнымъ привислинскимъ губерніямъ можно было замѣтить хорошіе всходы на поляхъ.

Въ вагонахъ второго класса С.-Петербургско-Варшавской дороги всегда тѣсно; но особенно приходится плохо въ маѣ и въ теченіе всего лѣта, когда переѣзжаютъ военные въ лѣтніе лагери, а свободный людъ устремляется за границу. Усталость наступаетъ быстро. При нашихъ разстояніяхъ частенько приходится пробыть въ

вагонѣ двое и болѣе сутокъ, и посему всякій радъ-радёхонекъ, если прибылъ къ мѣсту назначенія или имѣетъ возможность, хотя на время, прервать добровольное заключеніе въ душномъ, пыльномъ, шумномъ вагонѣ и отдохнуть нѣсколько дней.

Первый свой привалъ мы устроили въ Варшавѣ; пребываніе въ послѣдней для насъ было и пріятно во многихъ отношеніяхъ, и полезно: оно доставило намъ много пріятныхъ минутъ и въ немного дней многое уяснило гораздо лучше, чѣмъ могутъ сдѣлать это долгіе годы книжнаго наученія.

За много верстъ до Варшавы для путешествующаго становится ясно, что онъ ѣдетъ по странѣ не-русской, — съ инымъ народомъ, языкомъ, вѣрой, убѣжденіями, жизнью, одеждой и т. п. Въ вагонахъ слышится постоянно польская рѣчь: и изъ устъ сѣдовласыхъ помѣщиковъ, и красавицъ дѣвушекъ, и простого народа; часто рядомъ съ вами очутится толстый бритый ксендзъ. Русская рѣчь раздается только между очевидно случайными, нездѣшними проѣзжими, желѣзнодорожными служащими и военными . . . . Какое-то непріятное, горькое чувство разочарованія и обиды закрадывается въ душу. „Наше — и какъ будто въ то-же время и не наше!“ И это — плоды заботъ и трудовъ цѣлаго столѣтія! . . . . Попавши въ водоворотъ здѣшней жизни, чувствуешь себя также какъ-то сиротливо. Но полякамъ здѣсь, дома, живется очень и очень недурно . . . .

Варшава — знамя: Варшава въ глазахъ поляка — столица „хотя“ несуществующаго уже нынѣ государства. Варшава была столицей польско-литовскаго государства — „Рѣчи Посполитой“ — въ ту эпоху его историческаго бытія, когда, вмѣсто монарха, всѣмъ верховодили магнаты съ купленной ими шляхтой, сильные пагубнымъ, безумнымъ liberum veto — „не позволямъ“ и

конфедераціями; пособниками магнатовъ — и самыми дѣятельными — въ дѣлѣ разгрома „Рѣчи Посполитой“ были отцы іезуиты да фанатическое польское духовенство.

Слѣды этого властвованія магнатовъ и фанатическаго католическаго духовенства видны въ Варшавѣ повсюду и до сихъ поръ: Варшава городъ магнатскихъ дворцовъ (графовъ Потоцкихъ, Браницкихъ, Тышкевичей, Красинскихъ, Чарторыйскихъ, Четвертинскихъ и др.) и городъ костеловъ, съ значительнымъ количествомъ чисто католическихъ памятниковъ, въ видѣ статуй святыхъ, Христа и Богородицы, разсѣянныхъ по всѣмъ улицамъ. Вѣнцомъ подобнаго рода памятниковъ, конечно, должно признать памятникъ фанатичнѣйшему изъ многихъ фанатичныхъ королей Польши — Сигизмунду III, мечтавшему, въ эпоху нашей „Розрухи“ (Смутнаго времени), сѣсть на престолъ московскихъ царей и такимъ образомъ на главѣ своей носить короны трехъ великихъ государствъ Россіи, Польши и Литвы. Памятникъ Сигизмунду находится предъ дворцемъ королей польскихъ, въ которомъ нынѣ живетъ генералъ-губернаторъ, на площади, которой оканчивается Краковское предмѣстье — лучшая изъ варшавскихъ улицъ. На высокой гранитной колоннѣ стоитъ въ старинномъ національномъ полномъ королевскомъ одѣяніи, съ короной на головѣ, король-фанатикъ, съ саблей — въ одной рукѣ и крестомъ — въ другой... Памятникъ этотъ поставленъ королемъ Владиславомъ IV, послушнымъ и въ сущности разумнымъ и добрымъ сыномъ отцу — несимпатичному человѣку и дурному государю.

Съ перваго же момента по въѣздѣ Варшава съ внѣшней стороны производитъ очень пріятное впечатлѣніе: чрезъ прекрасный мостъ, переброшенный чрезъ быстро текущую Вислу и построенный — кстати сказать —

императоромъ Александромъ Вторымъ (мостъ былъ заложенъ въ 1859 г. и оконченъ постройкой въ 1864 году), чрезъ широкія асфальтированныя или прекрасно мощенныя улицы вы въѣзжаете на Краковское предмѣстье — улицу дворцовъ Потоцкихъ, Тарновскихъ, Четвертинскихъ и др. По обѣ стороны улицы поднимаются многоэтажные дома хорошей новой архитектуры; на улицахъ очень замѣтное движеніе, что легко объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что Варшава — значительный, центральный для огромнаго края административный, торговый и промышленный центръ, съ 614,000 жителей, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что населеніе ея очень живо и подвижно и въ этомъ отношеніи напоминаетъ живѣйшія націи Западной Европы: французовъ, итальянцевъ, австрійцевъ.

Движеніе на улицахъ Варшавы особенно оживленное бываетъ вечеромъ, когда кончены работы и когда всякій варшавянинъ и всякая варшавянка, принарядившись, спѣшитъ выйти на улицу или въ общественный садъ, чтобы, погулявъ, зайти затѣмъ выпить чашку кофе, шоколада или съѣсть порцію мороженаго (по здѣшнему выраженію „lody“) въ прекрасную кондитерскую, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, цукерню. И дѣйствительно, стоитъ тогда побывать и на улицахъ, и въ кофейняхъ: вездѣ непринужденное веселье, громкій смѣхъ и разговоръ, много красивыхъ и кокетливыхъ лицъ, много красивыхъ костюмовъ. Много часовъ у варшавянъ уходитъ на эту жизнь на виду — на улицахъ, въ садахъ и цукерняхъ; не жалѣютъ здѣсь и денегъ на устройство для цукеренъ прекрасныхъ зданій съ электрическимъ освѣщеніемъ, тропическими растеніями и стеклянными крышами; таковы, напр., кофейни Люрсъ, Версаль, „Швейцарская долина“ и др. на тихой, аристократической улицѣ — Уяздовской аллеѣ; на устройство этихъ цукеренъ затрачены огромныя суммы, и по изяществу онѣ — однѣ изъ лучшихъ въ Европѣ.

Движеніе и жизнь на улицахъ Варшавы усиливаются часамъ къ десяти вечера; впрочемъ, они не вездѣ прекращаются и въ 12 часовъ ночи.

Въ Варшавѣ слышится только польская рѣчь. Но это вовсе не значитъ, чтобы здѣсь не говорили по-русски, а только по временамъ, каковы, напримѣръ, нынѣшнія, у польскихъ обывателей Варшавы, имѣющихъ дѣло съ большой публикой, какъ-то: у торговцевъ, рестораторовъ и тому подобнаго люда, вдругъ пропадаетъ всякая способность понимать и говорить по-русски. Тогда на сцену появляются въ магазинахъ и ресторанахъ мальчишки-переводчики съ русскаго на польскій языкъ; тогда налагаются штрафы на тѣхъ дерзкихъ поляковъ или полекъ, которые — по оплошности — забыли, что теперь они не должны знать русскаго языка. . . . И все это зависитъ отъ того, что поляки, несмотря на всѣ блага мира, „больны прошлымъ". . . . и посему всякій шагъ благожелательный къ нимъ со стороны высшаго правительства считаютъ за наступленіе новой эры — эры возстановленія Рѣчи Посполитой „отъ моря до моря". Гибельная болѣзнь! Мѣстные русскіе такъ уже привыкли къ этому печальному въ полякахъ шатанію, что мало обращаютъ на него и вниманія, ибо знаютъ, что это неизбѣжный результатъ основныхъ чертъ польскаго характера и политики личностей . . . . Однако, отъ этого сознанія не чувствуешь себя лучше.

Изъ достопримѣчательностей Варшавы стоитъ посмотрѣть хорошей готической архитектуры католическій каѳедральный соборъ св. Іоанна, построенный еще мазовецкими князьями и въ которомъ вѣнчались короли и цари Польши. Въ этомъ соборѣ, какъ и всюду въ богатыхъ католическихъ храмахъ, много скульптурныхъ изображеній святыхъ и историческихъ дѣятелей. Съ нѣкотораго времени особеннымъ культомъ здѣсь пользуется

все, что касается конституціи 3-го мая 1791 года. Мнѣ пришлось говорить по поводу этой конституціи съ однимъ молодымъ, хорошо освѣдомленнымъ по этому вопросу полякомъ.

— Польша, т. е. лучшая, патріотическая часть нашего общества, тогда образумилась, говорилъ мой собесѣдникъ, и задумала создать нѣчто прочное; но мечтамъ не суждено было сбыться . . . Не будь послѣдняго обстоятельства, исторія наша имѣла бы другое теченіе. Осуществленная на практикѣ майская конституція оздоровила-бы общественный организмъ, и много благодѣтельнаго — не для одного сословія, а для всѣхъ — проистекло бы отъ этого.

Я не сталъ разубѣждать мечтателя, который въ фактѣ политической смерти Рѣчи Посполитой видѣлъ результатъ только внѣшнихъ интригъ и воздѣйствій, а не внутреннихъ, къ эпохѣ конституціи 3-го мая смертельныхъ, неотвратимыхъ уже причинъ . . . Во всякомъ случаѣ, нынѣшній культъ конституціи 3-го мая — фактъ непреложный.

Въ каѳедральномъ соборѣ Іоанна Крестителя бюстъ-барельефъ маршала великаго варшавскаго сейма въ 1791 году, Малаховскаго, который долженствовалъ провести всѣ начала конституціи въ городѣ Варшавѣ. Въ назиданіе грядущимъ вѣкамъ, въ одну изъ эпохъ колебаній съ нашей стороны, политиканы варшавскіе начали даже строить часовню въ память конституціи, но не достроили...

Послѣдній король польскій Станиславъ-Августъ IV Понятовскій, тоже мечтатель, соглашавшійся на все и — между прочимъ — на майскую конституцію, отличался не только красивой, заманчивой особенно для дамъ наружностью, образной и остроумной, хотя и легкомысленной рѣчью, но и значительнымъ художественнымъ вкусомъ; послѣднимъ, какъ извѣстно, поляки вообще на-

дѣлены не бѣдно. На окраинѣ Варшавы, подъ защитой холмовъ, въ прекрасномъ паркѣ онъ построилъ, въ началѣ своего царствованія, небольшой дворецъ, украсивъ его внутри и извнѣ въ стилѣ Людовика XIV — „короля-Солнце“, котораго такъ охотно копировали всѣ монархи Европы, сильные и ничтожные. Стѣны этого первоначальнаго Лазенковскаго дворца украшены гравюрами эротическаго, особенно излюбленнаго Понятовскимъ, содержанія (судъ Париса и т. п.). Сладострастіе вообще типичная черта у многихъ польскихъ королей (Августъ Сильный, Станиславъ Понятовскій и др.) и знати, а также и въ народѣ польскомъ. Во дворцѣ есть и неизбѣжная китайская комната. Въ спальнѣ этого дворца ночевалъ императоръ Наполеонъ, когда онъ сознательно морочилъ поляковъ призраками свободы и самостоятельности, предъ своей кампаніей 1806—1807 гг.; съ этой ночевкой „маленькаго капрала“ связаны пикантныя легенды, въ коихъ рѣчь идетъ и о женской чести, и о жертвахъ на алтарь отечества . . . . Позднѣе, когда Станиславъ Понятовскій могъ располагать большими средствами, онъ построилъ тутъ же въ Лазенкахъ большой дворецъ, съ прудами, бесѣдками и театрами. Въ этомъ дворцѣ жилъ въ августѣ 1897 года Государь Императоръ Николай II съ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной. Здѣсь, на площадкѣ у озера, предъ дворцомъ при волшебномъ вечернемъ освѣщеніи была въ честь Ихъ спѣта варшавянами серенада.

Изъ лазенковскихъ театровъ интересенъ особенно одинъ. Онъ — сколокъ съ античнаго; особенность его та, что онъ — безъ крыши, и вокругъ его сцены растутъ деревья, вѣтви которыхъ свѣшиваются на сцену и образуютъ какъ-бы крышу; между расположенными амфитеатромъ и идущими повышаясь мѣстами для публики и сценой протекаетъ ручей: при вечернемъ освѣщеніи это сочетаніе природы и искусства должно представлять волшебную картину. Въ не-

давнія еще времена въ дворцовомъ паркѣ частенько устраивались увеселенія съ благотворительной цѣлью, и на сценѣ античнаго театра ставили тогда чаще всего балеты и вообще представленія съ танцами, столь любимыми варшавянами; какъ извѣстно, поляки вообще большіе поклонники Терпсихоры и сами — хорошіе, элегантные и ненасытные танцоры. Пруды въ Лазенкахъ прекрасны, и рыбы въ нихъ крупной пропасть: стоитъ бросить кусочекъ хлѣба, и стая карасей и другихъ обитателей сладкихъ водъ налетаютъ на добычу и вступаютъ изъ-за нея въ открытый бой.

На Лазенковскомъ мосту, гдѣ постоянно толпятся съ кусками хлѣба любители поглазѣть на рыбью битву, стоитъ прекрасная конная мраморная статуя лучшаго короля Рѣчи Посполитой и побѣдителя турокъ, нанесшаго послѣднимъ неизлѣчимый ударъ, — Яна Собѣсскаго; она поставлена въ 1788 году императрицей Екатериной Великой, ведшей тогда вторую войну съ Турціей. Эта статуя должна была служить напоминаніемъ и укоромъ не однимъ туркамъ: изъ оконъ своего прекраснаго дворца облѣнившійся послѣдній польскій король могъ постоянно видѣть энергичную фигуру Яна Собѣсскаго, на конѣ, подъ которымъ лежитъ поверженный имъ въ прахъ турокъ.

По ликвидаціи Рѣчи Посполитой Лазенки перешли въ собственность одного изъ фамиліи извѣстныхъ богачей польскихъ — графовъ Тышкевичей; позднѣе этотъ роскошный уголокъ Варшавы пріобрѣтенъ отъ графини Тышкевичъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Въ Варшавѣ, которая является наибольшимъ центромъ культурной и промышленной жизни поляковъ, много спеціально польскихъ обществъ, работающихъ на почвѣ экономической, литературы, искусства и спорта; особенно могучаго расцвѣта достигли музыка, живопись

и спортъ — наивыразительнѣйшіе представители чувства, которымъ такъ богато надѣлены поляки. Развиты въ Варшавѣ и польская публицистика, и журналистика.

Заинтересовало меня особенно одно общество — „Общество развитія національнаго искусства.“ Узнавши, что это общество устроило выставку произведеній искусства польскихъ художниковъ, я посѣтилъ выставку этого художественнаго общества. На выставкѣ оказались хорошія работы; есть тенденціозныя, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, „патріотическія“; напр. „Новобранцы“ — польская рекрутская молодежь, подъ начальствомъ русскаго, конечно, безобразнаго, унтеръ-офицера, идущая въ полкъ; „Возвращеніе изъ плѣна“, на средневѣковый сюжетъ, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ можно видѣть упрекъ настоящему, и т. п.; но есть и такія работы, которыя только патріотическое ослѣпленіе могло признать достойными быть выставленными для обозрѣнія публики, напр., „Сумерки“, которыя представляютъ позолоченную раму съ черной доской, вмѣсто картины. . .

Что, однако, дѣйствительно изъ области здѣшняго искусства заслуживаетъ серьезнаго вниманія, то это картина-панорама молодого польскаго художника Яна Стыки, изображающая „Голгоѳу.“

Въ наше время, какъ извѣстно, опять въ ходу, какъ въ литературѣ, такъ и въ живописи, христіанскіе сюжеты, и „Голгоѳа“ — одинъ изъ показателей этого общественнаго настроенія. Для этой панорамы устроено огромное зданіе на средства извѣстнаго піаниста и богача Падеревскаго, составившаго огромное состояніе своей геніальной игрой, особенно хорошо оплаченной въ Америкѣ, истиннаго мецената и альтруиста, а также на средства адвоката-богача Зарембы и по плану архитектора Козловскаго. Художникъ самъ бѣденъ. И вотъ эта-то черта дружественной поддержки художниковъ особенно

чаруетъ посторонняго наблюдателя, ибо она является признакомъ значительной культурности въ націи.

Чтобы написать свою картину, Стыка нѣсколько лѣтъ провелъ въ Палестинѣ, и знатоки увѣряютъ, что все, что касается исторической части событія и бытовой обстановки, правдиво въ картинѣ; глубоки по замыслу и сильны по производимому имъ впечатлѣнію группы великой страдалицы Богоматери съ женами и враговъ Христовыхъ; но Христосъ, стоящій одиноко, вперивъ свой страдальческій взглядъ на небо, и переживающій послѣдній моментъ предъ началомъ казни на крестѣ, лежащемъ тутъ-же у ногъ Его и готовомъ принять свою жертву, — Христосъ слишкомъ страдаетъ, слишкомъ напоминаетъ современнаго интеллигентнаго человѣка, замученнаго „проклятыми" вопросами. Правда, нѣтъ болѣе труднаго для художника сюжета, какъ лицо Богочеловѣка; во всякомъ случаѣ, Яну Стыкѣ наименѣе всѣхъ удался этотъ вѣчно дивный и чудный образъ Христа — Страдальца за весь міръ. Публика охотно смотритъ эту картину. Историческая вѣрность, живость лицъ, вѣрно переданное настроеніе природы (наступающая гроза), положеніе и настроеніе многихъ группъ представлены удивительно хорошо и вѣрно; при болѣе долгомъ наблюденіи утрачивается представленіе о картинѣ, и видится дѣйствительность. Заходишь сюда на 10—15 минутъ, и полтора часа проходятъ незамѣтно въ созерцаніи этой въ общемъ дѣйствительно замѣчательной картины.

Конечно, въ Варшавѣ есть памятники и великимъ польскимъ людямъ: Шопену и Копернику. Послѣдній памятникъ расположенъ въ концѣ Маршалковской улицы, передъ зданіемъ первой гимназіи. Прежде, до 30-го года, въ этомъ прекрасномъ зданіи, съ фасадомъ въ античномъ стилѣ, помѣщалось основанное сотню лѣтъ назадъ общество наукъ, закрытое позднѣе, послѣ 1831 года, нашимъ правительствомъ за вредную пропаганду; нѣкогда

въ этомъ домѣ находился прахъ Василія Шуйскаго, сперва царя, потомъ монаха, сперва посла къ Сигизмунду, а потомъ плѣнника этого коварнаго короля.

Пріятно прогуливаться по широкимъ, чистымъ и оживленнымъ улицамъ Варшавы. И городское благоустройство послѣдней, ея европейское въ лучшемъ смыслѣ городское благоустройство есть результатъ дѣятельности не городскихъ представителей, а назначенныхъ отъ правительства такъ называемыхъ президентовъ Варшавы съ ихъ совѣтами; изъ этихъ президентовъ много сдѣлано Старышкевичемъ и въ особенности нынѣшнимъ президентомъ генераломъ Бибиковымъ; при президентахъ есть особые совѣты по городскимъ дѣламъ.

Умываясь и утоляя жажду, я съ завистью сравнивалъ здѣшнюю воду съ рижской: здѣшняя вода чиста, какъ кристаллъ, безъ запаха и безъ приложеній, въ видѣ угрей или другихъ рыбъ; она мягка и пьется съ наслажденіемъ. Оказывается: здѣсь — прекрасные фильтры. Но фильтры есть и въ другихъ нашихъ большихъ городахъ. Откуда же нечистота въ водѣ этихъ городовъ? Отъ какихъ рукъ? .... Въ Варшавѣ и прекрасная канализація.

Среди достопримѣчательностей окрестностей Варшавы заслуживаетъ особеннаго вниманія извѣстный дворецъ въ Вилановѣ, принадлежавшій прежде Потоцкимъ, а нынѣ принадлежащій графу Ксаверію Красинскому. Во дворцѣ, расположенномъ въ роскошномъ паркѣ, находится прекрасная картинная галлерея — гордость рода Потоцкихъ. Но побывать въ Вилановѣ мнѣ не удалось, ибо тамъ происходили какія-то перестройки; а осмотрѣть паркъ, — даже роскошный вилановскій, — все равно, что хорошо разсмотрѣть только роскошный переплетъ прекрасной книги...

Учащаяся варшавская молодежь охотно ходитъ въ мундирѣ, даже, кажется, щеголяетъ имъ. Среди обычныхъ формъ нашихъ учебныхъ заведеній меня остановила одна — незнакомая: оказалось, что это была форма частнаго средняго механико-химическаго училища, основаннаго извѣстными богачами-банкирами Вавельбергомъ и Ротвандомъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ; училище это пользуется большими симпатіями населенія и уже насчитываетъ значительное число учащихся. Въ добрый часъ!...

Среди населенія Варшавы болѣе ста пятидесяти тысячъ евреевъ, рѣзко дѣлящихся на уклонившихся отъ стародавнихъ обычаевъ и на придерживающихся послѣднихъ. Первыхъ въ публикѣ узнаешь по типу, по говору; вторые выдѣляются длинными старомодными кафтанами, бархатными большими, не по головѣ, картузами и пейсами, хотя болѣе приличными и не столь большими, какъ мнѣ пришлось позднѣе видѣть въ Галиціи. Мѣстность, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено еврейское населеніе, называется „Налевки", — нѣчто въ родѣ итальянскихъ еврейскихъ кварталовъ — гетто; она болѣе другихъ отличается грязью и гамомъ; и нынѣ, какъ при Тарасѣ Бульбѣ, встрѣтите здѣсь своего Мордохая, болтающаго руками и обнюхивающаго свои грязные пальцы; и нынѣ, какъ тогда, услышите отъ него: „Чего нельзя? Все можно, ясновельможный пане, але-жъ треба грошей, много грошей"..... Интересны „Налевки", ибо онѣ очень ужъ живучи. Большое торговое и народное движеніе и на старомъ рынкѣ, находящемся близъ дворца прежнихъ королей, рядомъ съ Краковскимъ предмѣстьемъ. Вокругъ рынка — старинные многоэтажные дома, имѣющіе по фасаду только три окна и не болѣе четырехъ. И это остатокъ старины! По законамъ Польскаго королевства и Рѣчи Посполитой, горожане, несмотря на всѣ ихъ заслуги и богатства, не смѣли даже во внѣш-

ней обстановкѣ чѣмъ-бы то ни было превосходить дворянъ; и посему горожане не имѣли права строить большіе дома; а посему они при постройкѣ домовъ вынуждены были заботиться о томъ, чтобы дома не раздавались вширь, хотя безконечно могли расти ввысь (одинъ изъ этихъ старинныхъ домовъ имѣетъ *восемь* этажей)! Какой средневѣковщиной вѣетъ отъ подобныхъ законовъ!.... — А средневѣковаго — и не славянскаго, а чуждаго — германскаго — здѣсь всегда было много: много готики въ постройкахъ, право нѣмецкое (Магдебургское) въ городахъ и т. п.

Особенной оживленностью, какъ и вездѣ, здѣсь, конечно, отличаются осенній и зимній сезоны; на лѣто дворянство разъѣзжается по имѣніямъ или за границу; очень многіе, не имѣющіе своихъ имѣній, уѣзжаютъ въ роскошныя мѣста около Кракова, въ горы Татры, гдѣ особенной населенностью отличается дачная мѣстность Закопаны; пребываніе лѣтомъ въ Татрахъ считается признакомъ *хорошаго тона*.

Вы спросите: „Что же подѣлываетъ русская Варшава?“ — Русскихъ въ Варшавѣ нѣсколько тысячъ; это военные, чиновники, учащіе; торговцевъ почти нѣтъ или очень мало, какъ и людей свободныхъ профессій. Всѣ русскіе много заняты; живутъ неособенно тѣсно, главнымъ образомъ, потому, что завалены работой. Немногіе, конечно, подъ вліяніемъ окружающей среды, утратили нѣкоторыя національныя свои черты. Мнѣ говорили, что всѣ хотѣли бы сблизиться межъ собой, но нѣтъ центровъ единенія. Здѣсь же я впервые послѣ долгихъ лѣтъ увидѣлъ казацкія войска — нашихъ удалыхъ донцовъ и кубанцевъ, услышалъ ихъ залихватскія пѣсни, посмотрѣлъ ихъ удалыя поѣздочки.

Памятниковъ русскихъ въ Варшавѣ немного. Достоинъ вниманія памятникъ князю Варшавскому Паске-

вичу, другу царя-рыцаря Николая I, и памятникъ, въ видѣ усѣченной пирамиды, со львами по угламъ, поставленный императоромъ Николаемъ Павловичемъ на Саксонской площади въ память тѣхъ польскихъ аристократовъ (гр. Потоцкаго, гр. Гауке и др.), которые въ эпоху польскаго бунта 1830—31 годовъ не присоединились къ повстанцамъ. Говорятъ, что нѣкоторые потомки этихъ вѣрныхъ своей присягѣ польскихъ магнатовъ много дали бы, что-бы имена ихъ не находились на этомъ памятникѣ . . . .

На Саксонской же площади уже высоко поднялись стѣны здѣсь строящагося нынѣ православнаго каѳедральнаго собора. Прочія здѣшнія православныя церкви, хотя и небольшихъ размѣровъ, но въ смыслѣ православной и русской архитектуры вполнѣ выдержаны; даже нынѣшній каѳедральный соборъ, находящійся на Долгой улицѣ и перестроенный изъ костела піаровъ, въ этомъ отношеніи не служитъ диссонансомъ.

Среди Варшавы находится огромный Саксонскій садъ, подаренный русскимъ правительствомъ городу; здѣсь всегда тысячи гуляющихъ. Нѣтъ здѣсь ни музыки, ни ресторановъ; очевидно, здѣсь публика въ чистомъ воздухѣ сада и въ прогулкахъ по его тѣнистымъ аллеямъ находитъ высокое наслажденіе. Въ саду цѣлый день — тысячи дѣтей! По сторонамъ сада пріютились кондитерскія и молочныя лавки.

Отдыху нашему, однако, наступалъ конецъ: надо было отправляться въ дальнѣйшій путь. Одно могу сказать: пребываніе въ Варшавѣ, хотя кратковременное, явилось для насъ весьма поучительнымъ: и жизнь, и положеніе современныя, и прошлое этого города такъ интересны и занимательны, такъ необычны, что долго еще мысль возвращается къ пребыванію въ этомъ, нынѣ одномъ изъ лучшихъ, городовъ Россіи.

II.

ВѢНА.

Съ вечернимъ поѣздомъ, шедшимъ со скоростью 60-ти верстъ въ часъ, мы помчались изъ Варшавы въ Вѣну. Заснуть не было возможности, ибо въ вагонахъ даже перваго класса была страшная тряска, и стояла столбомъ необыкновенно густая и ѣдкая пыль; въ вагоны пыль проникала съ полотна дороги. Нигдѣ потомъ за границей, даже еще при болѣе быстромъ ходѣ поѣзда, мы не наблюдали ни такой тряски, ни такой, прямо стихійной пыли. Къ разсвѣту мы были уже на русской границѣ. Пришли, конечно, жандармы, потребовали наши паспорты и отправились въ свое бюро; впрочемъ, осмотръ паспортовъ былъ покончен быстро; снова явились жандармы и вѣжливо вручили намъ столь важный и въ одной Россіи только, впрочемъ, по достоинству цѣнимый документъ; за границей таковой намъ нигдѣ болѣе не понадобился. . .

Мы перешли во вновь поданный поѣздъ и медленно переѣхали въ „Границѣ“ (станція Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, въ Малой Польшѣ) границу Земли Русской. Сразу за границей въ глаза бросилась слѣду-

ющая подробность: при поѣздѣ и на вокзалахъ масса желѣзнодорожныхъ служащихъ съ явнымъ сознаніемъ своего достоинства и значенія, хорошо, очевидно, обезпеченныхъ и хорошо освѣдомленныхъ съ своими обязанностями. Служащими на дорогѣ даются вѣжливо, однако, коротко, самыя точныя свѣдѣнія. Кромѣ того, всюду здѣсь видны значительныя, сравнительно съ нашими, усовершенствованія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ; электричество на дорогахъ эксплуатируется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, напр., для всевозможной сигнализаціи. Но вагоны въ Австріи хуже нашихъ, за исключеніемъ вагоновъ третьяго класса, въ которыхъ, между прочимъ, устроены *кожаныя* спинки. Быстрота хода поѣздовъ значительно больше, чѣмъ на нашихъ дорогахъ. Поѣзда со станцій уходятъ безъ звонковъ: каждый долженъ знать время отхода поѣзда. Остановки, особенно у скорыхъ поѣздовъ, незначительныя: одна — двѣ, много три минуты. По дорогѣ, въ самомъ началѣ нашего заграничнаго странствованія, благодаря этому обстоятельству, мы потеряли-было своего благопріятеля; прельстило его на какой-то станціи вкусное пиво; выпилъ онъ его по аппетиту и задумалъ расчитаться. Денегъ мелкихъ у нашего сотоварища не было; онъ далъ кельнеру крупную бумажку. Тотъ скрылся въ массѣ публики, не безъ основанія, можетъ быть, надѣясь на то, что пассажиръ, видя, что поѣздъ трогается, поспѣшитъ уѣхать безъ сдачи. Но товарищъ нашъ, человѣкъ разсчетливый, хотя и увидѣлъ, что замѣшкался, такъ какъ поѣздъ нашъ уже уходилъ, и мы раскланивались съ лакомкой, вѣжливо, хотя и не безъ досады, — остался и дождался сдачи; поѣздъ же прозѣвалъ. Но вскорѣ за нами шелъ поѣздъ-молнія, который и возвратилъ намъ блуднаго сына, остававшагося нетолько безъ своего багажа, но даже и безъ шапки. Благо — день былъ погожій!

Досмотръ пассажирскихъ вещей въ австрійской таможнѣ производится быстро и легко: не роются въ вещахъ и только спрашиваютъ, нѣтъ ли *чаю, табаку и сахару*, которыхъ къ безпошлинному провозу здѣсь допускается самое ничтожное количество; табакъ и сахаръ составляютъ монополію австрійскаго правительства; но монопольный табакъ, всѣхъ сортовъ и видовъ, гораздо хуже нашего. . .

Съ таможеннымъ австрійскимъ начальствомъ у насъ все-таки вышелъ крупный разговоръ по поводу русскихъ папиросъ: послѣднихъ у насъ оказалось до 600 штукъ! Такого количества таможенный чиновникъ безъ оплаты пошлиной ни за что не хотѣлъ пропустить и только тогда согласился на свободный пропускъ, когда мы сказали ему, что чрезъ Австрію мы собственно только проѣзжаемъ, а будемъ пребывать въ Италіи и — слѣдовательно — тамъ курить. Согласіе это похоже было на месть итальянцамъ, у которыхъ тоже табачная монополія, а, можетъ быть, и на состраданіе къ намъ, потому что въ Италіи всѣ табачныя произведенія — какъ принято говорить — „ниже всякой критики“. . .

На станціи „Граница“ мы снова пересѣли въ дѣйствительно, а не по названію только, скорый поѣздъ и чрезъ Моравію направились къ Вѣнѣ. Въ Моравіи былъ урожай: всюду виднѣлись тучныя поля. Сравнительно съ Россіей, здѣсь все дешевле. Сразу эта дешевизна бросается въ глаза въ станціонныхъ буфетахъ.

Непривычнаго путника поражаетъ также множество лакеевъ, взрослыхъ и подростковъ, въ обѣденныхъ залахъ станцій; впрочемъ, это наблюдается здѣсь вездѣ. Видно, нужда горькая погнала ихъ на нелегкую, голодную и плохо оплачиваемую службу. Особенно жаль подростковъ — **piccolo**. При взглядѣ на нихъ съ ужасомъ ду

маешь о томъ худосочномъ племени, которое произойдетъ отъ нихъ...

Мнѣ скажутъ насчетъ множества служащихъ въ гостиницахъ, что все это, вѣдь, — только удобства посѣтителей. Пусть такъ! Но мнѣ видится здѣсь и другая сторона — страшная конкуренція труда, прямо атавистическая борьба за существованіе, боязнь голодовки и самая голодовка. И это при внимательномъ наблюденіи вы замѣтите вездѣ въ Австріи, и это наблюденіе настраиваетъ васъ на какой-то жуткій ладъ. Заходите вы въ богатый ресторанъ, въ средній или даже просто въ ресторацію, — вездѣ васъ тотчасъ обступятъ нѣсколько человѣкъ лакеевъ, и нѣсколько же человѣкъ подаютъ вамъ вашу скромную порцію ростбратена съ лукомъ, картофелемъ и кружкой пива или стаканомъ мѣстнаго бѣлаго вина, похожаго на нашъ рислингъ, или порцію вѣнской спеціальности — кусокъ засушенной въ сухаряхъ телятины, носящей названіе вѣнскаго шницеля, или такихъ же невкусныхъ (исключительно *въ Вѣнѣ) вѣнскихъ* цыплятъ. При расплатѣ (платятъ здѣсь спеціальному кельнеру, такъ называемому Zahlkelner'у) вы даете на чай 7 — 8 копеекъ, и здѣсь вамъ сердечно благодарны и провожаютъ васъ наилучшими пожеланіями; на лицахъ этихъ бѣдняковъ написаны нужда и не всегда удовлетворенные сонъ и аппетитъ. При этомъ вспоминались наши „рассейскіе" лакеи и ресторанные татары: съ ужасомъ представилъ я себѣ разгнѣванную физіономію нашего „услужающаго", когда ему даютъ на чай 10 —15 копеекъ.

Чрезъ десять часовъ мы прибыли въ красавицу Вѣну, расположенную на берегу быстро текущаго Дуная и окруженную отрогами австрійскихъ Альпъ (съ сѣверной стороны). Положеніе Вѣны во многихъ отношеніяхъ прекрасное: уже древніе владыки міра — римляне об-

любовали это мѣсто и построили здѣсь еще до Рождества Христова свой лагерь-колонію Vindobona, отъ коей и произошла современная Вѣна. Съ перваго взгляда Вѣна производитъ пріятное впечатлѣніе: — это городъ съ великолѣпными, величественными и огромными зданіями, съ 1.600,000 жителей, со всѣми усовершенствованіями общественной жизни, стоящими очень дорого; посему на вокзалѣ при пріѣздѣ въ Вѣну предстоитъ пройти чрезъ внутреннюю таможню — городскую, и, если вы пріѣхали съ предметами для продажи, то извольте заплатить городской сборъ.

Извозчики въ Вѣнѣ роскошные — вполнѣ исправные и щеголеватые; прекрасны и ихъ лошади: кажется, что для общаго пользованія экипажей здѣсь вовсе нѣтъ, что здѣсь — все только собственники. И, дѣйствительно, всѣ мѣстные извозчики — собственники: лошади и экипажи — ихъ имущество и оборотный капиталъ, съ котораго, оборачивая его — въ переносномъ смыслѣ и поворачивая — въ буквальномъ, они получаютъ солидный процентъ. Здѣшніе извозчики не исполняютъ черныхъ работъ около своихъ лошадей и экипажей: все это дѣлаютъ нанимаемые ими люди. Поэтому, въ общемъ, ѣзда на извозчикахъ здѣсь далеко не дешева. Одѣты извозчики весьма опрятно и нарядно. Обычной у насъ общей извозчичьей одежды они не носятъ. Будучи свободны отъ работы, они, сидя на козлахъ, обыкновенно читаютъ газеты.

Для сообщенія въ городѣ къ услугамъ публики *тысячи* вагоновъ конки на рельсахъ и безъ рельсъ, прямо по мостовой; послѣднее возможно только въ такихъ городахъ, какъ Вѣна, гдѣ — роскошныя мостовыя; много вагоновъ и электрической тяги. Велосипедистовъ встрѣчается на улицахъ Вѣны мало: здѣсь слишкомъ многолюдное движеніе. Кондукторамъ, для предупрежде-

нія проходящей публики, не приходится звонить: они не въ силахъ были-бы дѣлать это, такъ какъ принуждены были бы звонить постоянно; обязанность эту выполняютъ лошади: имъ къ хомутамъ привѣшиваютъ бубенцы, которые постоянно звенятъ и тѣмъ предупреждаютъ пѣшеходовъ, впрочемъ, мало зѣвающихъ.

Въ вечеръ, когда мы прибыли въ Вѣну, разразилась около полуночи надъ городомъ чисто южная гроза, съ ужасными раскатами грома и сильно блиставшими молніями. Эта гроза и ливень, ее сопровождавшій, были причиной подмыва моста у Лемберга, гдѣ во время грозы случилась ужасная катастрофа: подмытый ливнемъ мостъ рушился, и пассажирскій поѣздъ, шедшій по немъ, упалъ въ рѣку, при чемъ было разбито нѣсколько вагоновъ и убито болѣе 10 человѣкъ. Катастрофа эта во всей Австріи произвела сильное впечатлѣніе; глубоко здѣсь уважаемый старый императоръ Францъ-Іосифъ не только отнесся съ глубокимъ соболѣзнованіемъ къ жертвамъ катастрофы, но и наградилъ людей, не потерявшихъ присутствія духа и помогавшихъ пострадавшимъ. Ужасныя грозы лѣтомъ здѣсь — не рѣдкость: за три дня до нашего пріѣзда была также сильная гроза; тогда молніей въ самой Вѣнѣ сожжена крыша дома дѣтскаго пріюта.

Жить вѣнцы начинаютъ рано, часовъ съ шести: по улицамъ тянутся безконечныя телѣги съ провизіей, провозятъ въ маленькихъ телѣжкахъ хлѣбъ, причемъ въ дышло нерѣдко впряжены человѣкъ и собака (и такихъ запряжекъ увидите здѣсь много!), отворяются кафе, коихъ здѣсь безчисленное множество; молодцоватые полицейскіе въ очень красивой формѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ никкелевыми блестящими касками, слѣдятъ за порядкомъ и мало замѣтнымъ движеніемъ руки вводятъ въ колею своевольно выбившійся экипажъ или заставляютъ зазѣвавшагося дворника

убрать съ улицы соръ. Часамъ къ восьми начинается оживленіе и въ кафе: вѣнцы пьютъ свой утренній кофе не дома, а въ кофейняхъ и здѣсь же читаютъ газеты; на домъ рѣдко кто выписываетъ газеты. Къ слову: въ каждомъ кафе и въ каждомъ ресторанѣ много свѣжихъ газетъ, а также юмористическихъ журналовъ, нерѣдко требующихъ для изображенныхъ въ нихъ карикатуръ фиговаго листка; въ этомъ виденъ вѣнецъ: онъ нуждается въ новостяхъ, но онъ радъ и посмѣяться остроумной шуткѣ; не прочь и отъ сальности.

Въ десять часовъ уже вся Вѣна на ногахъ: всюду работа; магазины полны покупателей: появились роскошные экипажи съ не менѣе роскошными обладательницами ихъ; на лучшихъ улицахъ — на Пратерѣ, Грабенѣ или Крентнеровой улицѣ трудно пройти. Какъ предметы роскоши, такъ въ особенности предметы первой необходимости, сравнительно съ нашими, удивляютъ дешевизной и доступностью. Я купилъ въ мѣстномъ *итальянскомъ* магазинѣ пару прекрасныхъ штиблетъ (гамашей) за четыре рубля, причемъ мнѣ предупредительно указали на то обстоятельство, что эти желтыя штиблеты сдѣланы изъ настоящей *русской* юфти, а фабрика для шитья ихъ находится въ Миланѣ; въ Россіи такія штиблеты не купить дешевле 7 рублей. Какъ хотите, а это назидательно!

Завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ вѣнцы въ ресторанахъ, которые особенно полны часовъ отъ 2 до 4 дня; тогда не легко найдете свободный столикъ въ ресторанѣ. Дома обѣдаютъ только богачи, больные да тѣ, кто не имѣетъ чѣмъ пообѣдать . . . Если къ вѣнцу приходятъ гости, онъ зоветъ ихъ въ кафе, гдѣ каждый пьетъ свою чашку кофе или шоколада или ѣстъ порцію мороженаго и самъ за съѣденное имъ и выпитое расплачивается. Это никого не стѣсняетъ и ни къ чему не обязываетъ; главное же — бесѣда — всегда, конечно, до-

стигается. Такой порядокъ заведенъ у средняго вѣнца; онъ избавляетъ людей отъ множества ненужныхъ и нелегкихъ хлопотъ, увеличиваетъ какъ количество досуга, такъ и времени для работы. Въ рестораны свободно приходятъ и дамы, пьютъ и ѣдятъ, и это никого и нисколько не шокируетъ. Вообще здѣсь мужчины и женщины держатся проще, естественнѣе, чѣмъ у насъ; въ публичныхъ садахъ и паркахъ (Народномъ, Эстергази, Пратеръ), а также въ ресторанахъ и кафе часто слышатся веселый мужской и женскій смѣхъ, веселая или смѣлая шутка; словомъ, замѣтно *опрощеніе*. Кажется, и въ отношеніяхъ половъ понемногу исчезаетъ та сентиментальная дымка, которая придаетъ столько прелести и очарованія этимъ отношеніямъ у насъ.

Неземной красотой, правильностью чертъ лица и выразительностью его вѣнки не поражаютъ, ибо этихъ даровъ у нихъ нѣтъ; но вѣнки миловидны, ловки, веселы, умѣютъ принарядиться: на головѣ у нихъ цѣлыя копны шелковистыхъ волосъ (вѣнки преимущественно блондинки); всѣ онѣ очень статны и съ полными бюстами. Всѣ эти особенности вѣнки, какъ думаютъ, есть результатъ скрещенія главнымъ образомъ націй славянской, венгерской и германской; немало своего внесли сюда и другія народности многоплеменной и разноязычной имперіи Габсбурговъ; можетъ быть, и евреи вліяли съ своей стороны на образованіе этого типа: евреевъ, вѣдь, въ Австріи много; по крайней мѣрѣ Австрія, послѣ Россіи, является первой страной по количеству евреевъ. И они здѣсь играютъ большую роль въ денежномъ и торговомъ мірѣ, даже въ аристократіи (такъ назыв. финансовые бароны), въ журналистикѣ и искусствѣ; многіе артисты въ здѣшней драмѣ — евреи.

Въ Австріи въ горахъ — позднѣе — мы встрѣтили еще одну австрійскую націю — цыганъ, которые здѣсь

одѣваются поприличнѣе нашихъ, хотя національный костюмъ тотъ же, и разъѣзжаютъ въ особыхъ телѣгахъ-домикахъ; женщины гадаютъ, мужчины пьютъ и торгуютъ лошадьми, а вообще — всѣ занимаются тѣмъ, что отыскиваютъ плохо лежащее.

Къ семи часамъ вечера движеніе въ торговыхъ улицахъ стихаетъ, магазины, наполовину освѣщенные въ теченіе всей ночи, закрываются; кафе, сады, парки наполняются публикой; богатые ѣдутъ кататься на Пратеръ (Пратеръ расположенъ въ концѣ города и очень похожъ на московскіе Сокольники; онъ является великимъ утѣшеніемъ для бѣднаго люда, устремляющагося сюда отдохнуть по вечерамъ, особенно въ праздники); по улицамъ тоже много гуляющихъ; много и „милыхъ, но падшихъ созданій“ .... Но на югѣ ночь и въ іюнѣ наступаетъ быстро, вскорѣ послѣ восьми; сумерки очень коротки. Тогда улицы освѣщаются газовыми фонарями, а въ торговыхъ помѣщеніяхъ зажигаются электрическія лампочки.

Около десяти часовъ вечера масса публики вдругъ срывается съ мѣста и устремляется сломя голову домой. Дѣло въ томъ, что ровно въ 10 часовъ вечера затворяются входныя двери домовъ, и тогда никто не можетъ войти въ домъ безъ 10 крейцеровъ (8 коп.), которые нужно платить сторожу дома; ключей отъ входныхъ дверей дома, кромѣ домового сторожа, никто не имѣетъ. Смѣшной кажется толпа въ то время, если смотрѣть на нее изъ окна третьяго или четвертаго этажа: кажется, будто ее гонитъ невѣдомая сила какимъ-то страшнымъ дуновеніемъ ....

Къ двѣнадцати часамъ движеніе вездѣ прекращается: Вѣна спитъ.

III.

ВѢНА.

Если разсматривать Вѣну со стороны архитектуры, то она является собственно новымъ городомъ; оригинальны только нѣкоторыя старинныя церкви (католическія; здѣсь почти нѣтъ протестантовъ), дворцы и дома въ прежнемъ старомъ городѣ, который, конечно, довольно легко узнать по узкимъ и кривымъ улицамъ. Вообще же здѣсь улицы очень широкія; по сторонамъ улицъ многоэтажные дома красивой новѣйшей архитектуры; зданія поражаютъ размѣрами и солидностью постройки. Остатки стараго города исчезаютъ: и сейчасъ ломаютъ нѣсколько старыхъ домовъ, выравниваютъ улицы и строятъ красивые дома. Но здѣсь все-таки труднѣе, чѣмъ въ Ригѣ или Варшавѣ, узнать древній городъ. Въ Варшавѣ, напр., стоило оглянуться на одномъ базарѣ, что-бы сразу не только угадать въ окружающихъ домахъ старую часть города, но еще примѣтить и то, что эта часть была заселена нѣкогда исключительно бюргерскимъ классомъ: всю площадь окружаютъ высокіе дома, но всего въ три-четыре окна въ этажѣ, ибо въ старой Польшѣ горожане, какъ бы они ни были богаты, не могли имѣть въ этажѣ болѣе 4-хъ оконъ. Вотъ они—кастовыя средневѣковыя условія!

Среди древнихъ церквей Вѣны первое мѣсто и по значенію, и по оригинальной красотѣ занимаетъ огромный соборъ св. Стефана. Съ внѣшней стороны онъ украшенъ точно кружевомъ — сѣрымъ мраморомъ тонкой ажурной работы; онъ очень высокъ, чисто готическаго стиля; но одна башня при входѣ достроена только до половины, и это отсутствіе симметріи сильно портитъ общее впечатлѣніе: религіознаго рвенія у мѣстныхъ католиковъ хватало даже на дѣла, подобныя Варѳоломеевской ночи, но не нашлось благотворителей, которые сдѣлали-бы пожертвованіе на достройку башни, нынѣ уродующей все зданіе. Вообще здѣшніе католики — особенные католики; еще женщины очень религіозны; въ церквахъ у безчисленныхъ алтарей вы ихъ всегда найдете распростертыми и молящимися или углубившимися въ раздумье; но мужчины — и въ особенности, въ высшихъ кругахъ — очень индифферентны и къ религіи, и къ дѣламъ благочестія. Внутри собора св. Стефана, огромнаго по размѣрамъ, кромѣ статуй святыхъ, находится историческій памятникъ королю польскому Яну Собѣсскому, въ сентябрѣ 1683 года спасшему Вѣну отъ 200,000 обложившихъ ее турокъ. Онъ, вмѣстѣ съ австрійскимъ полководцемъ, ударилъ на турокъ съ высотъ, расположенныхъ съ сѣверной стороны Вѣны (на высотахъ и нынѣ находятся развалины прежнихъ рыцарскихъ замковъ), и разогналъ толпу свирѣпыхъ магометанъ. При въѣздѣ Яна Собѣсскаго въ Вѣну — народъ привѣтствовалъ его, какъ своего избавителя, и цѣловалъ стремя его сѣдла, а проповѣдникъ встрѣтилъ его въ соборѣ Стефана рѣчью, которая начиналась евангельскими словами: „И бысть посланъ отъ Бога человѣкъ: имя ему Іоаннъ (Іоаннъ — имя Собѣсскаго)“. Бездарный же и завистливый императоръ Леопольдъ I холодно обошелся съ своимъ спасителемъ. Въ памятникѣ Собѣсскому, находящемся въ соборѣ

св. Стефана, много сходственнаго съ памятникомъ, поставленнымъ Яну Собѣсскому императрицей Екатериной II въ Лазенкахъ, въ Варшавѣ.

Среди старой Вѣны есть капуцинскій монастырь, и въ немъ находится усыпальница императорскаго австрійскаго дома. Много гробовъ, металлическихъ, простыхъ, а нерѣдко и съ рельефными изображеніями, въ коихъ главную роль играетъ коронованная смерть, стоятъ въ подвальномъ невзрачномъ помѣщеніи монастыря. Здѣсь и Марія Терезія, и Францъ I, и Леопольдъ I, Францъ II, Наполеонъ II (герцогъ Раштадтскій) и др. Смерть равняетъ всѣхъ, и капуцины только тогда открываютъ входъ подземелья и пропускаютъ туда печальную процессію вновь прибывшаго царственнаго покойника, когда на ихъ вопросъ: „Кто тамъ?“ отвѣтятъ: „Братъ такой-то“, а не — „императоръ, принцъ, императрица“...

Церкви Петра и Павла и Карла относятся по архитектурѣ къ эпохѣ Ренессанса и напоминаютъ уже Римъ. Въ церкви Петра и Павла я былъ 29 іюня (по новому стилю); хотя служба давно уже отошла, въ церкви все еще было много молящихся, а на столикѣ посреди церкви стояла очень маленькая кружка, съ надписью: „Пожертвованія въ пользу нашего святѣйшаго отца папы Льва XIII.“

Изъ болѣе новыхъ зданій интересенъ для осмотра императорскій дворецъ Шенбрунъ, построенный въ срединѣ прошлаго вѣка Маріей Терезіей за Вѣной (нынѣ дворецъ уже въ городѣ). Убранство внутри дворца обычное (какъ вообще — во дворцахъ прошлаго вѣка — китайскія комнаты, великолѣпные гобелены, комнаты розоваго дерева, картины придворной жизни и т. п.); вокругъ дворца разбитъ огромнѣйшій паркъ во вкусѣ Людовика XIV, гдѣ деревья искусно подведены „подъ ранжиръ“ и составляютъ стѣну; въ паркѣ бьютъ водопады родниковой воды; здѣсь же въ паркѣ — и очень бога-

тый звѣринецъ. На своемъ пути на Востокъ нашъ Государь Императоръ, будучи еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, провелъ нѣсколько дней въ этомъ дворцѣ.

Имя Маріи Терезіи принадлежитъ къ самымъ дорогимъ именамъ въ Австріи; тамъ создался цѣлый культъ этой знаменитой австрійской государыни и благородной женщины и матери. На Ring-Strasse (улицѣ, *кольцомъ* идущей вокругъ всей средней Вѣны), недалеко отъ зданія парламента и строящагося новаго императорскаго дворца, находится на большой площади памятникъ Маріи Терезіи, производящій сильное впечатлѣніе. Этотъ памятникъ сооруженъ нынѣшнимъ императоромъ не особенно давно, и по стилю своему онъ похожъ на извѣстный памятникъ императрицѣ Екатеринѣ Второй на Невскомъ въ Петербургѣ; только Марія Терезія не стоитъ, какъ великая Екатерина, а сидитъ. Вокругъ памятника — Кауницъ и другіе сотрудники Маріи Терезіи по управленію. На площади разбросаны цвѣтники съ фонтанами, а по сторонамъ ея находятся два огромнѣйшихъ и роскошнѣйшихъ зданія — два дворца, построенныхъ десять лѣтъ тому назадъ, почти одновременно съ памятникомъ, императоромъ Францемъ Іосифомъ на личный счетъ и представляющихъ собою богатѣйшіе музеи: естественно-историческій и художественно-историческій. Собраніе картинъ, особенно итальянской и голландской школъ, здѣсь богатѣйшее; вообще же здѣшнія собранія художественныя мало уступаютъ собраніямъ въ петербургскомъ эрмитажѣ, а нѣкоторыя культурно-историческія коллекціи, напр. метеоролитовъ, біологическія и др., по обилію и систематизаціи положительно превосходятъ таковыя въ эрмитажѣ. Для ученаго и художника въ этихъ музеяхъ — неисчерпаемый матеріалъ.

На улицахъ и площадяхъ Вѣны много памятниковъ государственнымъ научно-художественнымъ дѣятелямъ Ав-

стріи (Бетховена, Моцарта, эрцгерцога Карла и др.).

Адмиралу Тегетову поставлена на Пратерѣ высокая колонна съ корабельными носами (ростральная колонна); на верху колонны стоитъ статуя адмирала.

На Ring-Strasse идутъ параллельно, во всю длину ея, два бульвара; между ними проходятъ вагоны конки. На этой прекрасной улицѣ находятся величественныя зданія парламента и ратуши. Здѣсь же императорскій Гофбургъ-театръ.

Это — оперный театръ, но въ настоящее время въ немъ даютъ драму. Спектакли императорскихъ артистовъ, то оперныхъ, то драматическихъ, здѣсь идутъ въ теченіе цѣлаго года безпрерывно; вѣнцы утверждаютъ, что это дѣлается для многочисленныхъ пріѣзжихъ въ столицу, хотя и сами они, задержанные въ Вѣнѣ дѣлами, весьма охотно посѣщаютъ эти спектакли. Театръ построенъ недавно, лѣтъ десять назадъ. Входы, коридоры и фойе его роскошны: вездѣ золото, мраморъ, зеркала. Зрительный залъ — подковой. Я былъ два раза въ этомъ театрѣ, и оба раза, несмотря на необычайно жаркую пору лѣта, здѣсь стоявшую въ послѣдніе дни, публики въ театрѣ было очень много. На одномъ представленіи въ театрѣ была испанская инфантина Изабелла. Давали въ первый разъ символическую драму „новаго Шиллера", какъ любятъ здѣсь называть Гауптмана, — „Затонувшій колоколъ", а во второй разъ трагедію Шекспира: „Антоній и Клеопатра". Гауптманъ — революціонеръ въ драмѣ, но не создатель школы, какъ Шиллеръ; онъ — преходящее явленіе. Но драмы его наводятъ на нѣкоторыя занимательныя мысли. Очевидно, современное человѣчество не удовлетворяется уже болѣе драмой буржуазной, часто пошлой — оно снова томится и ждетъ появленія новаго Софокла или новаго Шекспира, ибо нужны они для счастія человѣческаго. И они придутъ....

Гауптманы же, Зудерманы, Ибсены — только предвѣстники ихъ.

Въ обоихъ представленіяхъ принимали участіе лучшія силы драматической труппы: г-жи Зандрокъ, Рейнгольдъ Девріенъ, гг. Зоненталь, Робертъ, Левинскій. Ансамбль, конечно, поразительно хорошъ: въ „Антоніи и Клеопатрѣ“ дѣйствительно дѣйствуютъ настоящіе римляне и египтяне, а не переодѣтые самозванцы; предъ зрителемъ все время — настоящая жизнь, а не притворство. Клеопатру изображала удивительная артистка, знакомая мнѣ уже раньше по недавнимъ еще ея гастролямъ въ Россіи (въ Ригѣ), — г-жа Зандрокъ. Это былъ ея первый дебютъ въ качествѣ замѣстительницы недавно скончавшейся, тоже замѣчательной артистки Вольтеръ. Многіе вѣнцы не могли — по консерватизму — допустить и мысли объ этой замѣнѣ; поговаривали о готовящемся дебютанткѣ скандалѣ, но послѣдняя своей игрой помирила съ собой протестантовъ. . . . Мѣстныя газеты сдѣлали изъ этого дебюта настоящее событіе и три дня подъ рядъ выражали удивленіе предъ такъ спокойно прошедшимъ спектаклемъ. Тоже нравы! . . . .

Но драма и здѣсь, какъ и вездѣ, не только на сценѣ, но и въ жизни. Вотъ одна — на романической подкладкѣ. Онъ — свободный молодой человѣкъ; она — молодая жена стараго мужа; оба полюбили другъ друга; оба въ одно и то же время и счастливы, и несчастливы. Что-же? — За руки и съ моста въ быстрыя волны Дуная, а послѣднія не возвращаютъ добровольно своихъ жертвъ. Или — другая драма, но уже на соціальной подкладкѣ. Двое случайно встрѣтившихся молодцовъ долго ждали работы; но ея не было; выпили и черезъ перила моста бухъ въ тотъ же Дунай. Много жертвъ требуетъ Дунай! . . . . Вотъ офицеръ закутилъ, да такъ, что забылъ про конецъ отпуска; вѣнки покончили съ

его карманомъ и съ нимъ: исходъ оставался — можно было спастись, но пришлось бы пострадать — перенести дисциплинарное взысканіе, можетъ быть, разжалованіе въ солдаты. Зачѣмъ же страдать, когда есть еще исходъ: пулю въ лобъ! — и всѣ расчеты съ собой и обществомъ кончены.

Въ Вѣнѣ до глубины души поразила меня одна драма: газеты сообщали о непоправимомъ разореніи семьи сапожника, у котораго воръ укралъ *пару* сапоговъ: послѣ этого не было чѣмъ платить подати — платежу наступалъ послѣдній срокъ — и сапожнику пришлось закрыть мастерскую. До сихъ поръ никогда я не могъ представить себѣ, чтобы одна пара сапоговъ могла сыграть такую роковую роль въ жизни цѣлой семьи.

Нужда здѣсь велика, трудъ дешевъ, реклама въ сильномъ ходу. Реклама — вездѣ. Вотъ строятъ домъ, и на лѣсахъ и на заборѣ вокругъ него не найти незанятаго мѣста: вездѣ объявленія о представленіяхъ, продажахъ и т. п. Вотъ изъ бочекъ черпаютъ воду, чтобы поить лошадей, и на бочкахъ вы прочтете объявленіе, что по воскресеньямъ для спасенія души полезно читать такой-то духовный листокъ. И т. д., и т. д. . . .

Привлекаемый рекламой, зашелъ посмотрѣть я на жиденькой — и даже очень! — выставкѣ мѣстныхъ художниковъ сенсаціонную картину небезызвѣстнаго берлинскаго художника — Анны Костенобле (кажется, псевдонимъ): „Трагедія современной женщины.“ На шести полотнахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ отдѣльной комнаты, изображена, въ различныхъ стадіяхъ страсти, женщина, томимая половымъ влеченіемъ къ мужчинѣ и не находящая удовлетворенія въ современномъ, истощавшемъ и раньше времени состарѣвшемся и обезсилѣвшемъ мужчинѣ fin-de-siècle' я. Въ этомъ, — въ невозможности удовлетворить чисто животное чувство, въ

невозможности обладать этимъ мужчиной — „героемъ“ — вся трагедія современной женщины! Невольно вспоминалась мнѣ символическая драма Гауптмана: „Затонувшій колоколъ“: въ драмѣ этой погибъ самонадѣянный герой-художникъ, который когда-то все-таки обладалъ святымъ вдохновеніемъ — колоколомъ; Анна же Костенобле, о декадентской картинѣ которой я говорилъ выше, по моему мнѣнію, никогда и не имѣла такого колокола . . . . только оригинальностью темы, ея „откровенностью“ и смѣлостью декадента можно объяснить себѣ появленіе предъ публикой такого произведенія. А, можетъ быть, и сама публика виновата въ появленіи подобныхъ шедевровъ!

Пребываніе въ Вѣнѣ оставило во мнѣ пріятныя воспоминанія. Здѣсь вообще много русскихъ туристовъ: въ музеяхъ и на улицахъ слышится русская рѣчь.

Еще нѣсколько словъ о вѣнскихъ достопримѣчательностяхъ. На Пратерѣ устроено большое зданіе, въ которомъ нѣкто Гагенбекъ, оптовый торговецъ змѣями и рѣдкостными дикими звѣрями изъ Гамбурга, устроилъ виварій; въ послѣднемъ собрано нѣсколько сотъ живыхъ змѣй, отъ маленькихъ до огромнѣйшихъ, ящерицъ (до большихъ нильскихъ крокодиловъ включительно) и черепахъ; среди змѣй были экземпляры и ядовитыхъ; здѣсь же устроенъ уголокъ далекаго Сѣвернаго ледовитаго океана съ бѣлыми медвѣдями, сѣверными птицами и тюленями. Тутъ-же на Пратерѣ устроено огромное колесо, въ діаметрѣ болѣе 200 футовъ, съ 32 привѣшенными къ нему вагонами; вѣнская публика будетъ въ состояніи обозирать Вѣну съ высоты этого колоссальнаго колеса, привезеннаго изъ Чикаго. А видъ Вѣны съ высоты, дѣйствительно, интересенъ, о чемъ заключаю по виду, открывающемуся съ башни св. Стефана.

Къ оригинальнымъ учрежденіямъ веселаго города Вѣны принадлежитъ, между прочимъ, погребъ венгерскихъ винъ князя Эстергази. Темный и небольшой погребъ расположенъ на значительной глубинѣ (четырехъ саженъ); посреди его — колонны; у задней стѣны — огромныя бочки съ виномъ; на стойкѣ въ кружкахъ (мѣра въ полъ-литра) стоитъ разлитое вино (рустеръ, токай и др.) За очень небольшую плату (20—25 коп.) посѣтитель получаетъ столько вина, что, выпивши его, съ трудомъ владѣетъ и ногами, и языкомъ. Вино цѣльное, сильное и дѣйствительно прекрасное. Торговля въ этомъ погребѣ въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ происходитъ только отъ 9 час. утра до 1 часу дня и отъ 5 до 7 часовъ вечера. Что за народъ тогда собирается въ этомъ кабачкѣ! Здѣсь не только венгерцы, но и вообще любители крѣпкихъ венгерскихъ винъ. Здѣсь, въ слабо освѣщенномъ газовыми рожками помѣщеніи, собираются и женщины и мужчины, и богатые и бѣдные, и старые и молодые. Столовъ нѣтъ: только у стѣнъ поставлена узкая скамейка для сидѣнья.

Мы пришли незадолго до закрытія погреба. Потребовавъ вина . . . — нѣтъ, уплачивая полъ-кроны и беря одну за другой кружки вина, мы стали пить. Вокругъ насъ тоже пили. И что за интересныя, бытовыя картинки пришлось здѣсь наблюдать! Вотъ въ углу сидитъ торговка лѣтъ 40; она только что начала пить, но щеки ея уже сильно разрумянились . . . Разносчикъ телеграммъ, вѣроятно, вспомнивъ вина родины своей, выпилъ довольно много и держитъ недопитую кружку на сумкѣ съ телеграммами; вдругъ изъ стоящаго въ погребѣ шума и гама рѣзко выдѣляется одна нота; телеграфистъ вздрагиваетъ, кружка опрокидывается, и вино почти все вылито на полъ. Первое движеніе телеграфиста — допить изъ кружки остатки вина . . . . Нѣсколько любопытныхъ туристовъ

забрались такъ-же, какъ и мы, въ погребъ, вѣроятно, для наблюденій нравовъ, но, начавъ пить вино, позабыли о цѣли своего путешествія въ погребокъ и ведутъ оживленный разговоръ. . . Среди пьющихъ то и дѣло шмыгаютъ продавцы всякой всячины: гребешковъ, кошельковъ, книжекъ, карандашей и т. п. мелочей.

IV.

Въ австрійскихъ Альпахъ.

Отсюда, изъ Вѣны, я предполагалъ отправиться внизъ по Дунаю до второй столицы имперіи Габсбурговъ — Будапешта и пробыть въ этомъ, какъ говорятъ, очень красивомъ и передовомъ нынѣ по модѣ и шику, а также по развеселой жизни городѣ нѣсколько дней; но усталость послѣ пребыванія въ Вѣнѣ въ теченіе восьми дней такъ чувствовалась, что захотѣлось поѣхать туда, гдѣ можно было хоть немного отдохнуть настоящимъ образомъ. Для этого выбрана была гористая мѣстность, весьма красивая и живописная, по названію Земерингъ, расположенная въ австрійскихъ Альпахъ. Земерингъ — довольно высокое плоскогоріе (до 3000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря), усѣянное отдѣльными вершинами, достигающими 6—7 тысячъ футовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя отчасти покрыты снѣгомъ и лѣтомъ. Дорога проходитъ по долинѣ межъ высокими вершинами, постепенно поднимаясь отъ Вѣны до Виллаха, т. е. на разстояніи приблизительно 200 верстъ. Поѣздъ разъ 20 проходитъ чрезъ тоннели, оставаясь въ нихъ иногда минутъ по 7—8; шумъ и темнота, царящіе тогда въ ваго-

нахъ, дѣйствуютъ на ѣдущихъ съ непривычки весьма тяжело. Иногда одну и ту же долину мы видимъ два или три раза, такъ какъ, поднимаясь въ гору, мы должны вокругъ одной и той же горы, но на различныхъ высотахъ, совершать два или три объѣзда. Длинные тоннели прерываются иногда рядомъ арокъ съ одной стороны, и тогда на моментъ дневной свѣтъ врывается, вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ, въ вагоны; зато потомъ темнота становится еще тяжелѣе. Одни тоннели устроены для избѣжанія длинныхъ обходовъ горъ, другіе — для защиты отъ снѣжныхъ обваловъ весною.

Предъ глазами постоянно картины то дикой горной природы, съ обрывами, покрытыми сосновымъ лѣсомъ, или со скалами бураго цвѣта, то мирной, въ долинахъ межъ горъ, сельской природы, съ хорошенькими деревеньками, въ коихъ всѣ дома сплошь каменные и крыты черепицей, съ высокими колокольнями и прекрасно воздѣланными, лежащими вокругъ деревень полями. Съ горъ текутъ шумящіе ручьи, двигающіе колеса мельницъ и многихъ мѣстныхъ писчебумажныхъ и суконныхъ фабрикъ. При безоблачномъ небѣ вершины открыты, и снѣгъ сіяетъ миріадами искръ. Но въ пасмурную погоду горныхъ вершинъ не видно: онѣ покрыты облаками. Предъ глазами происходитъ очень интересное явленіе: вдругъ вершина горы начинаетъ куриться, вокругъ нея собираются отдѣльные клочки облаковъ, и чрезъ десять минутъ вершина уже покрыта густымъ туманомъ, который спускается все ниже и ниже. Вотъ облака прорѣзала длинная и узкая молнія, преломившаяся нѣсколько разъ; не скоро въ горахъ раздался раскатъ грома — и началась гроза, а черезъ нѣкоторое время пошелъ и дождь. Хорошо тогда сидѣть дома за чашкой горячаго душистаго кофе, въ кругу товарищей и родныхъ . . . .

Температура быстро понизилась: съ 17° по Р. она упала до $8^1/_2$°. Пришлось закрыть окна, чтобы не простудиться на этой родинѣ ревматизмовъ.

Но утромъ солнце уже ярко освѣщало и синѣющій лѣсъ на скатахъ горъ, и не освободившіяся еще отъ облаковъ вершины горъ. Медленно поднимался вверхъ туманъ, съ каждымъ подъемомъ расширяя нашъ горизонтъ и доставляя одинъ за другимъ прекрасные виды. Хороши горы и при закатѣ солнца, когда вершины ихъ золотятся послѣдними лучами заходящаго свѣтила: внизу уже сумерки, а наверху все еще свѣтло и радостно.

Подъемы на горы довольно тяжелы, но для здоровья полезны; воздухъ чистъ, ясенъ и душистъ; дышется полной грудью. Нерѣдко на половинѣ горы встрѣтите молочную ферму. Зайдемъ и выпьемъ кружку душистаго молока, которую намъ подастъ румяная поселянка горъ!

Гостиница наша была расположена на горѣ; а подъ нами разстилался городокъ Мюрцушлагъ. Жителей въ немъ тысячъ до пяти; и хотя они сохранили еще много патріархальнаго, но вѣнцы, которые сюда прибываютъ по воскресеньямъ, уже достаточно разбудили въ нихъ инстинкты наживы. Въ городкѣ прекрасныя улицы; нѣсколько фабрикъ. Къ городку ведутъ прекрасныя шоссейныя дороги. Въ ручьѣ, который носитъ тоже названіе „Мюрцушлагъ“, водятся вкусныя форели. Наплывъ горожанъ, стремящихся изъ душной Вѣны на лоно прекрасной горной природы, создалъ особыя мѣстныя желѣзныя дороги, ведущія на высоты, гдѣ находятся живописныя развалины замковъ или извѣстные санаторіи. Но дороги эти извѣстны чисто анекдотической быстротой: говорятъ, одинъ пассажиръ, отправившійся на высоты дитятей, успѣлъ состарѣться, пока съ поѣздомъ одной подобной дороги прибылъ на высоты . . . .

Нѣсколько дней въ умѣренной горной температурѣ и на лонѣ прекрасной природы вполнѣ возстановили равновѣсіе духа. Но надо было уѣзжать. Тогда мы познали и обратную сторону прекраснаго! Трактирщикъ подалъ намъ такой счетъ, что волосы на головѣ у тѣхъ, у кого они еще остались, встали дыбомъ. Любезно извиняясь, неистовый владѣлецъ „Guck in's Land'a“ заявилъ, что зло это (именно — его ужасный счетъ!) собственно неизбѣжно, ибо лѣто слишкомъ коротко въ горахъ, а зимою его „Guck“ запертъ и засыпанъ снѣгомъ. Наши протесты противъ этого горнаго финансоваго неистовства, конечно, облегчили нашу душу; но трактирщикъ остался твердъ, какъ тѣ куски скалъ, которые скатились съ горъ и лежатъ у входа въ его гостиницу. —

Отъ Мюрцушлага пришлось подниматься еще выше. Природа становилась болѣе грозной и дикой. Водопады шумѣли съ разныхъ сторонъ. Ручьи превратились въ рѣки. Нѣсколько разъ мы переѣхали черезъ Саву и Драву. Снѣгъ на горахъ у Виллаха превратился въ глетчеры. Поѣздъ, однако, и здѣсь идетъ съ большою быстротою, хотя ему приходится буквально карабкаться вверхъ по обрыву горы. Съ горъ вѣетъ прохладой, несмотря на то, что уже полдень и на ясномъ небѣ ярко свѣтитъ солнце. Въ вагонѣ слышится славянская, хотя и малопонятная рѣчь: мы проѣзжаемъ чрезъ славянскія земли.

Спускъ съ горъ происходитъ еще съ большей быстротой; по временамъ, отъ быстроты, съ которой мы неслись, особенно когда мы были уже въ Италіи и когда приходилось спускаться съ итальянскихъ Альпъ и проѣзжать чрезъ длинные тоннели или высокіе мосты, прямо духъ захватывало: казалось, еще моментъ, и съ моста поѣздъ полетитъ въ разстилающуюся предъ гла-

зами внизу пропасть, или съ обрыва, по которому теперь онъ карабкается, вдругъ скатится внизъ. Но обрывы, мосты и тоннели уходили, а мы все мчались впередъ и — правду сказать — хотя и съ страшной, но завидной быстротой.

V.

Въ прекрасной Италіи.

На итальянской границѣ съ нами приключилось два происшествія. Во-первыхъ, у одного изъ моихъ спутниковъ оказалось болѣе 15 папиросъ, вывезенныхъ изъ Россіи, — слѣдовательно, приготовленныхъ изъ *хорошаго* табаку. Лишь только таможенный чиновникъ замѣтилъ коробку съ папиросами у нашего товарища, онъ ею былъ точно загипнотизированъ: все остальное исчезло изъ его глазъ — предъ нимъ была злополучная жестяная коробка, а въ ней — плодъ запретный! Дѣло въ томъ, что торговля табакомъ въ Италіи составляетъ правительственную монополію, и посему ввозъ чужого табака воспрещенъ. Итальянцамъ приходится курить очень плохой, еще хуже, чѣмъ въ Австріи, табакъ и за это платить втридорога. И нашему товарищу поэтому пришлось разстаться съ хорошими папиросами. Оставшіяся у него русскія папиросы онъ распредѣлилъ по одной на день и, выкуривая папиросу, старался продлить возможно долѣе свое наслажденіе.

Во-вторыхъ, мы потеряли одного изъ спутниковъ — на этотъ разъ, уже не того, котораго потеряли по дорогѣ въ Вѣну! Послѣднему поручено было купить италь-

янскихъ денегъ — лиръ и на нихъ пріобрѣсти желѣзнодорожные билеты. Но нашему коллегѣ не понравилось, что ему дали мелкихъ итальянскихъ бумажекъ, — онъ сталъ просить покрупнѣе; билетную кассу, между тѣмъ, закрыли; мы были уже въ вагонѣ, раздался свистокъ, и мы умчались на скоромъ поѣздѣ, оставивъ пріятеля на пограничной станціи — Понтебба; впрочемъ, онъ не терялъ даромъ времени: билетовъ для насъ онъ, конечно, не купилъ, а отправился, мучимый археологическимъ бѣсомъ, осматривать Понтеббу — маленькій итальянскій городокъ, гдѣ еще такъ свѣжо австрійское владычество. Въ Понтеббѣ онъ также нашелъ итальянскій деликатесъ — самоперемѣщающійся сыръ-горгонцолу и вкусный мускатный виноградъ и пріѣлъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Мы же, претерпѣвъ массу непріятностей отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, но все-таки промчавшись болѣе 130 верстъ, наконецъ, были торжественно высажены на станціи въ городкѣ Удино. Ни мало не унывая, усѣлись мы тотчасъ на мѣстную конку и поѣхали осматривать городокъ. Послѣдній оказался хорошенькимъ, съ дворцами, правда — заколоченными, съ памятниками и съ рѣкой, быстро текущей посреди города въ роскошной набережной. Удино нѣкогда былъ пригородомъ Венеціи и также славился торговлей. Теперь въ немъ тихо. Магазины на-глухо забиты, на улицахъ нѣтъ никакого движенія . . . Только у городскихъ воротъ стоятъ весьма бдительные надсмотрщики и собираютъ подати въ пользу города съ ввозимыхъ товаровъ и даже съ провозимыхъ въ городскихъ экипажахъ свертковъ; ввозъ очень незначителенъ.

Италія — въ страшныхъ долгахъ (она по задолженности — 4-ое государство въ мірѣ); промышленность, и добывающая, и обрабатывающая, — въ упадкѣ, государственные расходы непомѣрно велики, особенно на

красивую, но едва-ли побѣдоносную армію, а также на флотъ; единственное средство добыть деньги — налоги; оттуда монополіи, оттуда и обложеніе въ ужасающихъ размѣрахъ. Здѣсь сыръ, яйца, мясо, меню обѣдовъ и завтраковъ, объявленія о продажѣ винъ, развѣшиваемыя въ ресторанахъ и магазинахъ, даже счета государственныхъ почтовыхъ конторъ, — все оклеено марками! Заработная плата здѣсь низка, а обстановка, въ которой работаютъ на фабрикахъ, часто невыносима. Въ Венеціи и вообще на фабрикахъ Ломбардіи, напр., кружевницы, плетущія роскошныя и дорогія шелковыя кружева — гордость и нашихъ красавицъ, работаютъ въ ужасной обстановкѣ; въ теченіе цѣлаго дня онѣ находятся въ сырыхъ подвалахъ (сырой шелкъ легче разбирать!), при чемъ электрическое освѣщеніе устроено такъ, что свѣтъ узенькой полоской падаетъ на нити шелка. Такая обстановка пагубно дѣйствуетъ на глаза и весь организмъ работницъ; — но великъ и могучъ богъ Молохъ, и жертвы ему приносятся великія!

Жалкое впечатлѣніе производятъ мѣстные города и ихъ обитатели: штукатурка на домахъ пообвалилась, загрязнены стѣны, поломаны двери, вездѣ грязь и вонь. Впечатлѣніе, получаемое отъ обозрѣнія итальянскихъ городовъ, такое, будто вы предъ собой видите слѣды опустошенія, произведеннаго прошедшимъ здѣсь съ погромомъ Мамаемъ.

Нищета и бѣдность видны здѣсь на каждомъ шагу; онѣ написаны на лицѣ всякаго человѣка изъ массы. Одѣваются здѣсь простые люди очень неряшливо и бѣдно. Мужчины носятъ синіе штаны и рубаху, обыкновенно грязные и непремѣнно со множествомъ заплатъ; женщины и дѣвочки носятъ цвѣтныя юбки и непремѣнно шали и большіе платки. Попрошайничество развито сильно; и — надо сознаться — нюхъ у мѣстныхъ обитателей

сильно развитъ: они сразу узнаютъ иностранцевъ и къ нимъ только и пристаютъ. Мальчики обыкновенно пристаютъ съ просьбой купить коробку спичекъ, тоже обложенныхъ очень высокимъ налогомъ, или карточку для открытаго письма съ видомъ мѣстной архитектурной достопримѣчательности; взрослые продаютъ планы городовъ или неотвязчиво пристаютъ съ услугами, въ родѣ — проводить чрезъ двѣ-три улицы, указать дешевый магазинъ и т. п. Если ничего нѣтъ для продажи, то прямо просятъ дать сольдо (около 2 коп.), вѣроятно, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что у васъ есть сольдо, а вотъ у нихъ нѣтъ, а, между прочимъ, и они не прочь были бы его имѣть.

Лѣнивъ здѣшній народъ колоссально: онъ готовъ работать только настолько, чтобы добыть себѣ для пропитанія; о дальнѣйшемъ онъ не заботится. Любитъ онъ легкую работу: продавать свѣжую воду или быть гондольеромъ, лодочникомъ (криками „aqua fresca“ или „gondola, gondola“ нервнаго человѣка могутъ здѣсь довести до изступленія), быть чичероне и т. п.

Ѣдятъ итальянцы немного, главнымъ образомъ, макароны, овощи, плоды, сыръ и молочные продукты, устрицы, раковины, ракообразныхъ морскихъ животныхъ, рыбу; мяса ѣдятъ мало и очень немногіе; хлѣбъ бѣлый, — непріятнаго вкуса, прѣсный, тяжелый.

Симпатичную черту итальянца составляетъ любовь къ дѣтямъ. Итальянцы отличаются поразительной любовью къ дѣтямъ, и это замѣтно во всѣхъ классахъ. Дѣти — благословенье Божіе, и болѣе нѣжной страстной любви родителей къ дѣтямъ во всей народной массѣ вы нигдѣ не найдете, — развѣ только у евреевъ еще: на пароходахъ, въ аллеяхъ публичныхъ садовъ, на улицахъ нерѣдко встрѣчаются отцы, держащіе своихъ крошекъ-малютокъ на рукахъ.

Въ разговорѣ итальянцы очень живы и много жестикулируютъ; говорятъ они рѣзко, громко и очень скучаютъ, если не могутъ говорить. Съ нами ѣхалъ въ вагонѣ какъ-то итальянецъ-горожанинъ; отъ скуки и досады, не находя собесѣдниковъ, онъ сталъ охать, стонать и затѣмъ даже пѣть. Всякій итальянецъ въ то же время и пѣвецъ отъ природы: голоса у нихъ грудные, высокіе, бархатистые; поютъ они съ душой. Мнѣ пришлось въ Венеціи присутствовать при серенадѣ (удовольствіе, которое можетъ всякій себѣ доставить, взявъ гондолу и выѣхавъ на ней вечеромъ на Большой каналъ, гдѣ каждый вечеръ профессіональными пѣвцами изъ простонародья устраиваются предъ большими гостиницами серенады); пѣли, какъ я сказалъ, профессіональные пѣвцы, но сколько было души въ ихъ пѣніи . . . Въ Венеціи же, на Лидо, пришлось услышать и импровизатора — типъ, свойственный только югу. Одѣтый въ черный костюмъ, въ сертукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ цилиндромъ на бекрень, разставивъ кривыя ноги, молодой еще и симпатичный человѣкъ, самъ аккомпанируя себѣ на гитарѣ, слагалъ и тотчасъ пѣлъ пріятнымъ баритономъ свои пѣсни; публика ресторана не особенно скупилась на аплодисменты и сольдо. Жаль, что у многихъ изъ этихъ народныхъ пѣвцовъ нѣтъ никакой обработки голоса; въ простомъ народѣ сложилось даже, кажется, убѣжденіе, что чѣмъ громче кто поетъ, тѣмъ лучше. Никого, конечно, здѣсь не поражаетъ, что вдругъ на улицѣ кто-нибудь затянетъ пѣсню, другой подхватитъ и т. д. За тѣ крики, какіе здѣсь производятъ обыватели на улицѣ, у насъ они навѣрно познакомились бы съ участкомъ, а здѣсь городовые на это не обращаютъ даже вниманія. Впрочемъ, они не обращаютъ вниманія и на то, если на улицѣ затѣялась драка: самъ заварилъ кашу, самъ и расхлебывай ее . . .

VI.

Красавица Венеція.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ Удино мы спустились въ долину и около полуночи прибыли въ Венецію; послѣднія четыре версты пришлось проѣхать по мосту, имѣющему 202 быка; мостъ этотъ съ материка по лагунѣ ведетъ на одинъ изъ островов, на коихъ расположена пышная и нѣкогда полная жизни, а нынѣ спящая красавица Адріатики, прежняя повелительница многихъ морей — Венеція. Большой каналъ, на который мы вышли изъ вокзала, сіялъ отъ множества бѣлесоватыхъ газовыхъ береговыхъ огней и красныхъ огней на гондолахъ, переливавшихся въ каналѣ различными цвѣтами. Въ воздухѣ стояли шумъ и гамъ; громче другихъ раздавались голоса мѣстныхъ извозчиковъ-гондольеровъ: „Góndola, góndola, signore!“ Безъ нѣсколькихъ минутъ въ 24 часа мы были уже въ гостиницѣ (въ Италіи считаютъ не отъ одного до двѣнадцати часовъ, какъ принято у насъ, а отъ одного до 24 часовъ; этотъ счетъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ много удобствъ, напр., въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ или при метеорологическихъ наблюденіяхъ; при немъ нѣтъ возможности сбиться при вычисленіи времени).

Италію не обинуясь можно назвать историко-художественнымъ музеемъ: въ каждомъ, даже маленькомъ, городѣ есть выдающіяся по архитектурѣ зданія или картины извѣстныхъ мастеровъ; со многими изъ городовъ связаны извѣстныя историческія событія далекаго или отдаленнаго прошлаго. И это историческое Италіи и — въ особенности — ея художественное богатство, въ соединеніи съ прекраснымъ климатомъ и роскошнымъ небомъ, служатъ приманкой для иностранцевъ и однимъ изъ доходнѣйшихъ финансовыхъ источниковъ современной Италіи. Стоитъ вспомнить, сколько по Италіи разъѣзжаетъ однихъ только англичанъ!

Венеція расположена на островахъ, которые, какъ думаютъ, понемногу погружаются въ воду, и, можетъ быть — увѣряютъ такъ насъ ученые — настанетъ время, когда Венеція, какъ красавица-нимфа или Фрина, погрузится въ волны моря.

Острова, на коихъ расположена Венеція, стали заселяться еще въ V вѣкѣ по Р. Хр., когда Европу разорялъ „бичъ Божій“ — Аттила. Съ VIII вѣка венеціане — уже видный торговый народъ; съ XI до XVI в. Венеція была въ зенитѣ своей славы; но новые торговые пути въ Индію (мимо Африки), открытіе Америки и — въ особенности — внутреннее зло — правленіе аристократической неумолимой олигархіи низвели Венецію съ ея пьедестала; а въ эпоху Наполеона I, когда уже давно и „слава была прожита“, и „вѣче отшумѣло“, при послѣднемъ дожѣ Людовико Манинѣ, республика и совсѣмъ перестала существовать — она была присоединена къ Австріи. Торговое значеніе Венеціи вновь стало нѣсколько замѣтнымъ съ прорытіемъ Суэзскаго канала; а политическое свое бытіе она ярко проявила въ эпоху итальянскаго національнаго объединительнаго движенія: 22 марта 1849 года она протестовала противъ

австрійскаго гнета (объ этомъ имѣется надпись въ главномъ залѣ засѣданій во дворцѣ Дожей), а плебисцитомъ 27 октября 1866 года Венеція и Мантуя съ округами признали надъ собою конституціонную власть короля Виктора-Эммануила II и такимъ образомъ вошли въ составъ Итальянскаго государства. И о послѣднемъ событіи имѣется также надпись у входа во дворецъ Дожей. Здѣсь вообще любятъ надписи: устроитъ кто-нибудь — папа, герцогъ, король — музей, водопроводъ, вымоститъ улицу, укрѣпитъ набережную, перекинетъ чрезъ каналъ или рѣку мостъ, — и надпись тотчасъ явится, увѣковѣчивая добрыя дѣянія. И это — повсюду въ Италіи. Въ Венеціи дорожатъ каждымъ шагомъ суши. Поэтому, конечно, вездѣ здѣсь набережныя прекрасныя и надежныя; дома многоэтажные, жмущіеся другъ къ другу; улицы и каналы, за исключеніемъ весьма немногихъ, очень узки. Садовъ нѣтъ; только въ концѣ города находится прекрасный, южный — по флорѣ, единственный садъ — городской; но въ немъ публика можетъ оставаться только до $8^1/_2$ час. вечера; и пароходы, на которыхъ здѣсь нынѣ, вмѣсто историческихъ гондолъ, главнымъ образомъ, совершается сообщеніе, не заходятъ сюда позднѣе этого времени; на свѣжаго человѣка такое пользованіе садомъ, да еще на югѣ, производитъ неожиданно непріятное впечатлѣніе . . . Зато на крышахъ многихъ изъ здѣшнихъ домовъ устроены площадки, гдѣ въ горшкахъ цвѣтутъ цвѣты и гдѣ мѣстная бѣднота отдыхаетъ по вечерамъ отъ душной дневной атмосферы города.

Все, что есть замѣчательнаго въ Венеціи, начиная съ ея церквей, дворцовъ, мостовъ, каналовъ — все создано давно, въ лучшія времена; за послѣдніе два вѣка здѣсь не выстроили ничего замѣчательнаго, кромѣ двухъ великолѣпныхъ памятниковъ: Виктору Эммануилу и на-

ціональному итальянскому герою — Джузеппе Гарибальди.

На набережной Большого канала, у знаменитаго дворца венеціанскихъ Дожей стоятъ двѣ высокія колонны; на одной находится эмблема Венеціи — крылатый левъ, а на другой — на крокодилѣ св. Ѳеодоръ. Отсюда нѣкогда выѣзжали ежегодно дожи на своемъ Буцентаврѣ (корабль) для совершенія торжественнаго обряда вѣнчанія съ Адріатикой, обряда, долженствовавшаго свидѣтельствовать о власти Венеціи надъ морями. Межъ этими колоннами надъ политическими преступниками не разъ совершалась публичная казнь. Что касается крылатаго венеціанскаго льва, стоящаго на одной изъ этихъ колоннъ, то о немъ извѣстно, что Наполеонъ, въ эпоху первой французской революціи, свезъ его въ Парижъ, въ качествѣ трофея. Послѣ паденія Наполеона левъ возвратился въ Венецію, но слѣпой: его зрачки — брильянты остались въ Парижѣ, вѣроятно, съ тою цѣлью — какъ замѣчаетъ коварный венеціанскій чичероне — чтобы левъ Венеціи безъ боли могъ устремлять свои взоры на Востокъ . . .

Рядомъ съ дворцомъ Дожей находится и величественный соборъ во имя покровителя Венеціи — св. Марка, построенный въ IX вѣкѣ; его внутреннія украшенія, а именно — удивительно художественныя мозаики, закончены только въ XVII вѣкѣ. Эти мозаики сдѣланы изъ маленькихъ кусочковъ разноцвѣтнаго стекла и представляютъ собою художественныя картины на сюжеты изъ библейской исторіи; издали ихъ не различить отъ картинъ, писанныхъ масляными красками на полотнѣ. По этимъ мозаикамъ можно прослѣдить развитіе итальянскаго сѣвернаго искусства, отъ архаическаго до вполнѣ законченнаго; лучшія художественныя силы Италіи считали за честь для себя работать въ этомъ храмѣ. Мо-

заика изъ стекла стала спеціальностью Венеціи, и ею она по справедливости славилась. — Надъ главнымъ входомъ во храмъ, на фронтонѣ его, поставлены четыре мѣдныя статуи коней, вывезенныя венеціанами изъ Константинополя, по завоеваніи послѣдняго въ 1204 году крестоносцами, которымъ при этомъ помогали венеціане; эти статуи считаются лучшими въ своемъ родѣ произведеніями древности.

Оригинальный и великолѣпный по своей богатой внутренней отдѣлкѣ дворецъ Дожей (palazzo Ducale) невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе туриста. Извнѣ дворецъ двустильный: нижняя его часть — готическая, а верхняя въ родѣ мавританской; отъ внѣшней архитектуры впечатлѣніе получается хотя и оригинальное, но неудовлетворяющее. Залы Совѣта Десяти, Сената, жестокаго Совѣта Трехъ, Общихъ Совѣщаній изукрашены богато: повсюду масса золоченыхъ рельефовъ и мрамора; вездѣ картины извѣстныхъ художниковъ (Беллини, Паоло Веронезе и др.), представляющія апоѳеозъ Венеціи. Особенно запечатлѣлась въ памяти моей аллегорическая картина ди-Камбри-Пальма Джіоване, занимающая цѣлую стѣну огромной залы: Европа, въ образѣ воинственной женщины, съ мечомъ въ рукѣ, сидя на быкѣ (эмблема Европы), бросается на Венецію — закованную въ латы дѣвственницу-воительницу, защитникомъ которой является рыкающій крылатый левъ; преимущество и побѣда — на сторонѣ Венеціи. — И было, вѣдь, время — въ эпоху необыкновеннаго движенія въ Европѣ, въ эпоху крестовыхъ походовъ и сейчасъ послѣ нихъ — когда отъ Венеціи дѣйствительно зависѣли европейскія дѣла. Много общеевропейскихъ тайнъ политическихъ схоронилъ въ себѣ дворецъ Дожей! Много прошло въ немъ и внутреннихъ переворотовъ, и темныхъ дѣлъ! Памятникомъ послѣднихъ является, напр., исторія о дожѣ

Марино Фальери, который желалъ Венеціи счастья и для того хотѣлъ погубить олигархію и — погибъ самъ: онъ былъ убитъ на лѣстницѣ во дворцѣ же Дожей. Чтобы другимъ не было повадно, Совѣтъ Десяти приказалъ уничтожить даже портретъ этого смѣлаго государственнаго дѣятеля, и донынѣ во дворцѣ Дожей въ залѣ Общихъ Собраній, вмѣсто портрета Марино Фальери, красуется только краснорѣчивая надпись: „decapitati pro criminibus“ „мѣсто дожа, казненнаго за преступленія.“ Въ эпоху австрійскаго владычества дворецъ Дожей былъ какъ-бы австрійской крѣпостью, и изъ-подъ аркадъ его смотрѣли на венеціанъ жерла австрійскихъ пушекъ.

Предъ соборомъ св. Марка единственная въ мірѣ по великолѣпію площадь, вокругъ которой тянутся галлереи съ Королевскимъ дворцомъ, торговыми рядами, гдѣ много лавокъ съ столь извѣстными венеціанскими зеркалами, мозаикой, серебряными издѣліями, фотографическими работами и т. п.; здѣсь же въ рядахъ рестораны и кафе. Обширная площадь эта, въ особенности послѣ дождя, когда по отполированнымъ плитамъ ея вечеромъ играетъ множество полосъ свѣта, очень похожа на танцовальную залу, паркетъ которой только ждетъ того, чтобы его коснулись ножки молодыхъ красавицъ. По вечерамъ на этой площади, а иногда и на сосѣдней, рядомъ съ ней лежащей площадкѣ — Piazett'ѣ играетъ военная музыка, и тогда площади полны гуляющихъ; веселый говоръ, смѣхъ; красивые наряды: вокругъ множества столиковъ тутъ же, на площади, сидятъ пьющіе кофе или наслаждающіеся мороженымъ и гранитомъ; дамы обыкновенно въ хорошихъ свѣтлыхъ туалетахъ, мужчины одѣты по модѣ, непремѣнно, съ цвѣткомъ въ петлицѣ сертука или смокинга. Оживленіе здѣсь царитъ до полуночи.

Много въ Венеціи весьма красивыхъ церквей (особенно красива церковь Santa Maria della Salute на

островѣ противъ дворца Дожей): извнѣ онѣ обыкновенно представляютъ цѣльное художественное строеніе (обыкновенно въ стилѣ романскомъ или Ренессанса); внутри — это художественные музеи, плохо освѣщенные и холодные, съ картинами извѣстныхъ мастеровъ; за обозрѣніе этихъ богатствъ здѣсь берутъ даже опредѣленную плату.

Очень интересенъ на Большомъ каналѣ Городской Музей въ мавританскомъ стилѣ, помѣщающійся въ бывшемъ турецкомъ гостиномъ дворѣ; великолѣпное зданіе это построено еще въ X вѣкѣ; въ переднемъ фасадѣ въ двухъ этажахъ — цѣлый рядъ тонкихъ и изящныхъ колонокъ. На всемъ зданіи лежитъ отпечатокъ выдающагося таланта. Въ музеѣ собрано все, что касается славнаго прошлаго Венеціи: здѣсь особенно хорошо представленъ средневѣковый ея періодъ — періодъ могущества и счастья. Рядъ залъ заполненъ предметами, относящимися къ культу памяти мѣстнаго борца за свободу, извѣстнаго соціалиста и дѣятеля 1848 года — Даніеля Манина. Но наибольшій художественный интересъ въ Венеціи возбуждаетъ Academia della Belle Arti — Академія Изящныхъ Искусствъ. Здѣсь собраны картины представителей сѣверной итальянской живописи, особенно — венеціанской школы: Джіованни Беллини, Паоло Веронезе, Тиціана, Карпаччіо и др. Особенно хороши, поразительно хороши: Тициановы „Вознесеніе Дѣвы Маріи“ и „Снятіе со креста“ и Веронеза — „Благовѣщеніе“ (удивительно понятно и легко передана радость Маріи при полученіи благой вѣсти) и „Пиръ у сборщика податей Леви“ (на евангельскій сюжетъ; въ сборщикѣ податей Леви художникъ изобразилъ самого себя; пиръ изображенъ въ стилѣ эпохи Ренессанса: костюмы, лица, архитектурныя подробности — все въ этомъ стилѣ). Въ умиленіи предъ этими картинами стоишь по-долгу! Подъ вліяніемъ восторга и

какого-то высшаго наслажденія иногда даже и не замѣчаешь историческихъ анахронизмовъ . . . .

Чтобы попасть въ Academia della Belle Arti, мы усѣлись въ гондолу и тихо поплыли по Большому каналу. Съ обѣихъ сторонъ потянулись мимо насъ мраморные дворцы Grimani, Pesaro, Rezzonico и др. Дворцы и церкви, казалось, плыли мимо насъ, уносясь куда-то въ свѣтлую даль. Всѣ громады этихъ чудесныхъ зданій легки и сказочны. Тихо въ нихъ, и жизни незамѣтно. Все здѣсь обвѣяно какой-то дремотной дымкой; и если бы не яркое солнце, не прозрачный воздухъ, поневолѣ можно было бы подумать, что здѣсь заколдованное царство сна и даже смерти. Гондольеръ, стоя на кормѣ, всею грудью напираетъ на весло, и гондола быстро скользитъ по каналу.

Изрѣдка пролетитъ на встрѣчу другая гондола, съ пассажирами и товарами, или прошумитъ пароходъ, и опять все тихо. Плыть еще долго. Грустныя думы и грустные разговоры возникаютъ у насъ при воспоминаніи о прошломъ Венеціи . . . .

На итальянской почвѣ художественные инстинкты сильно возбуждены, и хотя, для удовлетворенія ихъ, прошлое даетъ достаточно всѣмъ извѣстнаго матеріала, однако, тянетъ и на новое. Въ мѣстномъ городскомъ саду выстроено прекрасное и помѣстительное зданіе для художественныхъ выставокъ. Въ настоящее время въ немъ выставлены работы художниковъ, приславшихъ ихъ со всѣхъ концовъ Европы на вторую въ Венеціи интернаціональную выставку. Видное мѣсто на этой выставкѣ занимаютъ: аллегорія, декадентство, голое женское тѣло. Среди произведеній немногихъ русскихъ художниковъ останавливаютъ на себѣ вниманіе двѣ картины Рѣпина: дуэль военныхъ на опушкѣ лѣса (исходъ смертельный) и Донъ-Жуанъ и донна Анна на кладбищѣ у статуи коман-

дора. Здѣсь же, въ русскомъ отдѣлѣ, и неизбѣжный, правда — великолѣпный, бюстъ Льва Толстого, работы Гюнцбурга. „Гвоздемъ“ этой интернаціональной выставки слѣдуетъ признать интересную по замыслу и выполненію картину другого извѣстнаго русскаго художника — Семирадскаго, сюжетъ которой нѣсколько напоминаетъ сцену изъ романа Генриха Сенкевича: „Камо грядеши?“ Неронъ (на сценѣ цирка), знатокъ женской красоты, съ сладострастной улыбкой, любуется истерзаннымъ тѣломъ христіанской мученицы, умирающей на свалившемся отъ усталости дикомъ быкѣ, и новой для язычества — духовной красотой, просвѣчивающей чрезъ худенькое тѣло страдалицы. Ей уже безмолвно сострадаютъ нѣкоторые придворные Нерона. Зрителю ясно, что ея страданіе и смерть — побѣда! У картинъ Рѣпина и Семирадскаго всегда много зрителей. И — дѣйствительно — есть что посмотрѣть!

Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня картина: „Въ погонѣ за счастьемъ“; на картинѣ представлена борьба, самая безчеловѣчная и жестокая, по принципу „homo homini lupus“, въ коей изъ-за счастья гибнутъ и молодость, и вѣра, и силы. Всякій хочетъ поймать мчащееся въ вышинѣ надъ головой счастье и топчетъ своихъ соперниковъ. Сотни рукъ протягиваются къ счастью; павшіе въ борьбѣ образовали уже цѣлый холмъ, на коемъ старается укрѣпиться всякій изъ еще живущихъ. Вотъ атлетъ раздвигаетъ толпу силой своихъ кулаковъ. Красивая молодая женщина въ крайнемъ напряженіи стоитъ на цыпочкахъ и тоже тянется къ все мчащемуся далѣе призраку. У холма изъ человѣческихъ тѣлъ съ безсмысленнымъ взглядомъ и съ револьверомъ въ рукѣ сидитъ отжившій франтъ, у коего не осталось на свѣтѣ ничего болѣе, кромѣ отчаянія . . . счеты его съ жизнью кончены, и онъ, пустивъ себѣ пулю въ високъ, сейчасъ пре-

вратится въ одну изъ песчинокъ этого безконечнаго людского холма . . .

Мучительное состояніе духа, вызванное этой жестокой картиной, прошло у меня только на воздухѣ. Я усѣлся у берега моря въ покойномъ креслѣ и сталъ любоваться окружавшимъ меня. Солнце уже садилось; какая-то синеватая дымка разливалась въ воздухѣ. Тишина была необыкновенная. Около на скамейкахъ никого не было. Я вдыхалъ свѣжій соленый воздухъ полной грудью. Покой природы передавался и мнѣ. Уходить вовсе не хотѣлось: хотѣлось любоваться красками воздуха, воды и неба, наслаждаться тишиной. . . .

Чтобы понять Венецію, мы по цѣлымъ днямъ бродили по ней; гуляли и по мосту Ріальто (ponte di Rialto), на коемъ и нынѣ, какъ встарь, стоятъ по обѣимъ сторонамъ лавки; одну изъ нихъ, говорятъ, нанималъ Шейлокъ; гуляли подъ прохладными аркадами на площади св. Марка, гостили по-долгу у торговца фотографіями г. Гайо, данниками коего состоитъ, по крайней мѣрѣ, половина туристовъ. Не разъ мы и заблуживались въ безконечно перепутанныхъ уличкахъ и межъ множествомъ мостовъ. Конечно, отбыли и священную повинность туристовъ: кормили кукурузой — и не разъ — голубей, которыхъ въ аркадахъ у св. Марка водится безчисленное множество. Кормленіе это обратилось въ какой-то священный актъ, неисполненіе котораго можетъ вызвать у аборигеновъ по отношенію къ вамъ только страшные ненавистническіе взгляды.

Чтобы составить общее впечатлѣніе о Венеціи, я взобрался, въ 7—8 минутъ, на четырехъ-угольную высокую колокольню при соборѣ св. Марка или, по-здѣшнему, campanile di San Marco, имѣющую, вмѣсто лѣстницы, только наклонныя плоскости. Говорятъ, по этимъ плоскостямъ Наполеонъ взобрался на верхнюю пло-

щадку колокольни, сидя на конѣ. Когда я взобрался на верхнюю площадку, предо мною — въ различныхъ направленіяхъ — лежали густо заселенные и кишащіе народомъ острова (въ Венеціи 160,000 жителей); только на отдаленномъ Лидо—мало построекъ и мало движенія. Онъ позднѣе другихъ островов образовался изъ наносовъ морского песку и лежитъ далеко въ морѣ; на немъ устроены морскія купальни; здѣшній лѣтній купальный сезонъ привлекаетъ на Лидо массу иностранцевъ; недалеко отъ морскихъ купаленъ, на берегу моря, расположенъ рядъ соломенныхъ домиковъ для желающихъ отдыхать на воздухѣ подъ защитой отъ солнца и для дѣтей, берущихъ ванны изъ песку. Морская вода очень солена: въ ней до 3-хъ процентовъ поваренной и кальціевой солей, поташу и другихъ веществъ. Во всей Венеціи только на Лидо имѣются лошади, и здѣсь только, отъ пароходной пристани до купаленъ, устроена конка, располагающая всего четырьмя вагонами; вдоль морского берега ходятъ еще два вагончика, перевозящіе по 12 человѣкъ и постоянно влекомые лошаками (помѣсь лошади и осла). Чтобы не отстать отъ вѣка, венеціане завели на Лидо и скачки. Отъ чего Богъ избавилъ Венецію, это — отъ велосипедистовъ: здѣсь имъ негдѣ разгуляться! Венеціане этой благодати оцѣнить не въ состояніи; но пріѣзжіе изъ странъ велосипедныхъ сразу становятся завистниками и даже стихи объ этой венеціанской благодати пишутъ.

Венеціанская знать разбрелась по материку, оставивъ дворцы свои для обозрѣнія туристамъ. Гдѣ прежде торговая жизнь била ключомъ, тихо тамъ нынѣ; магазины и склады забиты; только то тутъ, то тамъ сложены по берегамъ каналовъ груды фруктовъ и овощей. Венеція, впрочемъ, и въ настоящее время ведетъ значительную — сравнительно, конечно — торговлю цвѣтнымъ

стекломъ, зеркалами и шелкомъ. Хотя съ нашей точки зрѣнія жизнь здѣсь и дешева, но мѣстному обывателю живется тяжело: рѣдкое семейство можетъ имѣть у себя печь для приготовленія пищи — надо и за нее платить высокую пошлину . . . Поэтому люди съ среднимъ достаткомъ идутъ въ ресторанъ, а бѣдняки — въ харчевню; въ послѣдней на полкахъ всегда найдется что-нибудь изъ пищи, весьма и весьма неаппетитной на видъ; но итальянецъ-бѣднякъ непритязателенъ. . .

Правильныхъ по нашимъ взглядамъ и красивыхъ женскихъ лицъ здѣсь мало; зато много смуглянокъ, съ огненнымъ взглядомъ и черными волосами, симпатичныхъ и горячихъ. Мѣстныя типичныя красавицы-смуглянки сразу напоминаютъ какую-нибудь героиню на картинахъ извѣстныхъ итальянскихъ художниковъ. Венеціанки — брюнетки, съ большими красивыми глазами; венеціанки, все равно, будутъ ли это красавицы (обыкновенно только въ возрастѣ отъ 15 до 25 лѣтъ) или некрасивыя, — большія охотницы до украшеній изъ золота и камней, т. е. въ этомъ отношеніи нисколько не разнятся отъ женской половины рода человѣческаго и, пожалуй, въ страсти къ украшеніямъ только немного превосходятъ своихъ сѣверныхъ сестрицъ. Недаромъ здѣсь такая масса ювелирныхъ и модныхъ магазиновъ: очевидно, на эти товары спросъ большой, тѣмъ болѣе, что дороговизны особенной на шляпки и цвѣтныя тряпки здѣсь нѣтъ. Ювелирныя работы поражаютъ и вкусомъ, и изяществомъ: видна въ работѣ солидная традиція. Умственной работой утруждать себя здѣсь, по-видимому, не любятъ . . . Среди мужскихъ лицъ изъ народа много такихъ, съ которыми не хотѣлъ бы повстрѣчаться ночью на углу узкой улицы и канала. Особенно это непріятное чувство приходится испытывать въ первое время пребыванія въ Венеціи, когда еще не можешь разобраться въ безконечныхъ ка-

налахъ и уличкахъ: съ робостью спрашиваешь прохожаго о дорогѣ; вдругъ съ церковной паперти поднимается голова, съ надвинутой на брови шляпой, и раздается грубый голосъ свободнаго сына Италіи, предлагающаго свои услуги — за 10 чентезимо (около 4 копеекъ) проводить васъ до вашего отеля. Конечно, вы стараетесь поскорѣе отказаться отъ этой любезности . . ., но нерѣдко отстаютъ отъ васъ только тогда, когда вы вложите въ руку навязчиво предлагающаго свои услуги лаццарони все-умиряющія десять чентезимо!

Замѣчательны по архитектурѣ мѣстные церкви и дворцы. Многіе изъ нихъ доставили бы честь и большимъ европейскимъ городамъ, если-бы они тамъ находились. И художественны они не только съ внѣшней стороны, но и съ внутренней: по обширности помѣщенія, по роскоши отдѣлки, по богатству плодовъ человѣческаго генія въ области живописи и скульптуры; дворцы по большей части въ широкомъ стилѣ Ренессанса. Но какая здѣсь, вмѣстѣ съ красотой, разлита и художественная небрежность: полы (каменные: досчатые, за отсутствіемъ лѣса, были бы дороги) кривы, башни наклонны, и не одна, а почти каждая и вездѣ. Венеціанскія башни мы особенно хорошо разсмотрѣли, отправляясь обозрѣвать островъ мертвыхъ — кладбище и другой островъ Мурано; на послѣднемъ находятся стекляные заводы и шелковыя фабрики. За недостаткомъ мѣста въ землѣ, на кладбищѣ устроенъ цѣлый рядъ стѣнъ, и въ нихъ сдѣланы отдѣленія, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ въ шкафахъ для выдвижныхъ ящиковъ. Въ эти-то помѣщенія ставятъ гробы, и затѣмъ помѣщенія герметически закупориваются. Въ стѣнѣ такихъ помѣщеній рядовъ 7—8; помѣщенія эти можно было бы назвать *надземными* катакомбами. Для большей экономіи въ мѣстѣ рѣшили устроить печи для сжиганія праха умершихъ.

На Мурано много стекляныхъ заводовъ; произведенія ихъ изъ разноцвѣтнаго стекла отличаются большою художественностью. Стеклянная промышленность здѣсь сильно развита и доведена до высшей степени совершенства; искусству этому венеціане научились отъ арабовъ. Сбытъ стеклянныхъ произведеній — во всей Европѣ; заводовъ много. Лучшіе мастера — художники зарабатываютъ у жаркаго горна до 1000 франковъ въ мѣсяцъ (350—370 рублей). Намъ приходилось здѣсь встрѣчать дѣйствительно настоящихъ художниковъ. Съ металлической трубкой и ножницами въ рукахъ, они въ немного минутъ одухотворяли расплавленное стекло, изготовляя гондолы, лебедей, кубки изъ расплавленнаго стекла разныхъ колеровъ. На островѣ Мурано есть музей стекляннаго производства.

Домой съ Мурано мы возвращались поздно вечеромъ; своему гондольеру мы приказали гресть тихо и, подплывая, долго любовались Венеціей, которая была вся въ огняхъ. Съ Piazzetta долетали до насъ по водѣ звуки музыки Масканьи, исполняемой — и къ слову сказать — прекрасно, военнымъ оркестромъ. Вотъ отъ набережной Piazzett'ы отдѣлилось множество освѣщенныхъ красными фонариками и большими бумажными разноцвѣтными фонарями гондолъ. Раздались иные звуки — звуки народной пѣсни — любовнаго сонета. Серенада двинулась по Большому каналу.

Въ другой разъ, возвращаясь вечеромъ на пароходѣ съ Лидо, мы были застигнуты сильной грозой безъ дождя. Море сильно заволновалось; пассажиры, коихъ было много, пришли въ нервное настроеніе. На горизонтѣ, у Альпъ, безпрестанно сверкали сильныя молніи, сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ; при чемъ направленіе молній было не горизонтальное, а почти всегда

перпендикулярное, рѣдко наблюдающееся у насъ. Такія молніи очень опасны; но зрѣлище онѣ доставляютъ удивительно прекрасное. Много было тогда электричества въ воздухѣ, и блескъ молній долгое время былъ почти безпрерывенъ.

VII.

Въ Итальянской Швейцаріи.

Внимательный читатель, пробѣгая предыдущія страницы, невольно можетъ задать себѣ вопросъ: что за причина, что путешественники по Европѣ такъ много интересуются искусствомъ? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдующія строки могли бы быть достаточнымъ отвѣтомъ. Во-первыхъ, съ представленіемъ съ „за-границей“ у насъ невольно связано представленіе о болѣе высокой, чѣмъ наша, культурѣ; и что касается области искусства, то это мнѣніе, конечно, вполнѣ справедливо; слѣдовательно, понятенъ и интересъ къ результатамъ этого искусства. Во-вторыхъ, въ этомъ интересѣ виденъ слѣдъ нашего воспитанія; и, въ третьихъ, виной тому — врожденный позывъ къ новому, невиданному, въ особенности такому, о коемъ, какъ о замѣчательномъ, уже дома прожужжали уши. Какъ бы то ни было, но кто бы ни путешествовалъ по Европѣ, онъ добрую часть своего досуга непремѣнно проведетъ въ музеяхъ, галлереяхъ, театрахъ, храмахъ. Эта погоня за прекраснымъ доставляетъ удовольствіе, но и утомляетъ страшно: кажется — нѣтъ тяжелѣе труда, какъ это быстрое переживаніе получаемой при обозрѣніи достопри-

мѣчательностей массы все новыхъ и новыхъ впечатлѣній! А чего стоятъ также бѣготня по улицамъ и спѣшка, чтобы непремѣнно попасть въ то или другое хранилище продуктовъ человѣческаго генія! . . .

Посему — надѣюсь — читателю понятно, почему и въ тихой (относительно: ахъ, въ мірѣ все относительно!) Венеціи мы анаѳемски устали. Обозрѣніе венеціанскихъ достопримѣчательностей и шумъ на нѣкоторыхъ каналахъ, особенно поздно по вечерамъ, когда и крикливые взрослые, и горластые ребята обоихъ половъ, одѣтые въ весьма непритязательные купальные костюмы, купаются и барахтаются въ каналахъ, или въ сосѣдней съ вашимъ отелемъ остеріи (кабачкѣ) подвыпившіе бесѣдуютъ такъ, что кажется, будто въ остеріи происходитъ, по меньшей мѣрѣ, убійство, — чрезъ 8 дней такъ утомили насъ, что мы поспѣшили убраться отсюда. Чрезъ Ломбардію мы отправились въ итальянскую Швейцарію, именно — въ область миланскихъ озеръ. Кромѣ шума, производимаго по ночамъ гуляками, насъ нерѣдко мучили крики продавцевъ газетъ. Въ Италіи, въ которой такъ много соціалистовъ и анархистовъ, порожденныхъ тамошней соціальной неурядицей и извѣстной частью печати, во время нашего пребыванія какъ разъ производилось слѣдствіе надъ анархистомъ Аччіарито, незадолго передъ тѣмъ совершившимъ покушеніе на короля Гумберта. Слѣдствіе интересовало всѣхъ. Всякое показаніе Аччіарито передавалось по телеграфу. При полученіи новаго извѣстія оно тотчасъ печаталось въ летучихъ листкахъ, и десятки подростковъ и взрослыхъ лѣнтяевъ, бѣгая по улицамъ, во всю глотку кричали: „Аччіарито, Аччіарито!“ Часто крики эти раздавались среди поздней ночи, и все-таки листки находили скорый сбытъ! Въ разговорѣ съ однимъ капитаномъ парохода мы коснулись нашихъ политическихъ

убѣжденій. Когда я сказалъ ему, что я — монархистъ, онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня, покачалъ головой и сказалъ, что онъ — соціалистъ и что соціалистовъ въ Италіи очень много.

Ломбардія — цвѣтущій фруктовый садъ, въ которомъ въ изобиліи растутъ апельсиновыя, лимонныя и тутовыя деревья и виноградъ. Здѣсь впервые въ жизни пришлось мнѣ ѣсть настоящіе, т. е. спѣлые, апельсины, и они, конечно, чрезвычайно понравились мнѣ и по вкусу (болѣе сладкому), и по запаху, хотя и тотъ, и другой показались мнѣ оригинальными, оттого, конечно, что на сѣверѣ мы ѣдимъ только недозрѣлые южные фрукты. Въ Ломбардіи нѣтъ ни клочка земли необработаннаго, и всюду — самая высокая культура. Ломбардія — наиболѣе промышленная и богатая часть Италіи и потому — наиболѣе культурная.

Среди трехъ соединенныхъ между собою великолѣпныхъ миланскихъ озеръ есть мѣстечко Белладжіо, недорогое и спокойное (впрочемъ, здѣсь, на этихъ озерахъ, всѣ мѣстечки извѣстны спокойствіемъ, а жизнь — значительной дешевизной, даже въ разгаръ сезона). Мы и поселились въ этомъ мѣстечкѣ, на берегу озера, окаймленнаго зеленью, и стали приводить въ порядокъ свои нервы, наслаждаться тишиной и величественными и роскошными швейцарскими видами окружавшихъ озера со всѣхъ сторонъ итальянскихъ Альпъ.

Въ Белладжіо, расположенномъ въ центрѣ озеръ Комо, Лекко и Колико, много богатыхъ виллъ и богатыхъ отелей (Grand Hôtel a Bellagio, Bretagne и др.) шныряющіе по глубокимъ озерамъ пароходики то и дѣло привозятъ сюда все новыхъ туристовъ; между прочимъ здѣсь русскіе занимаютъ въ настоящее время первое мѣсто. Бываетъ здѣсь и масса англичанъ; для нихъ имѣются даже спеціальные отели (Bretagne), весьма бо-

гатые, съ садами тропической флоры и съ особымъ, довольно скучнымъ режимомъ жизни. При прогулкахъ по берегу озера, особенно по вечерамъ, слышится здѣсь нерѣдко московскій говоръ. Скептикъ-москвичъ какъ-то разъ въ вечерней тишинѣ настойчиво доказывалъ своимъ дамамъ, что здѣсь ровно ничего нѣтъ поразительнаго и что въ подмосковномъ Кунцевѣ даже лучше. Конечно, ни природы такой красивой, ни удобствъ такихъ, какія здѣсь, въ Кунцевѣ нѣтъ; но скептикъ — соотечественникъ, очевидно, измаялся и заскучалъ, ибо въ тонѣ его слышалась грусть-тоска по спокойной матушкѣ — Москвѣ . . . .

Въ сказочномъ уголкѣ Белладжіо — на виллѣ Сербелони, нѣкогда бывшей крѣпкимъ замкомъ, расположенной на вершинѣ горы Белладжіо, съ которой глазъ сразу охватываетъ всѣ три озера (нынѣ вилла превращена въ роскошный пансіонъ отеля „Белладжіо"), мы свели знакомство съ семьей южно-русскаго помѣщика, проживающаго здѣсь съ своими чадами и домочадцами: няньками, мамками и т. д. Нужно было видѣть радость маленькихъ дѣтокъ, когда они услышали изъ устъ чужихъ людей родную рѣчь!

Городокъ Белладжіо прилѣпился къ горѣ, на вершину которой приходится взбираться по длинной каменной улицѣ-лѣстницѣ. По улицѣ идешь точно межъ двухъ каменныхъ стѣнъ безъ оконъ и дверей; стѣны эти — высокіе заборы, которыми ограждены дворы. Если попадаешь въ малолюдный переулокъ, становится отъ тишины и пустоты прямо жутко. Но вотъ городъ кончился, вы по каменной лѣстницѣ идите все вверхъ; по сторонамъ стоятъ въ полномъ цвѣту лавровыя деревья, мирты, магноліи и олеандры; все цвѣтетъ, и запахъ цвѣтовъ, въ особенности сладкій запахъ олеандровыхъ деревьевъ, стоящихъ въ полномъ цвѣту, окру-

жаетъ васъ всего какою-то чарующей и головокружительной атмосферой.

Здѣсь теперь, въ концѣ нашего іюня, — точно у насъ въ маѣ, въ разгаръ весны: птицы щебечутъ и поютъ; повсюду зелень; трава какъ бархатъ зеленый. Спокойное Комо, на берегахъ котораго родились извѣстные естествоиспытатели — оба Плинія и Вольта (послѣднему поставленъ въ г. Комо, извѣстномъ и своей шелковой промышленностью, памятникъ; тамъ-же есть и лицей имени Вольта), точно въ зеленой рамкѣ, лежитъ среди горъ, покрытыхъ до значительной высоты роскошной южной растительностью: миртами, олеандрами, лавровыми деревьями, даже пальмами; повыше — сосновый лѣсъ. На вершинѣ горы, среди роскошнаго культурнаго сада очень хорошо. Мы подолгу любовались и озерами, и горами, озаренными сильными лучами солнца и вдали все-таки окруженными какой-то золотистой синевой. По озерамъ то и дѣло проходятъ пароходики; въ многочисленныхъ городкахъ по берегамъ озеръ — никакихъ признаковъ фабрично-заводской жизни: точно всѣ сговорились праздновать здѣсь постоянно веселый праздникъ весны!

Жизнь здѣсь, какъ я сказалъ выше, не дорога: занимая вдвоемъ большой номеръ, съ окнами на озеро, въ отелѣ средней руки, чистомъ и съ хорошей, исправной прислугой, и пользуясь прекраснымъ столомъ, мы платили въ сутки всего 12 лиръ, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ 4 рубля 32 коп., или по 2 рубля 16 коп. въ сутки съ человѣка. Какъ хотите, а это дешево! Утромъ намъ подавали кофе съ хлѣбомъ, масломъ, сливками и — по общешвейцарскому обычаю — съ медомъ; въ часъ мы завтракали, обыкновенно двумя блюдами, рыбнымъ и мяснымъ; на третье подавались въ изобиліи фрукты; обѣдъ подавался въ 6 часовъ; онъ состоялъ

изъ бульона, рыбы, жаркого; на четвертое фрукты и сыръ. Къ обѣду и завтраку намъ подавали по бутылкѣ бѣлаго или краснаго вина. И все это за вышеупомянутые 2 рубля 16 коп.! Хотѣлъ бы я получить такой пансіонъ съ обстановкой въ Кунцевѣ хотя бы за 5 руб. въ сутки!

Прогулокъ въ горы здѣсь почти не дѣлаютъ: здѣсь отдыхаютъ, сидя на балконахъ и любуясь прекрасными видами, — словомъ, — испытывая dolce far niente, а вечера проводятъ за бутылкой вина, опять таки любуясь луннымъ освѣщеніемъ горъ и озеръ, если таковое по календарю полагается. И мы при этомъ не разъ роспивали здѣсь бутылочку — другую добраго стараго фалернскаго винца, которымъ, почти 2,000 лѣтъ тому назадъ, такъ часто и охотно наслаждался любитель хорошо и пожить, и попить мудрецъ Горацій.

Но мы вздумали все-таки отправиться въ горы, чтобы полюбоваться видами на озера; взобрались на вершины, лежащія на высотѣ 6,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Но — пошелъ дождь; между озерами и нами стали облака, и мы, продрогшіе и промокшіе, рады были убѣжищу, которое нашли въ пастушескомъ шалашѣ. Впрочемъ, въ это убѣжище мы попали не сразу и не всѣ.

На разсвѣтѣ, изучивъ заранѣе маршрутъ, отправились мы вдвоемъ въ горы. Но уже утро не предвѣщало ничего особенно хорошаго: оно было пасмурно. Мы вышли изъ городка до разсвѣта и въ горы стали подниматься по хорошей шоссейной дорогѣ, ведущей въ сосѣдній городокъ, находящійся за горой, когда уже вполнѣ разсвѣло. Небо было покрыто облаками. Но — „надежды юношей питаютъ“ да и „взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“ принуждали насъ итти впередъ. Вершина казалась близко. Мы шли уже болѣе трехъ часовъ, а близость эта по прежнему, по видимому, ни-

сколько не сокращалась. Пріятелю моему надоѣло итти проторенной дорогой, и онъ пошелъ по тропинкѣ — напрямикъ, какъ думалъ онъ. Дождь, уже раньше накрапывавшій, теперь пошелъ дружнѣе. Становилось холоднѣе. Пройдя еще болѣе часа и не встрѣчая никого въ незнакомой мѣстности, я, продрогшій и иззябнувшій, съ тоской сталъ искать глазами пріюта. Долго я его не находилъ. Наконецъ, идя все въ гору, увидѣлъ шалашъ, какъ потомъ оказалось, дяди Филиппа, отца многочисленнаго семейства. Къ шалашу подошелъ я съ робостью; тамъ я нашелъ нѣсколько человѣкъ. Я поздоровался: „Buon giorno!“ Въ отвѣтъ мнѣ раздалось то же привѣтствіе. Разглядѣвъ лучше бывшихъ въ шалашѣ и видя ихъ суровыя лица, я уже подумывалъ о томъ, что вообще лучше было-бы нѣжиться въ кровати и не искать сильныхъ ощущеній: такъ мало внушали къ себѣ довѣрія эти горцы-пастухи! Но оказались они прекраснѣйшими людьми: усадили меня у пылающаго очага, развѣсили тутъ же промокшія части моего туалета и угостили славнымъ цѣльнымъ краснымъ виномъ. Сразу на душѣ стало какъ-то веселѣе, а во всемъ тѣлѣ—теплѣе. Прошелъ и страхъ, и я очень благодаренъ, что судьба дала мнѣ возможность познакомиться съ этими добрыми и гостепріимными людьми. Видя, однако, что дождь не перестаетъ, я собрался въ обратный путь. Никакой платы за пріютъ, хлопоты и угощеніе мои хозяева не взяли, а еще дали проводника и зонтикъ. Просили только по дорогѣ угостить моего молодого провожатаго, что я, съ понятнымъ благодарнымъ чувствомъ, и исполнилъ. Часа чрезъ три я благополучно, даже не заполучивъ насморка, возвратился въ свое Монрепо. Мой же прихотливый спутникъ явился далеко позднѣе меня и въ довольно печальномъ видѣ. — Къ вечеру сіяло снова благодатное солнце, и мы долго бродили по бе-

регу озера, любуясь всплесками рыбы, которой водится въ мѣстныхъ озерахъ много. — Среди достопримѣчательностей Белладжіо слѣдуетъ отмѣтить удивительно прекрасную мраморную группу Кановы „Амуръ и Психея“ на виллѣ Carlotta: Амуръ цѣлуетъ въ первый разъ Психею, лишившуюся своей воли. . . .

Чрезъ нѣсколько дней, въ послѣдній разъ побывавши на роскошной виллѣ Сербелони, изъ чисто тропическаго парка которой открывается чудесный видъ на Комо, Лекко и Колико, мы разстались съ этими мѣстами, гдѣ много живописнаго, но мало воли глазамъ, привыкшимъ къ равнинному ландшафту. Совершая свой недолгій путь по голубому озеру, съ каждаго пункта котораго заразъ можно видѣть десятокъ городковъ, и любуясь, за бутылкой душистой итальянской дешевой шипучки изъ мускатнаго винограда „Asti spumanti,“ видами и курортнымъ оживленіемъ въ прибрежныхъ городкахъ, мы направились въ роскошное мѣстечко Комо, куда и прибыли къ вечеру.

Въ Комо царитъ уже обычное въ итальянскихъ городахъ оживленіе. Много кафе. У собора играетъ неизмѣнная военная музыка. Площадь полна народа. Комо — красивый городокъ, какъ безподобно красиво и само озеро. Около города много дорогихъ и роскошныхъ виллъ и дворцовъ. Поражаетъ, какъ-то рѣзко бросается въ глаза среди обстановки западно-европейскаго города появленіе признаковъ большой простоты, близкой къ патріархальному быту. Такое именно впечатлѣніе произвело на меня не ожидаемое на улицѣ Комо зрѣлище — возъ, запряженный круторогими быками. Точно въ благодатной Малороссіи!

Освѣжившись въ прохладныхъ струяхъ озера Комо, мы заснули сномъ праведниковъ и чуть не проспали утренняго поѣзда, съ которымъ должны были отбыть отсюда. Насъ раз-

будилъ импровизаторъ, который, стоя на улицѣ подъ окнами нашего отеля и аккомпанируя себѣ на гитарѣ, пріятнымъ баритономъ пѣлъ утренній привѣтъ обитателямъ отеля. Вскорѣ на площади заиграла и военная музыка. Было только шесть часовъ утра, но на улицѣ было уже замѣтное оживленіе. Всѣ торговыя помѣщенія также были открыты. Я открылъ окно: въ комнату ворвался свѣжій душистый вѣтерокъ. Дышется легко. На балконѣ ждетъ насъ уже горячій кофе; его пріятно раздражающій запахъ манитъ насъ присѣсть поскорѣе къ столу и приняться за утоленіе здороваго аппетита.

VIII.

По дорогѣ въ Марсель.

Въ Германіи существуетъ достойный подражанія обычай — устраивать въ лѣтнее вакаціонное время учено-увеселительныя поѣздки въ чужіе края; подобныя поѣздки устраиваются тамъ ежегодно. Въ разныхъ городахъ, главнымъ образомъ, въ Берлинѣ и приморскихъ, есть особыя торговыя конторы, которыя берутся за устройство этихъ поѣздокъ. Кромѣ Германіи, такія конторы есть во Франціи и Италіи (напр., въ Марсели, Венеціи, Генуѣ). Извѣстный Кукъ, создатель круговыхъ поѣздокъ по Старому и Новому свѣту, все никакъ не могущій добиться разрѣшенія на устройство у насъ, въ Россіи, своихъ конторъ, гдѣ публика съ удобствомъ и матеріальной выгодой для себя (предпріятію Кука, а — слѣдовательно — и его кліентамъ, дѣлается скидка съ пассажирскаго желѣзнодорожнаго и пароходнаго тарифа) могла бы получать билеты на поѣздки, отличается предпріимчивостью и въ области устройства поѣздокъ цѣлыми обществами. Кромѣ скидки съ тарифной платы, кліенты Кука пользуются почти всюду скидками въ гостиницахъ и почти во всѣхъ городахъ за границей могутъ найти спеціальныхъ чичероне. Кукъ на нѣсколь-

кихъ языкахъ издаетъ особый мѣсячный журналъ о поѣздкахъ по бѣлу свѣту, носящій не только справочный, но и литературный характеръ; въ Вѣнѣ его контора, напр., ежемѣсячно раздаетъ абонентамъ „Welt-Reise-Zeitung“. Говорятъ, что въ Россіи Куку не разрѣшаютъ устройства конторъ потому, что боятся довѣрить ему общественныя деньги. А почему не боится этого цѣлый свѣтъ? . . . Я отвлекся нѣсколько, впрочемъ, въ сторону. Возвращаюсь къ поѣздкамъ обществомъ. Два года назадъ была совершена подобная поѣздка въ Сирію и Палестину; въ ней приняло участіе болѣе 70 человѣкъ; здѣсь были путешественники и изъ Россіи, главнымъ образомъ, учителя. Конечно, только въ томъ случаѣ удаются подобныя поѣздки, когда устроителями ихъ являются опытные предприниматели. Еще въ Россіи, благодаря „Berliner Tageblatt“, стало намъ извѣстно, что и въ настоящемъ году предполагается поѣздка обществомъ въ Испанію, Сѣверную Африку и Италію: въ рукахъ у насъ была и программа поѣздки. Цѣлью послѣдней было прослѣдить остатки римской и вообще древней культуры въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, а также ознакомиться съ бытомъ народовъ, населяющихъ эти страны въ настоящее время. Мы охотно говорили о томъ, что не дурно было бы принять участіе въ этой поѣздкѣ. Одинъ изъ насъ, большой поклонникъ Бомарше и Моцарта, уже въ Россіи пересталъ бриться, предвкушая удовольствіе побриться у прославленнаго этими геніями севильскаго цырульника Фигаро. Другой, натура живая и воинственная, предвкушая удовольствіе видѣть обѣщанный устроителями поѣздки бой быковъ въ Гранадѣ, по цѣлымъ днямъ распѣвалъ арію торреадора изъ оперы Бизе „Карменъ“ и, подражая торреадору, очень живописно перебрасывалъ съ руки на руку свою крылатку, исполнявшую, въ данномъ случаѣ, обязанность испанскаго плаща.

Устроителями этой поѣздки явились люди хорошіе (дёбельнскій, въ Саксоніи, директоръ народныхъ училищъ г. Менеръ и аптекарь г. Шнейдеръ изъ другого саксонскаго маленькаго городка), но неопытные: они, напр., предположили, что въ поѣздкѣ (маршрутъ которой по времени года былъ весьма неудобенъ) приметъ участіе 270 человѣкъ и — конечно, потерпѣли фіаско. Но мы вступили съ ними въ переписку. Въ одинъ изъ хорошихъ дней на берегу Комо мы получили письмо отъ г. Менера, въ которомъ сообщалось намъ, что, въ виду того, что принять участіе въ поѣздкѣ согласились только восемнадцать человѣкъ, таковая въ прежнихъ размѣрахъ и по составленному прежде плану не состоится; намъ предлагали принять участіе въ поѣздкѣ, которую задумали совершить вышеупомянутые 18 человѣкъ. Въ новой поѣздкѣ, между прочимъ, совсѣмъ была выпущена Испанія.... По прочтеніи письма мы сразу приняли видъ мокрыхъ курицъ; особенно печаловался нашъ пріятель, который думалъ побриться у Фигаро въ Севильѣ; не брившись цѣлый мѣсяцъ, онъ теперь походилъ на дикобраза .... По новому плану предполагалось посѣтить Сѣверную Африку и Италію, при чемъ, сравнительно съ прежнимъ, на этотъ разъ пребываніе въ Африкѣ было удлинено. Мы рѣшили отправиться въ Африку, тѣмъ болѣе, что путь нашъ лежалъ чрезъ южную Францію. Зная изъ романа Альфонса Додэ „Тартаренъ изъ Тараскона, охотникъ за львами въ Африкѣ“, что во всей Алжиріи имѣется всего только одинъ левъ да и тотъ слѣпой, и будучи убѣждены, что противъ москитовъ, тарантулъ и прочей подобной твари писатель и погеніальнѣе Додэ ничего не подѣлаетъ, мы, махнувъ на все рукою, оповѣстили почтенныхъ предпринимателей о своемъ согласіи раздѣлить съ ними труды, радости и печали совмѣстной поѣздки въ Алжиръ, французскую

Сахару и Тунисъ. Мѣстомъ, откуда должны были начаться наши общія мытарства, былъ назначенъ городъ Марсель.

Въ Комо мы распрощались съ итальянской Швейцаріей и отправились въ Миланъ — значительнѣйшій фабричный городъ Италіи, насчитывающій 400,000 жителей. Миланъ по внѣшнему виду — новый европейскій городъ съ массой великолѣпнѣйшихъ построекъ. Только одинъ знаменитый соборъ миланскій, во имя Рождества Божіей Матери, построенный изъ бѣлаго мрамора и украшенный безчисленными колоннами, прекрасной ажурной готической работы, третій католическій соборъ въ мірѣ по величинѣ (первый по величинѣ — св. Петра въ Римѣ, второй — севильскій), напоминаетъ о прошломъ громкомъ историческомъ Милана, когда онъ, во главѣ ломбардскихъ городовъ, выступалъ противъ Гогенштауфеновъ. Миланскій каѳедральный соборъ вмѣщаетъ болѣе 10,000 человѣкъ; по красотѣ и отдѣлкѣ онъ далеко превосходитъ вѣнскій соборъ св. Стефана. Въ немъ поразительная симметрія; тысячи его стрѣлокъ, стремящихся въ вышину, образуютъ изъ себя какъ-бы цѣлый лѣсъ мачтъ и создаютъ цѣльное, чарующее впечатлѣніе.

Внутри высокаго собора 52 колонны по 16 футовъ въ окружности; каждая изъ колоннъ — строго готическая, состоящая изъ массы маленькихъ колонокъ. Соборъ высится надъ всѣмъ Миланомъ цѣлой половиной своей! Соборъ внутри освѣщается электричествомъ; послѣднее здѣсь въ большомъ ходу (конка, фабрики и т. п.) Знаменитое по своимъ роскошнымъ памятникамъ миланское кладбище смѣло можно назвать музеемъ смерти. Всѣ чувства, которыя вызываетъ у насъ смерть, переданы здѣсь художниками въ мраморѣ. Особенно женская скорбь передана весьма ярко. Предъ однимъ памятни-

комъ я прямо былъ пораженъ внезапностью: у входа въ часовню, на самомъ солнцепекѣ, сидѣла, глубоко опустивши голову и безпомощно раскинувъ руки, молодая женщина, одѣтая въ темный модный костюмъ. — Слишкомъ велико горе ея! подумалось мнѣ. — При ближайшемъ осмотрѣ страдальческая женская фигура оказалась бронзовой статуей . . .

Гдѣ-то теперь та, которая заставила художника такъ геніально увѣковѣчить ея скорбь. . . .

На ступеняхъ памятника Giovani Riva, въ глубокой скорби приклонивъ голову къ колоннѣ, стоитъ на колѣняхъ молодая женщина — въ бѣломъ, покрытая огромнымъ кружевнымъ платкомъ, охватывающимъ весь корпусъ страдалицы. И это — статуя! На кладбищѣ устроены два крематорія — печи, въ коихъ сжигаютъ трупы. Трупы кладутъ на большія жестяныя блюда, блюда всовываютъ въ печь, и — по одному способу можно обратиться въ щепотку праха въ $2^1/_2$ часа, а по другому — въ часъ: все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія. Въ мѣсяцъ сжигаютъ до 40 труповъ.

Въ числѣ новыхъ памятниковъ въ Миланѣ, конечно, есть памятники Виктору Эммануилу, невольному его спутнику герою Гарибальди и благородному Кавуру; король эпохи объединенія Италіи сидитъ на конѣ въ напыщенной, театральной позѣ. Очень хорошъ памятникъ „возродителю наукъ и искусствъ“ Леонардо да Винчи; великій и разносторонній учитель окруженъ своими учениками.

Папы, чтобы заслужить благодарность народа, въ прошлые вѣка устраивали въ Римѣ водопроводы, мосты. Чтобы привлечь симпатіи народныя, Викторъ Эммануилъ строилъ великолѣпные торговые пассажи, съ огромными мраморными галлереями, и дарилъ ихъ городамъ, присоединившимся

къ объединявшейся вокругъ Пьемонта Италіи (Неаполю, Милану и др.). Suum cuique!

По хорошо орошенной странѣ, съ густымъ населеніемъ на отрогахъ Лигурійскихъ горъ, чрезъ рѣки безъ воды (буквально — безъ капли воды!) и по безконечному числу тоннелей (наводящихъ отъ шума и частой смѣны въ концѣ концовъ какое-то отупѣніе на ѣдущихъ) къ вечеру мы прибыли въ расположенную террасообразно по Лигурійскому нагорью Геную, второй въ Италіи по красотѣ — послѣ Неаполя — городъ и первый по торговымъ оборотамъ.

Гордая Генуя, „La Superba,“ игравшая въ средніе вѣка роль, какъ политическую, такъ и торговую, почти одинаковую съ Венеціей, расположена у прекраснаго залива, на склонахъ горъ и теперь, лѣтомъ, очень красива въ своей зелени и бѣлизнѣ. Очень интересенъ видъ на городъ съ мѣстной „Rigi,“ куда нужно подниматься по электрической и водяной жел. дорогамъ чрезъ тоннель въ городѣ. Предъ зрителемъ безбрежное море, у берега котораго — бѣлый городъ, вечеромъ освѣщенный такъ волшебно! Съ „Rigi“ видна и вся гавань, въ коей десятки какъ паровыхъ, такъ и парусныхъ судовъ. Роскошенъ заходъ солнца, тонущаго въ безбрежномъ морѣ!... Когда стемнѣло, электрическіе и газовые огни, точно свѣтляки, усѣяли свѣтлыми точками все нагорье и гавань, а при выходѣ изъ послѣдней заблестѣли сильные огни двухъ маяковъ.

По возвращеніи въ городъ мы бродили по кофейнямъ, присматривались къ толпѣ и кушали мороженое, которое здѣсь не такъ вкусно, какъ въ Венеціи.

Въ Генуѣ великолѣпная электрическая конка. Меня особенно занимали тоннели, устроенные въ городѣ для этой конки: стоили они, вѣроятно, бѣшеныхъ денегъ и, однако, предъ расходами здѣсь не остановились, чтобы

дать городскому населенію удобное, быстрое и баснословно дешевое сообщеніе. Вотъ эти-то здѣшнія предпріятія въ интересахъ обывателей невольно и останавливаютъ на себѣ вниманіе насъ — людей, не привыкшихъ видѣть у себя дома такую готовность со стороны нашихъ муниципалитетовъ итти — въ интересахъ обывателя, — на встрѣчу запросамъ современной городской жизни!

Генуэзскій соборъ св. Лоренцо — тяжелой арабско-готической архитектуры. Изъ памятниковъ интересенъ не оцѣненному при жизни той же Генуей Колумбу, который родился невдалекѣ отъ Генуи.

Брошенныхъ своими владѣльцами или обращенныхъ въ промышленныя учрежденія дворцовъ въ Генуѣ довольно много (изъ послѣднихъ, напр., палаццо знаменитой нѣкогда фамиліи Доріа). Знаменитыхъ дворцовъ Бальби, Дураццо и др. мы не успѣли осмотрѣть, такъ какъ спѣшили выѣхать въ Марсель, гдѣ должны были собраться всѣ члены небольшого общества, предпринимавшаго далекое путешествіе.

Въ Генуѣ мы запаслись пробковыми шлемами и темными очками для Африки и — главное — лиры превратили въ франки. Теперь мы были совершенно готовы для дальнѣйшаго путешествія! Ночь передъ отъѣздомъ изъ Генуи мы провели ужасную: въ переулкѣ, рядомъ съ нашимъ отелемъ „Ligurie“, была остерія, а тамъ шла бесѣда . . . . Утромъ я спеціально заглянулъ въ этотъ переулокъ и ахнулъ отъ удивленія и неожиданности. Переулокъ шелъ обрывисто внизъ по горѣ; по сторонамъ его стояли высокіе дома; внизу расположена круглая ротонда, гдѣ обывательницы моютъ въ бассейнѣ постоянно смѣняющейся водой бѣлье; чрезъ улицу, почти изъ каждаго окна, съ нижняго этажа до мансардъ, расположенныхъ подъ крышей домовъ, протянута масса веревокъ, на коихъ развѣшано для просушки много

бѣлья: здѣсь представленъ разноцвѣтный и дамскій, и мужской гардеробъ въ завидной полнотѣ, но не всегда въ цѣлости. Весь просвѣтъ улицы завѣшанъ бѣльемъ! И это — рядомъ съ главной улицей, Balbi, на которой вблизи отъ этого переулка находится и королевскій дворецъ! Зрѣлище для меня было по-истинѣ такъ необычно, что я охотно пріобрѣлъ на память фотографію этого переулка. — Да, вотъ это — такъ свобода....

Мѣстное кладбище (campo santo, cimitero) не менѣе богато замѣчательными художественными памятниками, чѣмъ миланское. Поразительно хорошъ памятникъ работы Кановы на могилѣ Монтеверде: молодая, полная жизни, женщина, безнадежно рвущаяся изъ костлявыхъ рукъ суровой смерти!

Ривьера, собственно берегъ Средиземнаго моря отъ Генуи до Ниццы, по которому мы ѣхали въ Марсель, — лучшій уголокъ міра: здѣсь могучая тропическая природа, море, голубое небо, роскошный и здоровый климатъ и геній человѣка сдѣлали все, чтобы создать рай земной! Ментона, Ницца, Санъ-Ремо — кому не знакомы эти имена! Съ ними рисуется въ воображеніи что-то удивительно чарующее и пріятное. Но, какъ и въ раю, здѣсь завелся обольстительный, конечно, змѣй — Монте-Карло, столица маленькаго княжества Монако, въ коемъ процвѣтаетъ рулетка. На красивыхъ горныхъ вершинахъ расположился этотъ „змѣй“ — дворецъ съ роскошнымъ садомъ, концертнымъ заломъ и — главное — съ роскошными игорными залами, которые даже теперь, т. е. въ глухую пору сезона, не безъ многочисленныхъ посѣтителей. Съ одной жертвой этого змѣя мы ѣхали нѣсколько часовъ. Наша спутница оказалась очень миловидной молодой особой, русской, два года тому назадъ вышедшей въ Россіи замужъ за богатаго, ничего недѣлающаго и всѣмъ всегда недовольнаго господина; въ настоящее время и мужъ, и

жена старались прогнать свою скуку въ Монте-Карло; это стоило имъ и труда, и денегъ . . . Барынька оказалась интересной, остроумной собесѣдницей и привлекательной кокеткой; проведенные съ нею нѣсколько часовъ прошли какъ-то особенно быстро и напомнили мнѣ что-то уже давно прошедшее, но милое и дорогое . . Все было бы хорошо, если бы только не безконечные, утомительные тоннели: ихъ на Ривьерѣ мы проѣхали штукъ 50.

Въ Вентимильѣ мы переѣхали французскую границу. Сразу общая картина нѣсколько измѣнилась. На французской почвѣ нѣтъ разваливающихся городовъ и неряшливыхъ жителей, какъ въ Италіи. Вскорѣ барская Ривьера окончилась, и мы ѣхали по крестьянской Ривьерѣ, находящейся не у берега моря, а внутри страны, между отрогами южныхъ Альпъ, тоже богатыхъ растительностью. Здѣсь нѣтъ пальмъ, но масса оливковыхъ плантацій, гдѣ трудолюбивый крестьянинъ работаетъ съ утра до вечера и бываетъ щедро вознагражденъ за свои труды. Народъ здѣсь отличается чистотою и солидностью. Но здѣсь уже начинается царство рекламы; мнѣ рѣжетъ глаза въ особенности плакатъ „Шоколадъ Миньо“: куда бы я ни обратилъ взоры — на стѣны ли станціонныхъ зданій, на будку ли сторожей, на крестьянскіе ли домики, всюду „Шоколадъ Миньо“, „Шоколадъ Миньо“ . . . только эти два слова и больше ничего — это начинаетъ надоѣдать и выводить изъ терпѣнія.

IX.

ВЪ АФРИКУ!

Вечеромъ 9 (21) іюля, мы прибыли въ Марсель, гдѣ въ отелѣ „Petit Louvre“ нашли общество нѣмцевъ - путешественниковъ; это были большею частію практическіе дѣятели и учителя, готовые „заутра снова въ путь далекій.“ Они только что прибыли на поѣздѣ-молніи изъ Швейцаріи и не вполнѣ пришли еще въ себя отъ страха и волненій, пережитыхъ ими въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ безумно мчавшемся поѣздѣ; ничего подобнаго по быстротѣ, по ихъ словамъ, нѣтъ даже и въ любящей быстроту Германіи.

Вечеромъ всѣ мы вышли на улицу „Cannibiere“ и просидѣли въ кафе во взаимной бесѣдѣ и въ стараніи ближе познакомиться. На улицѣ — большое движеніе; масса военныхъ и женщинъ. „Свобода“ и откровенность — большія . . . Но какой-то только рабочей массой кажется вся эта толпа. На слѣдующій день утромъ, чтобы составить себѣ общее представленіе о весьма оживленномъ первомъ портовомъ городѣ Франціи — Марсели, мы всѣмъ обществомъ, по почти вертикальной подъемной дорогѣ, поднялись на значительную гору, на вершинѣ которой находится очень красивый храмъ (новой постройки)

женскаго монастыря Notre Dame de la Garde. Съ вершины горы открывался чудный видъ на море и оживленную гавань, но городъ представляется грудой пепельныхъ домовъ — фабрикъ, мастерскихъ и складовъ, и этотъ внѣшній видъ города такъ же отличался отъ генуэзскаго, какъ работникъ отличается отъ художника.

Отсюда же, съ вершины горы, мы видѣли и море, — неспокойное море . . . Волны ходили огромными горами, и большой пароходъ, бывшій уже далеко отъ гавани, казался намъ послушной игрушкой волнъ: его то поднимало на водяныя горы, то бросало въ пучину. . . Разыгравшееся море наводило насъ на серьезныя размышленія, ибо Средиземное море иногда страшно и по-долгу волнуется . . . Въ морское путешествіе я отправлялся въ первый разъ, и мнѣ сразу приходилось принять настоящее водяное крещеніе. Захолонула душа, и духъ захватило при мысли, какимъ опасностямъ можно подвергнуться въ морѣ. Особенно усилились эти печальныя размышленія, когда мы, отправившись почти за десятокъ верстъ отъ города покупаться въ морѣ, вблизи увидѣли и, купаясь, на себѣ испытали, съ какой силой и остервенѣніемъ бросались огромныя волны на прибрежныя скалы . . . .

Днемъ мы обошли нѣсколько улицъ города; вездѣ — только торгово-промышленная и фабричная дѣятельность. Городъ — работникъ . . . Нѣмцы весьма кисло настроены и не скрываютъ нѣкотораго чувства брезгливости къ французамъ. Особенно комиченъ одинъ отставной полковникъ, который, при видѣ грязныхъ и безпорядочно шедшихъ съ работъ солдатъ, вдругъ сталъ въ пренебрежительную позу посреди улицы и сталъ громко спрашивать спутниковъ, не арестанты ли это.

День, однако, близился къ концу. Вещи наши были уже отправлены на пароходъ. Но тревожныя мысли

не давали мнѣ покоя. „Море бурно, и насъ будетъ сильно качать,“ писалъ я тогда моему пріятелю: „но полагаюсь на Провидѣніе. Чрезъ часъ мы прощаемся съ твердой землей. Что-же? нужно все на свѣтѣ испытать! Хотѣлось бы многимъ и о многомъ написать, да мысли разбредаются, и времени мало. Одно могу сказать: трудно передать вполнѣ опредѣленно настоящее мое состояніе, но оно не изъ пріятныхъ.“ — Конечно, это былъ страхъ; но на то, чтобы отказаться отъ поѣздки и остаться въ Марсели, также не хватило смѣлости, хотя я предчувствовалъ, что не обойдется мнѣ даромъ это путешествіе по бурнымъ волнамъ Средиземнаго моря.

Какъ бы то ни было, но вечеромъ, въ 7 часовъ, послѣ осторожнаго обѣда, мы были уже на пароходѣ „Berry“. Рядомъ съ нами грузился кукурузой большой торговый пароходъ; работали на немъ негры — и работали усердно. На палубѣ грузившагося парохода было цѣлое негрское племя, человѣкъ 150. Лишь кончилась нагрузка, какъ десятки черныхъ рукъ бросились съ жадностью подбирать разсыпавшіяся зерна; началась между неграми толкотня и чуть не драка. А на палубѣ стояли страшный шумъ и гамъ: тамъ раздавались буйныя пѣсни, а какой-то дикарь, почти совершенно голый, танцовалъ и при этомъ дѣлалъ, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ — повеселить и повеселиться, ужасныя гримасы. Увидя, что съ нашего парохода интересуются его танцемъ, онъ сдѣлалъ такое ужасное лицо, такъ страшно оскалилъ зубы и дико закричалъ, что невольно напрашивался на сравненіе съ исчадіями ада.

Качка, стоявшая въ гавани, въ связи съ этими ужасными криками и гримасами, подѣйствовала на мои нервы дурно. Лишь только я вступилъ на палубу корабля, какъ сталъ чувствовать головокруженіе.

Вотъ, тихо покачиваясь, вышли мы изъ гавани. Сразу качка стала сильной. Дулъ западный вѣтеръ, и капитанъ приказалъ поставить паруса. Постепенно уходили у насъ изъ виду городъ, гавань, маякъ, высоты, позлащенные лучами заходящаго солнца; у меня же вскорѣ стали уходить изъ глазъ предметы и люди на кораблѣ. Съ самаго вступленія на пароходъ я усѣлся около мачты (пароходъ былъ двухмачтовый) и мечталъ только о томъ, чтобы меня не безпокоили. Но блѣдность и желтизна, покрывшія мое лицо, обезпокоили моихъ спутниковъ, и эти добрые люди своими разспросами и заботами обо мнѣ причинили мнѣ немало страданій . . . Голова моя была точно налита свинцомъ; я жаждалъ покоя, и каждая мелочь (шумъ дѣтей, ходьба матросовъ), въ особенности, когда мы вышли изъ области береговыхъ водъ и когда наступилъ настоящій штормъ, меня сильно безпокоила; казалось, что вотъ-вотъ моя голова треснетъ пополамъ. Надо мной посмѣивались, особенно очень живой пасторъ; но посреди смѣха его постигла морская болѣзнь . . . Я былъ третьимъ, который отдалъ морю все, что получилъ отъ поваровъ . . . Мнѣ стало легче, но я по-прежнему страстно жаждалъ только покоя.

Между тѣмъ корабль нашъ бросало, какъ мячикъ. Многіе удалились съ палубы больными. Ужинающихъ было незначительное число. Вскорѣ жизнь на пароходѣ стала прекращаться, и только по временамъ неслись снизу отчаянные стоны и вопли. Особенно страдали наши спутницы: полная докторша и худенькая учительница, старая дѣва, побывавшая уже и въ Палестинѣ, и въ другихъ краяхъ. Я все сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, по временамъ только срываясь къ борту — освѣжиться . . . И, несмотря на то, что каюта моя въ первомъ классѣ отличалась всѣми удобствами, я, въ своей крылаткѣ, пред-

усмотрительно надѣтой мной еще въ Марсели, легъ прямо на полъ палубы: такъ было лучше — здѣсь дулъ свѣжій вѣтерокъ. Около трехъ часовъ ночи, когда разыгрался сильный штормъ, палубу стало заливать водой и не разъ уже окатило волной и меня; я перемѣстился на скамейку тутъ же на палубѣ. Ни дождя, ни грозы не было, но качка была ужасная. Небо было чисто и все усѣяно яркими звѣздами; свѣтилъ какъ-то блѣдно мѣсяцъ. На горизонтѣ, гдѣ-то въ Испаніи, блистали молніи. Мы шли скорымъ ходомъ. Къ утру паруса были убраны, такъ какъ вѣтеръ дулъ теперь, хотя и съ прежней силой, но прямо въ противоположную сторону.

Утромъ стало спокойнѣе. Я спустился въ каюту и умылся. Затѣмъ сталъ пить кофе, но болѣе полчашки не могъ выпить. Слабость я чувствовалъ ужасную.

Въ теченіе всего пути мы только разъ видѣли на горизонтѣ парусное судно. Около полудня проѣхали мимо острововъ Майорки и Минорки, и тутъ нашъ пароходъ окружило цѣлое стадо дельфиновъ. Точно заигрывая съ пароходомъ, дѣлали они огромные, аршина два въ діаметрѣ, прыжки, и на солнцѣ серебромъ отливали ихъ плоскія спины. Несмотря на недомоганіе, я любовался ими, пока они всѣ не исчезли изъ виду; казалось, что пароходъ пересѣкъ ихъ путь по направленію къ Сициліи.

На палубѣ довольно много пассажировъ; идутъ разговоры. Всѣ любуются серебристымъ отливомъ синяго моря и безоблачнымъ бездоннымъ синимъ небомъ. Меня безпокоятъ дѣтишки, на которыхъ не дѣйствуетъ качка. Они бѣгаютъ по палубѣ, и — того и гляди! — кто-нибудь изъ нихъ полетитъ за бортъ. Отъ боли, испытываемой при этомъ представленіи, голова точно лопается.

Къ вечеру вѣтеръ снова сталъ крѣпчать, а ночью былъ снова штормъ, и снова ночь провелъ я на палубѣ. Несмотря на страданія, сознанія, однако, я во все время не терялъ. Страдалъ я сильнѣе первой ночи, и опять въ одиночествѣ. Палубу водой заливало еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Фонарь тускло какъ-то мерцалъ на мачтѣ.

№ 1. **Бульваръ „Республики" въ Алжирѣ.**

Гдѣ-то что-то скрипѣло. Винтъ работалъ неустанно. Мысли бродили въ головѣ самыя безотрадныя, и наконецъ наступило какое-то отупѣніе чувствъ, близкое къ отчаянію. По временамъ я сталъ забываться мучительнымъ сномъ. Однако, спуститься въ каюту я не рѣшался.

По расписанію, въ Алжирѣ мы должны были быть въ 5 часовъ утра 11 (23) іюля. Просыпаясь почти ка-

ждыя десять минутъ, я смотрѣлъ на часы, на которые падалъ слабый свѣтъ палубнаго фонаря, все ожидая,

№ 2. Губернаторская площадь и мечеть El Djedid въ Алжирѣ.

когда наступитъ конецъ сему плаванію по морю Средиземному, которое гордые римляне называли своимъ болотомъ и которое мнѣ причинило столько страданій! Но

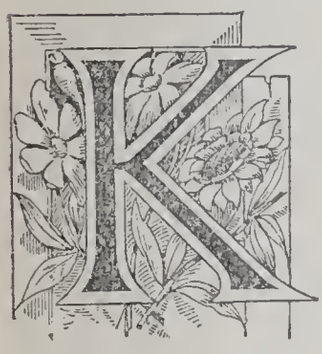
разсвѣтъ не наступалъ: яркія звѣзды и мѣсяцъ сіяли на глубокомъ голубомъ небѣ: порывистый вѣтеръ — на этотъ разъ восточный — шумѣлъ между снастями и канатами парохода; брызги соленой воды заливали палубу; каждыя четверть часа пароходные часы звономъ давали знать объ истекшемъ времени — и такъ безъ конца.

Подъ утро я забылся продолжительнымъ сномъ. Вдругъ около меня раздались голоса: „Африка!“ Я быстро вскакиваю; корабль все еще качаетъ; мы далеко отъ берега, но вдали виднѣется линія Атласскихъ горъ. „Земля!“ Какъ много въ этомъ звукѣ въ тотъ мигъ слилося для меня! Вотъ показались и дома. Вотъ на террасахъ горъ въ предразсвѣтной бѣлесоватой полутьмѣ, виднѣется Алжиръ, главный городъ французскихъ владѣній въ Африкѣ. Медленно входимъ мы въ прекрасную, расположенную квадратомъ, гавань, въ которой на якоряхъ стоитъ нѣсколько морскихъ гигантовъ. Становится свѣтлѣе. Въ Алжиръ, благодаря попутному вѣтру, мы прибыли на цѣлыхъ пятьдесятъ минутъ раньше назначеннаго по расписанію срока. Ура! . . .

„Berry“ уже на якорѣ. Вокругъ парохода масса лодокъ; на палубѣ масса арабовъ-носильщиковъ. Вотъ понесли наши вещи. А вотъ и я, какъ наиболѣе изболѣвшійся, вмѣстѣ съ директоромъ Менеромъ и дамами, по бульвару „Республики“ и Губернаторской площади (Place du Gouvernement), на которой находится мечеть El Djedid (см. рис. №№ 1 и 2), ѣдемъ на извозчикѣ, единственномъ бывшемъ на пристани въ такой ранній часъ, въ гостиницу „Petit Louvre“. За нами пѣшкомъ слѣдуютъ въ бѣлыхъ шлемахъ наши спутники. Головокруженіе у меня все еще продолжается.

X.

Алжирія и Алжиръ.



Колоніи французскія въ сѣверной Африкѣ, простирающіяся вдоль береговъ Средиземнаго моря между Тунисомъ на востокѣ и Марокко на западѣ на протяженіи 1070 килом., на югѣ заходящія далеко въ глубь Сахары, носятъ названіе Алжиріи или Алжира (Algérie); владѣнія эти обнимаютъ среднюю часть Атласа и составляютъ 667,065 кв. килом. Гаваней хорошихъ, за исключеніемъ Алжирской, нѣтъ. Атласъ, часто пересѣкаемый ущельями, покрытъ по большей части лѣсами нашихъ породъ (дубы, кедровые орѣшники, ясени, кедры, фисташковыя деревья). У южной части Атласа начинается Сахара — *скалистое* плато (см. рис. № 13), средняя высота котораго достигаетъ 500 метровъ; она заключаетъ въ себѣ множество котловинъ, отдѣляемыхъ другъ отъ друга значительными горными цѣпями (см. рис. № 14). По большей части это обширныя безводныя пространства съ затвердѣлой глинистой или скалистой почвой. Въ глубокихъ мѣстахъ котловинъ встрѣчаются соляныя болота, или озера — себхи, окруженные финиковыми пальмами, подъ тѣнью которыхъ удается обработка почвы. Климатъ Алжиріи теплый, но на горныхъ

плато выпадаетъ снѣгъ. Средняя годовая температура въ Алжирѣ — до 19° по Цельсію; наиболѣе высокая — 40° и наиболѣе низкая — + 1,6°. Посему городъ Алжиръ въ послѣднее пятидесятилѣтіе сталъ извѣстенъ, какъ климатическая станція для слабогрудыхъ. Осень

№ 3. **Лѣтній губернаторскій дворецъ въ Алжирѣ.**

здѣсь начинается въ сентябрѣ страшными ливнями, сопровождаемыми ужасными грозами. Лѣтомъ, вслѣдствіе полнѣйшаго бездождія, рѣки высыхаютъ, и растенія увядаютъ. Флора здѣсь — европейская.

Алжирія, подобно всей сѣверной Африкѣ, во времена римскаго владычества, пользовалась цвѣтущимъ благосостояніемъ и обладала множествомъ городовъ, преимущественно римскихъ колоній. Но вторженіе

вандаловъ въ V в. по Р. Хр. на два съ половиною вѣка погрузило страну въ прежнее состояніе варварства;

№ 4. У входа въ городской садъ въ Алжирѣ.

и хотя позднѣе, съ пришествіемъ арабовъ (въ VIII в.), она стала подниматься опять, но прежняго процвѣтанія она уже не достигала. Воздѣлываются: пшеница, ячмень,

табакъ, виноградъ, клещевина, марена, слива; въ оазахъ — финиковая пальма, составляющая тамъ и главный предметъ питанія. Французское правительство не щадило усилій для развитія земледѣлія, но успѣхъ оказался значительно ниже потраченныхъ трудовъ. Скотоводство развито. На большомъ Атласѣ водятся еще львы и пантеры; около оазисовъ Сахары бродятъ стада газелей, а также — гіены и шакалы. Много муловъ, лошадей, а въ пустынѣ — верблюдовъ.

Населеніе Алжиріи въ 1886 году составляло 3.817,000 душъ. Европейцевъ немного; остальные туземцы берберской, арабской, турецкой и іудейской расъ; однако, главную массу населенія составляютъ арабы и бедуины. Берберы, иначе — кабиллы, представляютъ смѣсь потомковъ древнихъ нумидійцевъ съ арабами; они живутъ въ горахъ и въ пустынѣ, и только французамъ удалось ихъ смирить. Часть населенія живетъ какъ номады, а часть, болѣе осѣдлая, — въ маленькихъ хижинахъ (гурби); немногіе живутъ въ настоящихъ, каменныхъ или деревянныхъ, домахъ. Арабовъ и кабилловъ въ Алжиріи въ 1881 году насчитывалось 2.850,000 человѣкъ; число же европейцевъ простиралось до 340,000: французовъ — 234,000, испанцевъ — 11,000, итальянцевъ — 34,000, англичанъ — 15,000, нѣмцевъ — 4,000; евреевъ было 35,000.

О сложной промышленности здѣсь не можетъ быть и рѣчи; только въ Алжирѣ да Константинѣ существуютъ фабрики и заводы. Торговля по большей части мѣновая.

Алжирія состоитъ изъ провинцій: Алжиръ, Константинъ (на востокѣ) и Оранъ (на западѣ); главный городъ колоніи Алжиръ. Все это — сравнительно богатыя, хотя и очень слабо населенныя, мѣста. За плодородіе Алжиръ называется житницей Франціи. Принадлежитъ Алжирія Франціи съ половины нашего вѣка.

Причины присоединенія Алжиріи — необходимость уничтожить пиратское варварійское государство; а поводъ къ войнѣ, еще въ 1830 году, подалъ алжирскій дей. Именно, алжирскій дей потребовалъ 7.000,000 франковъ долга, числившагося за Франціей еще съ эпохи Наполеона, и лично написалъ по этому поводу письмо королю Карлу X. Но получивъ чрезъ консула отвѣтъ, что „король Франціи не ведетъ переписки съ алжирскимъ деемъ“, послѣдній разсердился и ударилъ консула Франціи г. Дюваля опахаломъ. Этого было достаточно, чтобы отправить экспедицію: вѣдь, въ политикѣ всякое лыко въ строку! И, дѣйствительно, Карлъ X, желавшій (тщетно!) отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ запутанныхъ дѣлъ, послалъ экспедицію на Алжиръ. Уже въ іюлѣ 1830 года городъ Алжиръ сдался французамъ на капитуляцію, а къ 1847 году, въ особенности благодаря трудамъ герцога Омальскаго, вся Алжирія была въ рукахъ французовъ. Но нужно правду сказать: французы сдѣлали здѣсь много хорошаго: они создали общественную безопасность, провели желѣзныя и прекрасныя шоссейныя дороги, обстроили города и оздоровили ихъ, пріобщили часть мѣстныхъ обитателей къ христіанской религіи, создали школы на европейскій образецъ; усмирили дикихъ арабовъ-кабилловъ, хотя и не всѣхъ еще, ввели лучшіе способы обработки земли, устроили массу артезіанскихъ колодцевъ, въ особенности въ провинціи Оранъ, и тѣмъ способствовали разведенію столь богато оплачивающей человѣческій трудъ финиковой пальмы, ввели твердое государственное и помѣстное (своими bureaux arabes) правленіе, натурализовали (дали права гражданства) евреевъ — словомъ, цивилизовали край, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи они далеко еще не закончили своей дѣятельности.

Въ сѣверной Африкѣ главныя занятія мѣстныхъ обитателей — земледѣліе, скотоводство, садоводство и торговля съ пустыней. Сѣютъ здѣсь пшеницу и маисъ. Въ садахъ, рано — сравнительно съ Европой, поспѣваютъ груши, яблоки, фиги, виноградъ, мучнистые и приторно

№ 5. **Богатый арабъ.**

сладкіе плоды колючихъ кактусовъ, а на бахчахъ — душистыя дыни и арбузы. Какъ сказано уже выше, видную отрасль промышленности составляетъ пальма различныхъ родовъ (въ особенности — финиковая; см. рисунки №№ 1, 3, 4), бананъ и бамбукъ. Поюжнѣе отъ Берберскаго плоскогорья, въ такъ называемой алжирской Сахарѣ почва не особенно плодородна, солончаковая:

есть даже нѣсколько значительныхъ соляныхъ озеръ, а по берегамъ прошедшихъ весною потоковъ дождевой

№ 6. **Оперный театръ въ Алжирѣ.**

воды лежитъ пластами слой соли. Здѣсь повсюду сильно нуждаются въ орошеніи и весьма много о немъ заботятся; вездѣ, гдѣ зелень, тамъ видны слѣды усиленныхъ

заботъ человѣка объ орошеніи. Безъ воды невозможна была бы здѣсь культура земли, безъ воды все было бы здѣсь мертво. Ирригаціей занимались здѣсь и въ древности, и позднѣе, когда здѣсь существовали рабовладѣльческія арабскія государства. Но и европейцы въ этомъ отношеніи сдѣлали и дѣлаютъ много. И эти заботы не проходятъ незамѣтными: мѣстные люди умѣютъ быть благодарными тѣмъ, кто заботился объ орошеніи страны и вообще о надѣленіи населенія здоровой водой. Такъ, напр., среди всѣхъ бывшихъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ (Алжиріей нынѣ вѣдаетъ генералъ-губернаторъ, правящій въ провинціяхъ чрезъ своихъ префектовъ) наибольшую популярность и любовь пріобрѣлъ бывшій здѣсь нѣкоторое время губернаторомъ извѣстный маршалъ Макъ-Магонъ. Въ Алжирѣ, собственно на возвышенномъ предмѣстьѣ Мустафа, гдѣ такъ много очаровательныхъ виллъ здѣшнихъ богачей, европейцевъ и мусульманъ, предъ роскошнымъ лѣтнимъ губернаторскимъ дворцомъ, построеннымъ à la Альгамбра, въ мавританскомъ стилѣ, съ подковообразными арками, съ арабскими мозаиками и башенками, и расположеннымъ въ роскошномъ тропическомъ саду (см. рис. №3), стоятъ мраморные *бюсты* всѣхъ губернаторовъ, — только статуя Макъ-Магона во весь ростъ: онъ устроилъ въ Алжирѣ водопроводъ, доставляющій всему населенію здоровую воду съ горныхъ высотъ!

Городъ Алжиръ, столица и главный военный и торговый портъ Алжиріи, расположенъ амфитеатромъ на крутизнахъ, на вершинѣ которыхъ находится цитадель; онъ расположенъ на западной сторонѣ великолѣпной бухты. Городъ состоитъ изъ двухъ, совершенно не похожихъ другъ на друга частей: нижній кварталъ — европейскій, съ прекрасными частными зданіями (въ родѣ расположенныхъ на віадукѣ по бульвару Республики, см. рис. № 1), отелями, театрами, конторами. Въ

концѣ бульвара — центръ города, прекрасная Губернаторская площадь, выложенная мраморными плитами, съ конной статуей герцога Орлеанскаго; на площади —

№ 7. Улица въ арабской части Алжира.

типичная мечеть Джамаэль - Джедидъ. Вокругъ площади — роскошныя кафе, въ которыхъ по вечерамъ играетъ военная музыка. Здѣсь всегда много гуляющихъ, особенно — красивыхъ евреекъ, украшенныхъ драгоцѣнностями (см. рис. № 8). Европейскіе дома — четырехъ-

и пятиэтажные, новаго стиля. Хорошія мостовыя. Газовое освѣщеніе. Съ трудомъ, однако, отличите здѣсь мечеть отъ христіанской церкви: всѣ онѣ построены въ мавританскомъ стилѣ, точно строители ихъ о другихъ стиляхъ, кромѣ мавританскаго, и не слыхали. Но есть въ Алжирѣ въ изобиліи и оригинальное — мѣстное

№ 8. **Богатая алжирская еврейка.**

именно — верхній городъ, мавританскій. Онъ состоитъ изъ массы извилистыхъ улицъ, съ каменными ступенями и удушливой атмосферой. Дома извнѣ невзрачны, грязны, но внутри нерѣдко отдѣланы весьма роскошно. Довольно хорошее представленіе объ улицѣ мавританской части города читатель составитъ по рисунку № 7. Этотъ мусульманскій Алжиръ, населенный преимущественно

бѣдными арабами, скученъ, грязенъ, какъ всѣ мусульманскіе города, и зловоненъ. Кривыя улицы съ переулками, дома безъ оконъ и съ запертыми на-глухо дверьми; бани; арабы-цырульники, усаживающіе своихъ кліентовъ прямо на лежащія на полу цыновки, уныло и не спѣша бреютъ, по закону Магомета, головы право-

№ 9. **Арабская школа (медресе) въ Алжирѣ.**

вѣрныхъ (см. рис. № 10); группы молчаливо сидящихъ на цыновкахъ въ кофейняхъ, прямо на улицѣ, арабовъ солиднаго возраста, медленно пьющихъ изъ маленькихъ чашечекъ, безъ блюдечка, крѣпкій черный кофе или постоянно держащихъ во рту трубки съ длинными чубуками; проходящія мимо васъ, нерѣдко — повидимому — красивыя, раздушенныя арабки (см. рис. № 17), съ

лицомъ, закрытымъ до красивыхъ глазъ бѣлой чадрой; множество больныхъ глазами; довольно часто встрѣчаются лишенные носа или съ лицами, испещренными оспой; дѣтишки, оборванныя, чуть не голыя; одни взрослые дѣлаютъ букетики изъ вѣтокъ цвѣтущей акаціи, другіе ничего не дѣлаютъ; вездѣ шумъ, тамъ, толкотня. —

№ 10. **Арабъ — цырульникъ.**

все это вмѣстѣ взятое переноситъ наблюдателя въ какой-то иной міръ, въ міръ „Тысячи и одной ночи“ или „Похожденій Али-Бабы.“ Въ переулкахъ мавританской части города при проходѣ успѣваешь, однако, видѣть и прекрасныя лица: любопытство — женская добродѣтель испоконъ вѣковъ! — дало намъ возможность увидѣть красавицъ, безъ чадры, въ домашнемъ платьѣ.

Почти цѣлую часть города, т. е. мавританскую, составляетъ здѣсь базаръ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточена жизнь и все мусульманское мужское населеніе. Торгуютъ кустарными мѣстными произведеніями изъ кожи и стали и дешевыми французскими товарами да — въ изобиліи — фруктами и парфюмеріей, которую такъ любитъ поклонникъ Магомета. Сапожники и портные работаютъ прямо на улицѣ, такъ что иногда отъ тѣсноты трудно пройти по улицѣ. Рядомъ съ сапожникомъ лавка мясника. Всюду толкотня: провозятъ товары, ходятъ покупатели, дѣти снуютъ во всѣхъ направленіяхъ, а степенные старики, чинно усѣвшись на своихъ цыновкахъ, съ гордой восточной нѣгой попиваютъ изъ маленькихъ чашечекъ кофе.

Въ кривыхъ арабскихъ переулкахъ дома построены неумѣло; верхній этажъ нѣсколько выступаетъ надъ нижнимъ и подпертъ кусками дерева — полѣньями; арабскіе дома непривлекательны съ виду; въ окнахъ желѣзныя рѣшетки, задернутыя черными занавѣсками; но внутри дома отдѣланы богато, стѣны расписаны; внутренніе дворики, съ цвѣтниками и фонтанами, окружены галлереями съ легкими колоннами и арками въ мавританскомъ стилѣ. По виду дома эти — казематы, а внутри много и удобства, и роскоши. И все это — для женщины и страстей! . . .

Вокругъ Алжира — нѣсколько арабскихъ селеній (см. рис. № 11). Мы осматривали ихъ. Группы арабовъ, сидящихъ на землѣ, въ бѣлыхъ бурнусахъ, напоминаютъ собою мѣшки съ мукою. Рядомъ съ людьми расположились и животныя: ослики, лошаки. Диву даешься, чѣмъ живетъ только этотъ народъ . . .

Въ Алжирѣ до 80,000 жителей. Изъ его достопримѣчательностей, кромѣ губернаторскаго дворца, собора и мечетей, слѣдуетъ отмѣтить великолѣпный театръ, а

также городской садъ d' Essai; это — цѣлый лѣсъ могучихъ, многовѣтвистыхъ высокихъ (до 100 футовъ) и карликовыхъ пальмъ, банановъ, бамбуковъ и евкалиптовъ (см. рис. № 4: „У входа въ городской садъ“); садъ занимаетъ много десятинъ; въ немъ повсюду текутъ ручьи воды. Въ саду же, въ особой оградѣ, находится цѣлое стадо страусовъ, дорогія упавшія перья съ которыхъ при насъ какъ разъ осторожно собиралъ служитель. Въ Африкѣ, натурально, жара африканская, а мы къ тому же здѣсь какъ разъ въ неудобное время — лѣтомъ. Хорошо здѣсь, въ сѣверной Африкѣ, зимою или въ октябрѣ и ноябрѣ, когда пустыня превращается въ роскошный зеленый цвѣтникъ, а рѣки переполнены водой и шумятъ. Оживаетъ тогда не только нагорье, но и пустыня вплоть до песковъ и скалъ Сахары, которые никогда не оживаютъ и всегда мертвы.

Въ Алжирѣ, кромѣ католическаго архіепископа, есть протестантская и еврейская (евреи здѣсь по большей части составляютъ зажиточный классъ населенія) консисторіи, четыре мечети и множество магометанскихъ часовенъ, посвященныхъ памяти марабутовъ (святыхъ). Европеецъ найдетъ въ Алжирѣ все, чтобы удовлетворить свою духовную жажду, а также и страсти. Здѣсь имѣются академія, лицей, археологическій музей, историческое общество, газеты, библіотеки, театры (оперный см. рис. № 6) многочисленныя первоначальныя школы, богадѣльни, госпитали, сберегательныя кассы, филантропическія заведенія и сиротскіе дома и т. п.

Ѣздятъ здѣсь и возятъ небольшія тяжести большею частью на маленькихъ осликахъ; и хотя послѣдніе меньше европейскихъ, но они гораздо выносливѣе; большія тяжести возятъ на верблюдахъ или впрягая цугомъ по 4—5 лошаковъ и лошадей; въ послѣднемъ случаѣ товары кладутъ на арбы, съ двумя очень высокими ко-

лесами; головы лошаковъ и лошадей отъ солнечныхъ лучей защищены соломенными шлемами или тряпками, поверхъ которыхъ, чрезъ дыры, торчатъ уши животныхъ.

Хозяйка „Petit Louvre“, гдѣ мы остановились, оказалась очень живой и гостепріимной особой. Послѣ отдыха мы ѣздили на конкѣ и на паровой городской желѣзной дорогѣ осматривать городъ въ разныхъ его направленіяхъ. Съ высотъ чудный видъ на городъ, гавань и море. Слѣды моей морской болѣзни уже прошли: я здоровъ. Вечеромъ въ кафе за мороженымъ. Повсюду музыка; даже на улицахъ даются серенады. Нѣмцы разыскали пивную и сидятъ тамъ. Пиво приготовляется на здѣшнихъ заводахъ; ледъ готовятъ здѣсь же, на фабрикѣ, или привозятъ изъ Европы, изъ Норвегіи, Швеціи.

Во время прогулокъ по Губернаторской площади — признаюсь — я не мало былъ пораженъ, когда какой-то шустрый арабченокъ, пронюхавъ, что я русскій, на чистомъ русскомъ языкѣ обратился ко мнѣ со словами: „Баринъ! Я говорю по-русски. Дай су!“ . . . Вскорѣ дѣло разъяснилось: ребята научились говорить по-русски отъ нашихъ матросовъ, которые частенько, въ особенности въ послѣдніе годы, подолгу (цѣлыя зимы) гостятъ здѣсь.

XI.

Арабы и бедуины.

Арабы и бедуины — по типу похожи другъ на друга и по крови и по характеру близки. Нынѣ арабы — собственно верхній слой мѣстнаго населенія; бедуины (вѣрнѣе, берберы — кабиллы) — нижній; арабы — жители городовъ и Атласскихъ горъ; бедуины — жители оазовъ и пустыни. У араба нѣжнѣе, тоньше черты лица, у кабилла — грубѣе. И тотъ, и другой типъ — стойки, но способны къ развитію.

Арабы, вслѣдствіе умѣренности въ питьѣ и пищѣ, а также вслѣдствіе воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ (см. рис. № 5 и 23) и несмѣшенія съ другими народами, хорошо сохранили свой красивый, симпатичный и серьезный типъ. Арабъ строенъ, красивъ, съ оливковымъ цвѣтомъ кожи, съ блестящими, добрыми и умными глазами, то строгими, то лукавыми, прямымъ продолговатымъ носомъ, высокимъ лбомъ и выразительнымъ лицомъ. Зубы у араба бѣлые, какъ молоко, и цѣлы даже у шестидесятилѣтнихъ стариковъ. Дѣти очень милы и смышлены.

Въ Алжирѣ мы посѣтили частную школу (см. рис. № 9), медресе, и застали дѣтишекъ за обученіемъ корану; типичныя ихъ лица и обстановка школы

долго занимали насъ. Между арабами много купцовъ, торгующихъ въ пустынѣ и городахъ. Арабы охотно служатъ у европейцевъ и аккуратно исполняютъ свои обязанности. Въ арабѣ сразу видишь здоровую и интеллигентную расу. Есть еще довольно много немирныхъ

№ 11. **Арабское селеніе около Алжира.**

арабовъ-кабилловъ (см. рис. № 20): они не мало причиняютъ хлопотъ французскому правительству, которое поэтому вынуждено содержать здѣсь много войскъ; по этой же причинѣ всѣ оазы — крѣпости.

Внѣ городовъ арабы работаютъ въ садахъ и на поляхъ, водятъ караваны верблюдовъ, нагруженныхъ товарами, пасутъ коровъ, козъ, овецъ; африканское

солнце печетъ во-всю, а онъ, въ своемъ бѣломъ, легкомъ бурнусѣ и съ головой, обвязанной бѣлымъ платкомъ, обмотаннымъ длинной шерстяной веревкой (см. рис. №№ 5 и 11), какъ бѣлый столбъ, стоитъ невозмутимо на солнцепекѣ, опершись на свою длинную палку. Въ пустынѣ бедуины живутъ или въ оазахъ (т. е. въ городахъ), или по склонамъ горъ, а то нерѣдко и среди открытаго поля. То тутъ, то тамъ въ пустынѣ въ кустахъ зелени или у небольшихъ лѣсовъ виднѣются желтоватыя глиняныя, очень жалкія, съ ровной крышей безъ оконъ и съ небольшой дверью (чтобы сохранить прохладу) землянки; — то обиталища бедуиновъ. Нерѣдко эти землянки находятся въ полномъ разрушеніи, точно трупы, обглоданные дикими звѣрями пустыни, — то брошенныя бедуинами селенія. Среди пустыни часто приходится видѣть шатры бедуиновъ; какъ эти обиталища „дѣтей пустыни“ похожи на огромныхъ черныхъ пауковъ, распластавшихся на землѣ! Въ шатрѣ, подъ приподнятымъ со всѣхъ сторонъ (для прохода вѣтра) шерстянымъ навѣсомъ — вся семья бедуина (см. рис. № 20)!

Доброе дитя пустыни — бедуинъ замѣчательно простъ въ обхожденіи: онъ ощупываетъ васъ, разсматриваетъ ваши вещи. Какъ арабъ, такъ и бедуинъ очень набожны. Вотъ, напр., поѣздъ остановился: правовѣрный мусульманинъ вышелъ изъ вагона, снялъ башмаки, сталъ на колѣни, лицомъ къ востоку, и творитъ молитву, не стѣсняясь присутствіемъ многихъ иновѣрныхъ пассажировъ. Или вдругъ среди пустыни вы видите бѣлыя фигуры, гуськомъ, кланяющіяся на востокъ — то молятся бедуины.

Арабы городовъ и многіе арабы-номады (бедуины) вполнѣ владѣютъ государственнымъ — французскимъ — языкомъ; многіе изъ нихъ учились въ арабско-французъ-

скихъ народныхъ училищахъ. Узнавъ, что мы — русскіе, арабы были рады этому, говорили о дружбѣ Россіи и Франціи, охотно разспрашивали о Россіи, ея Царѣ, живущихъ тамъ мусульманахъ, свободно ли они исповѣдуютъ исламъ, объ обычаяхъ, пѣсняхъ, школахъ и т. д. Но къ нѣмцамъ они, какъ и вообще многіе здѣсь, относятся не очень дружелюбно.

Любо смотрѣть на юношу - араба, когда онъ, одѣтый въ шелковый національный костюмъ, съ краснымъ поясомъ, дома — съ феской на головѣ, а на улицѣ — въ бѣломъ бурнусѣ и бѣлой тяжелой повязкѣ вокругъ головы (концы повязки, защищающей голову отъ солнца, закрываютъ и затылокъ, что служитъ для предохраненія отъ солнечныхъ ударовъ) не стѣсняясь ведетъ свою бесѣду или просто гуляетъ. На такого красавца охотно заглядѣлись бы и прихотливыя европеянки — и надолго . . .

Красивы и войска, набранныя изъ туземцевъ, — тюркосы и спаги. Тюркосы — пѣхотинцы — головорѣзы, носящіе красные широкіе шаровары, синюю куртку и феску; за поясомъ ятаганъ и револьверъ; въ рукахъ ружье. Спаги — очень красивая иррегулярная кавалерія, въ національномъ арабскомъ костюмѣ, вплоть до бурнуса, съ саблей на боку и ружьемъ за плечами. На своихъ горячихъ арабскихъ коняхъ они несутъ полезную службу въ оазахъ, напр., въ Бискрѣ; спаги — смѣлые наѣздники, для которыхъ нѣтъ невозможнаго въ области упражненій на конѣ.

Арабки красивы; цвѣтъ кожи у нихъ мягкій оливковый, какъ будто африканское горячее солнце старалось поцѣловать ихъ возможно нѣжнѣе; впрочемъ, оно было милостиво только къ горожанкамъ (горожанки носятъ чадру, номадки — нѣтъ) . . . . у арабокъ-номадокъ цвѣтъ кожи темно-коричневый. Лица у арабокъ

выразительныя и полны гордости и энергіи; глаза большіе, черные, жгучіе; тѣло упругое, эластичное (см. рис. №№ 23, 19, 25, 17). Бедуинки — цыганскаго типа (см. рис. №№ 19 и 25). Всѣ онѣ большія охотницы до украшеній и духовъ. Мнѣ пришлось познакомиться съ арабомъ — учителемъ народной школы; онъ ѣхалъ съ женою. Уговорами и горячими поцѣлуями онъ добился отъ красавицы-жены того, что она открыла свое лицо и голову (мнѣ, впрочемъ, показалось, что лукавица сама — и давно — хотѣла показать намъ всю себя, но только кокетничала). У красавицы черные съ сизымъ отливомъ волоса, собранные въ толстыя косы, и шея были унизаны украшеніями — золотыми, серебряными, изъ слоновой кости и даже желѣзными, которыя свѣшивались на лобъ кокетки и падали на ея полную грудь; серебряныя серьги-кольца въ ушахъ были величиною съ блюдечко. Арабки и бедуинки носятъ бѣлые штаны со множествомъ складокъ и ходятъ въ башмакахъ на высокихъ каблукахъ. Арабы рано женятся, при чемъ, по условію, написанному у кадія, отецъ жениха платитъ за невѣсту (смотря, конечно, по красотѣ послѣдней) 150, 300, 500, 1,000 и болѣе франковъ; это „вѣно“ возвращается въ домъ жениха въ видѣ приданаго невѣсты. Браки у арабовъ большею частью бываютъ по склонности и счастливы; но нерѣдки и разводы, которые совершаются съ большою легкостью; дѣти остаются при мужѣ, а жена возвращается въ домъ отца; разводъ не безчеститъ, и разводки обыкновенно вскорѣ выходятъ замужъ. Дѣти очень красивы, милы, съ добрыми черными глазенками и бритыми головками (см. рис. № 9); въ пустынѣ они смотрятъ на васъ, какъ дички (см. рис. № 25), а въ городахъ пристаютъ съ разными услугами: снести ваши вещи, почистить сапоги (сами обыкновенно босы), указать дорогу или просто просятъ дать су.

На народное образованіе французское правительство тратитъ значительныя средства: учителя народныхъ школъ, по мѣстнымъ понятіямъ (при готовой квартирѣ и 75 фр. жалованья въ мѣсяцъ), хорошо обезпечены; есть совмѣстныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ. Бедуины мало знаютъ французскій языкъ; впрочемъ, всѣ ихъ представители непремѣнно должны знать этотъ (государственный) языкъ.

XII.

Въ Сахару!

Сильно оживилъ насъ и расшевелилъ интересъ новизны; но Алжиръ былъ осмотрѣнъ уже въ подробностяхъ: пора была отправляться и въ дальнѣйшій путь!

Наканунѣ отъѣзда одинъ изъ „директоровъ“ (такъ называли мы нашихъ горе-руководителей!) нашего общества за завтракомъ обратился къ намъ съ слѣдующей рѣчью: „Господа! Кто изъ васъ составилъ привычку ѣсть — запаситесь сегодня на день или на два необходимыми съѣстными припасами: завтра мы выѣзжаемъ въ Бискру, будемъ ѣхать двое сутокъ и едва ли гдѣ будемъ въ состояніи подкрѣпить какъ слѣдуетъ свои силы.“ Позднѣйшія обстоятельства блестяще опровергли эти опасенія „директора“ и блестяще же подтвердили уже ранѣе зародившееся у насъ подозрѣніе въ томъ, что наши директора-распорядители взялись не за свое дѣло и не знаютъ страны, куда собираются насъ везти. Но теперь дѣлать было нечего, и мы постарались запастись сыромъ, хлѣбомъ, виноградомъ. Я не устоялъ противъ рекламы шоколадной фабрики Миньо и купилъ плитку шоколада этой фирмы, вѣсомъ около фунта.

Итакъ, мы завтра ѣдемъ въ Сахару — въ страну, надъ которой воображеніе работаетъ съ дѣтства и создало уже такъ много картинъ и представленій! Крайній пунктъ, котораго мы достигнемъ по желѣзной дорогѣ, проведенной французами по сѣверной Сахарѣ всего только два года назадъ, — оазъ „Бискра", съ городомъ Бискрой, прозваннымъ всей Сахарой и Алжиріей „Парижемъ Сахары". Оазъ Бискра находится отъ сѣвернаго берега Африки на разстояніи болѣе 500 верстъ.

Изъ Алжира выѣхали мы въ 7 час. утра и цѣлый день ѣхали по направленію къ югу-востоку, спускаясь съ Атласа въ равнину и нѣсколько разъ проѣзжая чрезъ тоннели. Поѣздъ — правда медленно — все время идетъ у подошвы высокихъ горъ. Температура стала трудно переносимой около 11 ч. дня и была таковой до 3-хъ, и не потому, чтобы она была высока (34° по Р.), но мучилъ сухой, раскаленный воздухъ, стоявшій точно неподвижная стѣна; вѣтеръ только усиливалъ его жаръ. Вдоль пути у станцій видны ряды деревьевъ безъ коры; это — евкалипты. Зеленѣютъ у воды деревья и виноградники; сочныя гроздья винограда, какъ яхонты, горятъ на солнцѣ, да и жажду свою мы утоляемъ мѣстнымъ бѣлымъ пахучимъ мускатнымъ виноградомъ. Чѣмъ дальше, природа становится диче и обездоленнѣе. Земля потрескалась отъ жары и покрылась колючками; въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ дождь не выпадалъ здѣсь ни разу. Желтые кактусы, ростомъ съ среднее дерево, служащіе оградой для садовъ и дающіе мучнистые, приторно сладкіе продолговатые, въ видѣ трубочки, колючіе плоды, широко раскинули въ воздухѣ свои лапчатые листья. Вокругъ насъ и на горизонтѣ — значительныя возвышенности. То тутъ, то тамъ покажется „корабль пустыни" — верблюдъ, и за

нимъ или на немъ арабъ-бедуинъ, поющій заунывную пѣсню своей родины-пустыни. На коричневой сожженной

№ 12. Оазъ Сетифъ.

солнцемъ землѣ разбросались вдали у голыхъ скалъ широкія палатки (duar) кабилловъ: точно гигантскіе пауки заткали тамъ свою паутину (см. рис. № 20).

Вотъ на прекрасныхъ коняхъ по великолѣпной шоссейной дорогѣ, чрезъ каменный мостъ, переброшенный чрезъ рѣку безъ воды, удивительно быстро проскакали ловкіе наѣздники въ мундирахъ и бѣлыхъ пробковыхъ, защищающихъ отъ солнца, шлемахъ; это — жандармы. Становится все жарче и жарче, и все чаще и чаще мучитъ жажда; все чаще и чаще заглядываешь въ картузъ съ виноградомъ и пощипываешь ягодку за ягодкой; все чаще и чаще снимается съ ручки вагона кожаный мѣшокъ съ водою, повѣшенный тамъ для охлажденія воды (вода охлаждается вслѣдствіе быстраго движенія воздуха при ходѣ поѣзда), или бутылка въ полотняномъ мѣшкѣ, и жадными устами припадаешь къ горлышку, изъ коего льется въ ротъ невкусная и теплая вода. Мѣстность, пыльная и печальная, иногда разнообразится видомъ какого-нибудь очень зеленаго лѣска, состоящаго или изъ очень высокихъ пальмовыхъ, или олеандровыхъ и вообще тропическихъ деревьевъ, или изъ хвойныхъ съ очень длинными иглами; эти мѣста — маленькіе оазы. Среди скалъ изрѣдка покажется одинокая пальма; какъ она попала туда — Богъ вѣсть!

На рѣдкихъ станціяхъ публика бросается изъ вагоновъ въ буфеты, гдѣ за недорогую цѣну находитъ все необходимое: кушанье, лимонадъ, воду со льдомъ и фрукты. Многіе бѣгутъ къ колодцамъ съ бутылками и другими посудинами съ цѣлью запастись водой. Нерѣдко приходится отъ этихъ колодцевъ уходить ни съ чѣмъ: вода высохла въ нихъ . . .

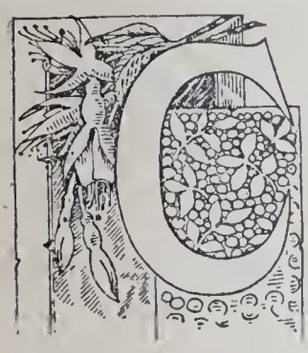
Въ вагонахъ, спокойно или степенно любопытствуя, сидятъ съ нами рядомъ пожилые арабы, иногда богатые и ученые. Мы ведемъ межъ собой и съ ними бесѣды. Просто завидно смотрѣть на этихъ крѣпкихъ стариковъ-арабовъ, сохранившихъ еще всѣ зубы и полныхъ

энергіи, не разваливающихся, какъ мы, европейцы, и въ шестьдесятъ лѣтъ! Вглядываясь ближе въ этотъ удивительный народъ, нахожу между отдѣльными особями большое сходство въ выраженіи и статурѣ. Арабы красивы и стройны, и не они, а мы, съ толстыми подбородками, жирными носами и огромными животами, дикари! Ей-ей!...

Чтобы освѣжить голову, многіе изъ насъ положили на голову мокрые платки. Жара сильно донимаетъ. Поѣздъ идетъ не быстро: за 12 часовъ мы сдѣлали всего 350 километровъ (около 330 верстъ). Солнце стоитъ уже низко; мы достаточно истомились, проголодались и устали — и очень рады, что остаемся ночевать на ближайшей станціи „Сетифъ"; впрочемъ, въ этомъ случаѣ преслѣдуется и другая цѣль: мы останавливаемся не только за тѣмъ, чтобы подкрѣпиться, но чтобы и ничего не пропустить изъ дальнѣйшаго пути. Солнце заходитъ въ замѣчательномъ освѣщеніи — въ серебряномъ сіяніи. Сумерки наступаютъ быстро, но мы уже въ „Сетифѣ" — первомъ большомъ оазисѣ Сахары (см. рис. № 12).

XIII.

Въ пустынѣ.



Сетифъ—городъ-крѣпость, при которой расположено селеніе мирныхъ арабовъ-кабилловъ; европейцы живутъ въ крѣпости, построенной для защиты отъ дикихъ арабовъ-кабилловъ и окруженной каменной стѣной. Предъ крѣпостью нѣчто въ родѣ бульварчика изъ чахлыхъ акацій. Освѣщеніе улицъ и домовъ въ оазѣ, въ крѣпости и селеніи, *электрическое!!* Ужинаемъ мы въ большомъ и прекрасномъ отелѣ „France", какъ въ Парижѣ; обѣдъ изъ семи блюдъ; лакеи въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ; почти всѣ кушанья, по французской манерѣ, съ чеснокомъ.

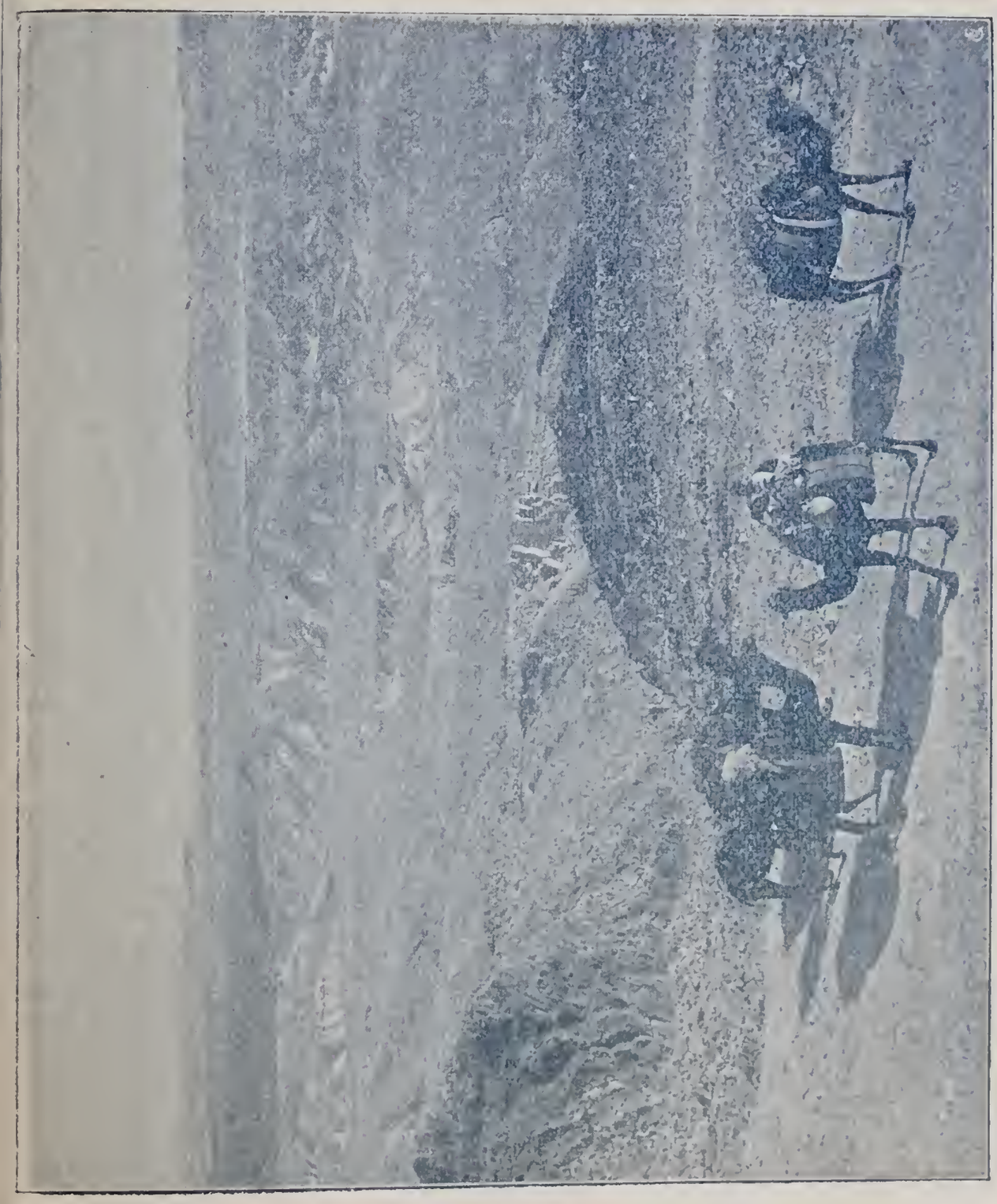
Здѣсь впервые мы ѣли африканскихъ кроликовъ. Грѣшный человѣкъ! — я подумалъ, что намъ подали блюдо какой-нибудь дичи (напр., дрохвы) и положилъ себѣ два куска. Сильно проголодавшись за день, я принялся съ большимъ аппетитомъ за свою порцію. Она показалась мнѣ не особенно вкусной, но оригинальной, и я пріѣлъ ее всю. Изъ сосѣдей мало кто ѣлъ это блюдо, что меня немало удивляло. Позднѣе объяснилось, что это были кролики, питающіеся горькими травами пустыни. Цѣлыхъ два дня прогорклый вкусъ кроликовъ

оставался у меня во рту, и все отдавало пустыней . . . . Рядомъ съ отелемъ — кафе, въ которомъ распѣваютъ шансонетки и играютъ на бутылкахъ красивыя европейскія дѣвицы (француженки и даже нѣмки) и т. п.! Публика въ кафе — главнымъ образомъ европейцы; также солдаты изъ туземцевъ, но аборигеновъ было мало; послѣдніе въ большомъ количествѣ собрались въ своей арабской кофейнѣ.

Вотъ тебѣ и оазъ! Онъ совсѣмъ не похожъ на то, что рисовало воображеніе. Гдѣ же караванъ-сараи, въ коихъ отдыхаетъ усталый караванъ? Гдѣ ручьи, текущіе межъ пальмъ? Гдѣ дикое величіе тропическаго лѣса? Гдѣ все это? . . . Вмѣсто того — хорошій французско-арабскій городокъ съ 8,000 жителей, двухъ- и трехъэтажными домами, съ церковью и мечетью, съ магазинами, мастерскими, отелями для туристовъ, съ страшно визжащей военной музыкой тюркусовъ — для аборигеновъ; съ кафе для тѣхъ и другихъ, съ гарнизонами солдатъ-европейцевъ, зуавовъ, тюркосовъ и спаговъ, со школами, госпиталями и т. д., и т. д,; въ городѣ хорошая мостовая. Вокругъ города, какъ сказано выше, — арабскія поселенія, кои тоже освѣщаются электричествомъ! Кабиллы всего четыре года назадъ дѣлали нападенія на „Сетифъ". Посему для предосторожности городскія ворота и теперь еще на ночь плотно запираются.

Скоро заснуть при жарѣ, стоящей въ комнатѣ, нѣтъ возможности; зато можно изъ окна номера любоваться городомъ, освѣщеннымъ луною, а также звѣздами, здѣсь блестящими на голубомъ-голубомъ небѣ такъ, какъ онѣ никогда не блестятъ у насъ, на сѣверѣ. Только здѣсь вполнѣ поймешь, почему житель Аравійской пустыни за боговъ считалъ звѣзды и почему онъ такъ охотно и нынѣ предается разсматриванію ихъ: онъ ими любуется; онѣ вдохновляютъ его, и онъ, съ поразительной

легкостью, слагаетъ въ честь ихъ свой стихъ, тотчасъ же имъ и забываемый.



№ 13. **Пустыня Сахара.**

На церковной колокольнѣ часы пробили двѣнадцать. Понемногу усталые глаза слипаются, и мы засыпаемъ тяжелымъ сномъ. Въ четвертомъ часу, въ полу-

тьмѣ, уже нужно вставать. Вставать не хочется, но нужно. Въ залѣ гостиницы насъ ждетъ уже горячій кофе.

№ 14. El Cantara — „Ротъ Сахары".

Напившись, выходимъ на воздухъ. Прохладно до того, что мы ежимся отъ холода и, конечно, отъ нервности. На улицахъ пусто. Свѣтлѣетъ. Открываются городскія

ворота. Въ пять часовъ утра мы снова въ вагонѣ. До Бискры будемъ ѣхать цѣлый день, до семи часовъ вечера.

№ 15. **Улица въ Бискрѣ.**

Французы очень экономны, что видно и на мѣстной желѣзной дорогѣ. По ней они пускаютъ ежедневно два товаро-пассажирскихъ поѣзда, въ составѣ одного ва-

гона перваго и второго классовъ, одного — третьяго класса и остальныхъ товарныхъ. Поэтому нечего мечтать расположиться здѣсь въ вагонѣ, какъ у насъ гдѣ-нибудь на благодатной Руси или даже за границей: каждое мѣсто занято, ибо арабы и бедуины, конечно,

№ 16. **Городская управа въ Бискрѣ.**

скоро поняли выгоды быстраго, дешеваго и удобнаго желѣзнодорожнаго сообщенія и теперь постоянно и все усиленнѣй переѣзжаютъ здѣсь по желѣзной дорогѣ отъ оазиса къ оазису, оставляя понемногу и „кораблей пустыни“ и арабскихъ аргамаковъ. Вещей въ вагонъ съ собой тоже не приходится много брать: нужно все сдавать въ багажъ, или, если вы предполагаете возвратиться

на станцію отправленія, — въ особыя конторы для багажа, имѣющіяся на всякой станціи здѣсь и во всей Западной Европѣ. Мнѣ очень понравились эти конторы: за ничтожную плату 2—3 коп. въ сутки вы сдаете — обыкновенно по вѣсу — на храненіе отвѣтственному учрежденію свои вещи и такимъ образомъ освобождаетесь отъ обузы и, если думаете пробыть въ какомъ-нибудь городѣ 3—4—6 часовъ, не должны брать спеціально для этого номеръ въ гостиницѣ. Давно пора бы завести на нашихъ дорогахъ такой порядокъ!

Около полудня мы доѣхали до станціи „El-Guerrah", гдѣ славно позавтракали въ буфетѣ, содержательницей котораго оказалась нѣмка. Не нуждаясь въ вещахъ и на обратномъ пути изъ оаза Бискры будучи вынуждены возвратиться на эту узловую станцію Алжиро-Тунисской жел. дороги, мы оставили на этой станціи свои вещи и, пересѣвъ во вновь поданный поѣздъ, во второмъ часу дня отправились далѣе.

Довольно интересно и удобно путешествовать по Африкѣ и недорого (суточные расходы не превышаютъ 12 руб., рубля на два дороже, чѣмъ въ Европѣ), но и не безопасно, вмѣстѣ съ тѣмъ. Не отъ кабилловъ, конечно, хотя — чѣмъ чортъ не шутитъ.... Въ вагонѣ пришлось разговориться съ новымъ спутникомъ, африканцемъ-французомъ, человѣкомъ бывалымъ, и онъ разсказалъ намъ про оазъ Бискру весьма неутѣшительныя вещи. Бискра, по его словамъ, — родина скорпіоновъ (ядовитыхъ пауковъ, по виду и росту похожихъ на морскихъ рачковъ) и рогатыхъ змѣй. Скорпіоны бываютъ черные и желтые; укушеніе первыхъ смертельно. А съ рогатыми змѣйками — длинными желтоватыми червями съ двумя рожками на головѣ мы познакомились еще въ Вѣнѣ, въ знаменитомъ Vivarium'ѣ Гагенбека,

гдѣ эти гады находились хотя и на виду у публики, но за двойными стеклянными загражденіями.

Пустыня принимаетъ унылый, безжизненный видъ: ея желтоватая глинистая поверхность, лишенная всякой растительности и видимая на огромное пространство, то и дѣло разнообразится безжизненными гранитными холмами небольшой высоты (см.рис. № 13). Кой-гдѣ проглянетъ соленое озеро. Птицъ не видно; развѣ рѣдко покажется ласточка или степной ястребъ; только на озерахъ много птицъ (между прочимъ — розовый фламинго и утки). На одной станціи, находящейся недалеко отъ „El-Guerrah“ у соленаго озера Tinsilt, на берегу котораго сложена для отправки на сѣверъ въ огромныхъ массахъ соль, и замѣтно обитаемой, мнѣ пришлось видѣть такое количество аистовъ, какъ никогда въ жизни. Всѣ крыши этого значительнаго селенія были усѣяны огромными гнѣздами аистовъ, которыхъ здѣсь были сотни; иногда на одной крышѣ были по два, по три гнѣзда! . . . Рѣдко по пустынѣ пройдетъ караванъ. То тутъ, то тамъ покажутся обитаемыя и необитаемыя развалины арабскихъ деревень. На высотахъ горизонта устроенъ правительственный военный телеграфъ. Въ общемъ, безотрадная холмистая поверхность Сахары напоминаетъ полосу прибрежныхъ дюнъ; только, вмѣсто песка, здѣсь скалы. Кой-гдѣ виднѣется сожженная солнцемъ трава; изъ боязни пожара въ пустынѣ, который могъ бы угрожать и дорогѣ, окурки папиросъ запрещено выбрасывать за окно, и значеніе этого запрещенія всѣми, очевидно, сознается, ибо послѣднее строго исполняется.

Часъ отъ часу становится душнѣе; жара доходитъ до 40° по Р.; утомляетъ, однако, *постоянство* жары. Голова болитъ.

По дорогѣ мы миновали большой оазъ Батну, расположенный въ пальмовомъ лѣсу, тянущемся на 12—15

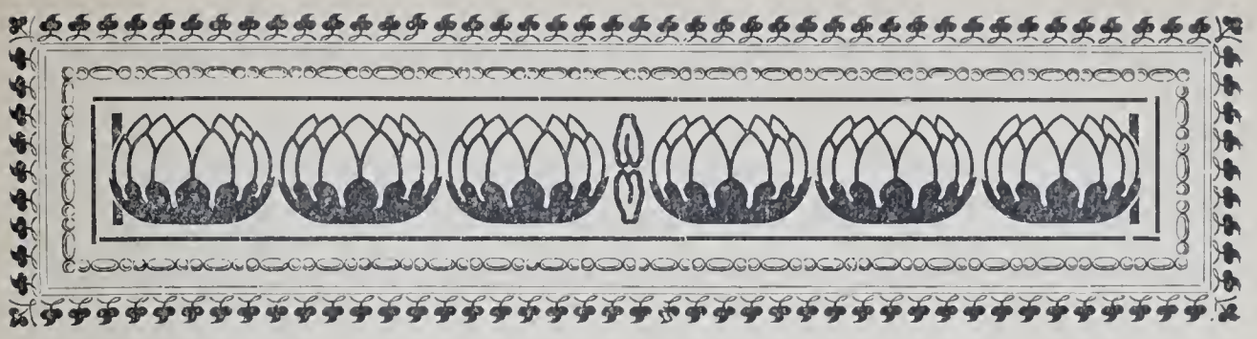
верстъ. Въ восьми верстахъ отъ этого оаза находятся величественныя развалины древняго римскаго города. Очень хорошо сохранились: тріумфальная арка, театръ, часть стѣны, колонны, остатки дворцовъ, основанія храмовъ. Слѣды римскаго владычества есть и недалеко на

№ 17. **Красавица = арабка.**

востокъ отъ оаза Бискры; это развалины Thamugas; сохранились развалины прекрасно; даже мостовыя плиты почти всѣ цѣлы (см. рис. № 18). Разсматривая останки владычества этого могучаго народа, невольно воскликнешь: „О, далеко залеталъ ты, римскій орелъ!“ А Бискра, вѣдь, отъ берега Средиземнаго, или, какъ его называли

гордые римляне, *нашего*, моря находится на разстояніи не менѣе 500 верстъ! Нерѣдко, впрочемъ, пустыню пересѣкали и большія возвышенности. Особенно послѣднія величественны у станціи „El-Cantara“ (см. рис. № 14), по мѣстному „Fum es Sahara“ (ротъ Сахары). Поѣздъ идетъ ущельемъ, гдѣ протекаетъ рѣка, довольно водная и глубокая; склоны ущелья покрыты растительностью, въ особенности красивыми пальмами, съ ихъ голымъ стволомъ и широколиственной главой. Здѣсь — небольшой оазъ, и у воды всегда видны дѣти пустыни, то молящіяся, то купающіяся. Въ воды бассейна, образуемаго рѣкою у выхода изъ ущелья, глядятся и скалы, и пальмы.

Послѣ станціи „El-Cantara“ рѣзко и сразу мѣняется картина природы: поѣздъ выходитъ въ широкую песчаную равнину, покрытую сорными травами и колючками и еще болѣе дикую и унылую, печальную; горы отходятъ въ стороны, и горизонтъ кажется безконечно далекимъ; солнце на безконечно-глубокомъ безоблачномъ голубомъ небѣ стоитъ какъ огненный шаръ; воздухъ становится удушливымъ; свѣтъ отъ горъ — очень ослѣпителенъ; температура значительно и сразу повышается. Раскаленный воздухъ точно заполнилъ все пространство отъ земли до неба. Но — къ счастью — ѣхать по пустынѣ приходится недолго — часа четыре; какъ они, эти недолгіе часы, томительны!



XIV.

Оазъ Бискра.

Къ „Бискрѣ“, конечной станціи желѣзнодорожной линіи въ Сахарѣ, мы подъѣхали почти въ сумеркахъ. При выходѣ изъ вагона на станціонной платформѣ насъ окружила масса черныхъ и темно-коричневыхъ носильщиковъ (негровъ и арабовъ) и чуть не насильно вырывали у насъ вещи изъ рукъ. У станціоннаго подъѣзда ждали хорошіе экипажи изъ отелей: на козлахъ возсѣдали черные кучера съ кнутами на предлинныхъ кнутовищахъ, которыми они по временамъ разгоняли надоѣдливую мѣстную толпу. Одни изъ нашихъ спутниковъ отправились на извозчикахъ, а другіе, измучившись отъ сидѣнія въ вагонѣ почти въ теченіе цѣлаго дня, рады были размять свои косточки и отправились пѣшкомъ чрезъ аллею изъ акацій и городской садъ изъ евкалиптовъ и пальмъ, по которому протекали арыки мутной, глинистой воды, въ отель de l' Oasis, куда и прибыли чрезъ четверть часа, но уже въ полной темнотѣ. Въ отелѣ немало были удивлены прибытіемъ такой массы туристовъ въ столь неожиданное, неудобное для путешествій по Сахарѣ, время и, конечно, были рады неожиданному же заработку. Мы размѣстились въ

удобныхъ номерахъ во второмъ этажѣ: бояться скорпіоновъ было нечего — они не ходятъ во второй этажъ! Недаромъ живущіе здѣсь европейцы стараются устроиться въ верхнихъ этажахъ зданій.

Итакъ мы въ „Бискрѣ", этомъ „Парижѣ Сахары", какъ прозвали этотъ городъ Алжирія и вся пустыня.

Умывшись теплой, хотя только что добытой изъ колодца водой, мы спустились въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ сытный ужинъ съ винами и фруктами. Ужинъ прошелъ весело, такъ что послѣ ужина я и мой товарищъ потребовали еще бутылку шампанскаго, и намъ принесли ее вмѣстѣ со льдомъ, привозимымъ сюда прямо изъ Норвегіи! Жара стояла адская и ночью — болѣе 40°. Ледъ таялъ въ шампанскомъ такъ быстро, какъ на горячей сковородѣ таетъ застывшее масло. Сколько лимонаду, искусственнаго и au naturel, и сколько льду было истреблено нами, трудно сказать! При отъѣздѣ намъ заявили, что мы съѣли всѣ лимоны въ оазисѣ и истребили нѣсколько мѣшковъ льда, который здѣсь пилятъ ровными плитками и продаютъ по вѣсу!

Бискра, или Бискара, — городъ на южномъ склонѣ Орскихъ горъ; онъ лежитъ на 125 метровъ ниже уровня моря; городъ Бискра находится въ населенномъ арабскимъ племенемъ „Бискрисъ" оазисѣ, хорошо орошенномъ рѣкою Вади-Бискра, въ 220 километрахъ къ югу отъ Константины. Бискра представляетъ собою важнѣйшій французскій военный постъ въ Сахарѣ. Бискра самое жаркое мѣсто сѣверной, или — какъ ее здѣсь называютъ — алжирской, Сахары. Лѣтомъ температура достигаетъ сорока градусовъ по Реомюру, и даже выше, а зимою понижается часто до 0°. Лѣтомъ солнце въ полдень стоитъ здѣсь почти отвѣсно надъ головой. Оазисъ богатъ теплыми минеральными источниками и имѣетъ роскошную растительность и прекрасные тѣни-

стые сады (см. рис. № 15, на которомъ изображена улица въ Бискрѣ, съ текущей по ней рѣкой и великолѣпнымъ садомъ финиковыхъ пальмъ за заборомъ; представленіе о характерѣ мѣстныхъ арабскихъ построекъ даютъ строенія, расположенныя на противоположной саду сторонѣ улицы).

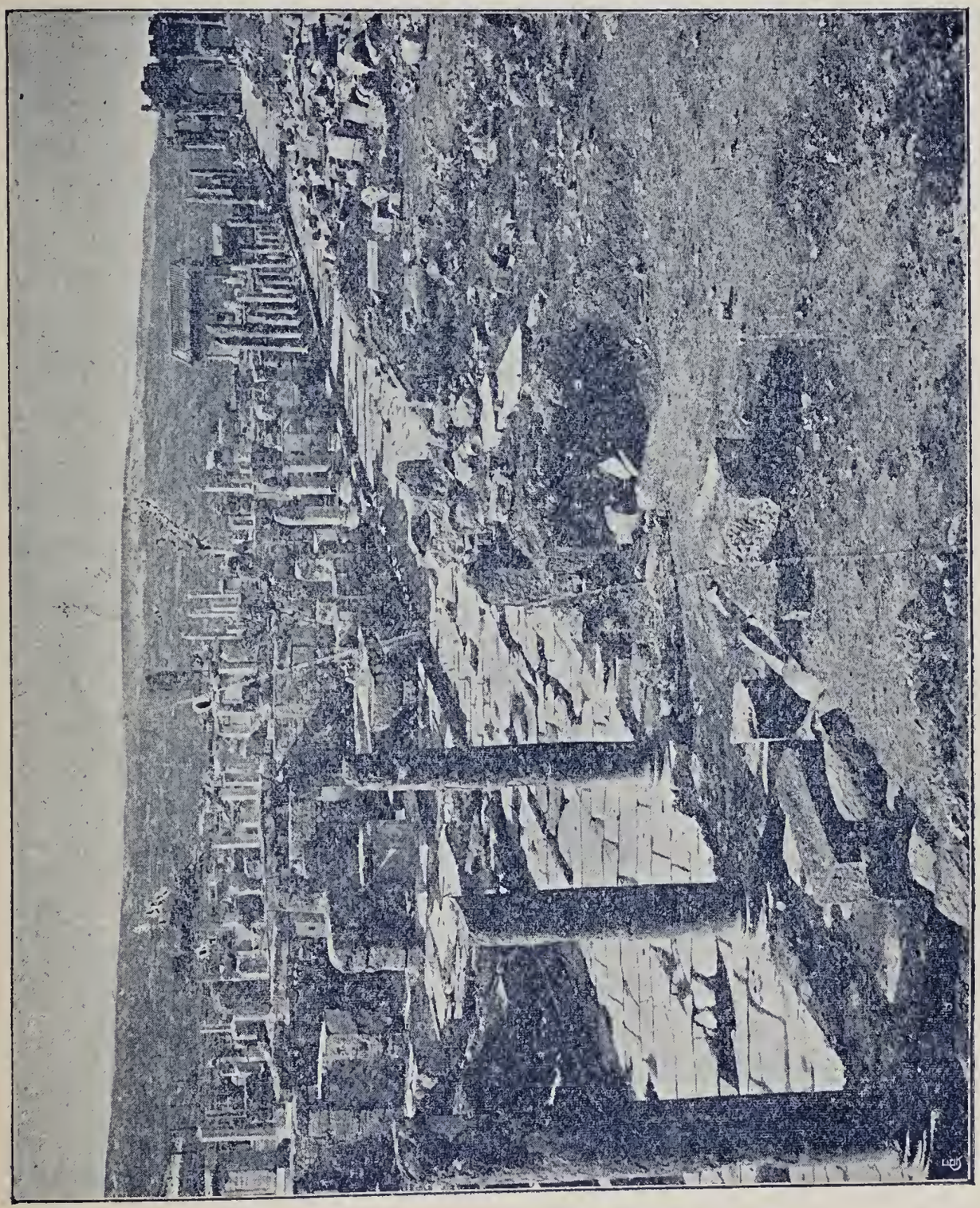
Зимою мѣстность орошается рѣкою Вади-Бискра, а лѣтомъ послѣдняя даже и не видна, и оазисъ орошается источниками. Городъ состоитъ изъ французской новой Бискры съ прелестными садами и площадями и арабской — старой Бискры, представляющей семь грубо построенныхъ изъ желтоватаго кирпича и окруженныхъ стѣнами берберскихъ деревень (кюръ). Новая Бискра защищена возведеннымъ въ 1849 г. фортомъ Санъ-Жерменомъ, имѣющимъ большія цистерны (запасы прѣсной воды). Здѣсь сосредоточены большія войска; ученье солдатъ необходимымъ военнымъ пріемамъ и строю — вслѣдствіе жары — происходитъ отъ 5 до 7 часовъ утра. Число жителей французской Бискры достигаетъ 7,000. Старая Бискра насчитываетъ шесть-семь тысячъ жителей арабскихъ берберъ, которые преимущественно занимаются уходомъ за финиковою пальмою. Бискра — важная караванная станція и ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ, финиками, консервами, виномъ и ликерами. Въ то же время Бискра служитъ зимнимъ курортомъ для ежегодно возрастающей массы посѣтителей, даже для парижанъ, такъ какъ въ пятистахъ метрахъ къ сѣверо-западу отъ нея находятся теплые цѣлебные ключи Гаммамъ-Салгинъ. Наибольшій доходъ даетъ плодоводство, особенно культура финиковъ, которая чрезвычайно развита. Въ Бени-Морра, недалеко отъ города, правительство устроило акклиматизаціонный садъ финиковой пальмы.

Область Бискра была уже извѣстна въ эпоху Рима и носила названіе „Цаба“ или „Ad Piscinam.“ Въ христіанскую эпоху Бискра была резиденціей епископа; позже, при маврахъ, Бискра стала очень значительнымъ торговымъ городомъ. Въ 1844 г. Бискрою овладѣли французы, которые теперь отсюда господствуютъ надъ значительною частью смежной Сахары. Какъ римляне въ древности, такъ французы въ настоящее время хранятъ въ крѣпости, въ цистернахъ, огромное количество прѣсной воды — на всякій случай!

Температура въ Бискрѣ, конечно, почти та-же, что и въ пустынѣ, и ночная мало отличается отъ дневной. Чтобы заснуть, я смочилъ свою простыню водой, улегся въ постель и тогда только забылся сномъ. Ночью я проснулся весь въ поту, точно только что вышелъ изъ ванны. Въ номерѣ было душно; но я не рѣшился отворить дверь, чтобы не вползла какая-нибудь ядовитая тварь. Но какая игра судьбы! Слѣдующую ночь мы спали уже на открытомъ балконѣ, позабывъ о скорпіонахъ и змѣяхъ и вполнѣ наслаждаясь заслуженнымъ мирнымъ сномъ свершившихъ свое дѣло путниковъ. На наше счастье послѣ трехъ мѣсяцевъ засухи выпалъ во время нашего здѣсь пребыванія небольшой дождь. Нужно было видѣть живую радость, появившуюся при этомъ на лицахъ мѣстныхъ обывателей! Но замѣтнѣе радости видна была зависть: потоками дождь разразился въ сосѣднемъ оазѣ — Батнѣ!

Бискра, какъ сказано выше, — хорошая климатическая станція: съ октября по май здѣсь температура + 15° по Р.; все въ зелени и цвѣту. Тогда сюда съѣзжаются, кромѣ французовъ, англичане и другіе иностранцы: бываютъ каждый годъ и русскіе, между прочимъ, и рижане. Съ большимъ ознакомленіемъ станетъ сюда наѣзжать и болѣе больныхъ и туристовъ, которые

найдутъ необходимый комфортъ въ мѣстныхъ шикарныхъ отеляхъ, увеселенія — въ мѣстномъ театрѣ и даже газе-



№ 18. Развалины римскаго города у Thamugas.

ту „Progrès de Biscra“ (въ оазѣ Батна — „L' Echo de Sahara“). На зиму пріѣзжаютъ сюда и владѣльцы виллъ, окруженныхъ роскошными тропическими садами,

въ коихъ стоитъ теперь такая прохлада! Особенно прекрасенъ паркъ изъ пальмовыхъ, перцовыхъ и бамбуковыхъ деревьевъ и банановъ парижскаго дѣльца и богача графа Ландона, куда мы отправились въ шестомъ часу утра, предварительно напившись чернаго *холоднаго* кофе. Въ паркѣ — правильная ирригація. Здѣсь въ тѣни вѣковыхъ пальмъ построенъ и дворецъ графа, а въ глубинѣ парка — особые павильоны въ арабскомъ стилѣ. Счастливый сибаритъ отдыхаетъ здѣсь зимою мѣсяца два отъ треволненій жизни въ современномъ Вавилонѣ. Въ паркѣ такъ прохладно, такъ пріятно! Тишина стоитъ здѣсь нѣмая. Босые рабочіе-арабы двигаются безшумно и, по видимому, находятся въ строжайшей дисциплинѣ. Только послѣ долгихъ просьбъ мнѣ удалось одного изъ нихъ упросить срѣзать уже созрѣвшій бананъ. Изъ разговора видно, что рабочимъ богача живется хорошо; только вотъ донимаютъ скорпіоны! И нужно много осмотрительности босому рабочему, чтобы не сдѣлаться жертвою ядовитаго творенія. За недѣлю до нашего прибытія черный скорпіонъ заползъ въ неряшливую хижину сына пустыни и укусилъ бѣднягу-араба. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣдній въ страшныхъ мученіяхъ отдалъ Аллаху свою душу! Возвращаясь изъ роскошнаго парка г. Ландона, мы увидѣли переползавшаго чрезъ большую дорогу желтаго скорпіона. Бывшій съ нами аптекарь ловко подхватилъ его пальцами, точно клещами, и торжественно водворилъ его въ банку со спиртомъ, имѣвшуюся у спутника нашего, по профессіи учителя музыки, но по призванію горячаго натуралиста. Недолго тамъ воевалъ скорпіонъ!

Оазъ Бискра расположенъ на 34° 50″ сѣв. широты. По цѣлымъ мѣсяцамъ, какъ, напр., теперь, жара стоитъ выше 46° по Реом. Поэтому лѣтомъ здѣсь потребляется огромное количество лимонаду, мороженаго, сладкихъ

сироповъ и т. п. Здѣсь есть цѣлый рядъ огромныхъ лавокъ, расположенныхъ въ каменныхъ зданіяхъ съ толстыми стѣнами (чтобы теплота солнца не могла проникать внутрь помѣщенія, въ которомъ поэтому царитъ вѣчная прохлада), гдѣ продаются прохладительные

№ 19. **Бедуинка Туниса.**

напитки и мороженое и гдѣ всегда есть посѣтители, ищущіе спасенія отъ жары. Европейцы вообще стараются строить для себя каменные дома, въ коихъ и безопаснѣе, и покойнѣе, и прохладнѣе. Въ арабской Бискрѣ очень оживленъ базаръ, гдѣ то же кофепитіе, что и вездѣ въ арабскихъ городахъ, торговля коврами, оружіемъ, фруктами.

Дома въ этой части — изъ битой глины, бѣленые; въ прилежащихъ же деревняхъ желтоватые и небѣленые. Въ арабскихъ деревняхъ улицы (напр., Sidi — Okba) такія кривыя, что проѣхать можно только верхомъ. Бѣдность здѣсь царитъ большая, но счастье и здѣсь — гость нерѣдкій (см. рис. № 25)! Среди арабскихъ деревень оазиса видны развалины примитивныхъ глиняныхъ укрѣпленій. Около города Бискры есть негрская деревня, еще болѣе бѣдная и захудалая, чѣмъ арабскія. Насъ особенно занимали здѣсь маленькія дѣти: темнобронзовыя, съ большими любопытствующими глазами, съ большимъ покатымъ лбомъ и курчавыми, мягкими, какъ пухъ, волосенками, они были очень милы, хотя и очень грязны и почти безъ признаковъ одежды, — только въ разорванныхъ рубашенкахъ.

Продолжая свою утреннюю прогулку, мы зашли осмотрѣть роскошный „Casino", въ которомъ все есть для богатаго и требовательнаго комфорта, начиная съ театра (французская оперетка; „Casino" открытъ только зимой) и бильярдной и кончая обширной библіотекой. „Casino" построенъ въ великолѣпномъ мавританскомъ стилѣ; въ настоящее время вокругъ него разбиваютъ паркъ. Около „Casino" проходитъ конка, которая изъ внутренняго города идетъ по улицѣ „Tobggort" за три—четыре версты въ глубь арабскихъ деревень. Въ такомъ же прекрасномъ мавританскомъ стилѣ, какъ „Casino", построено и бѣлое большое зданіе мѣстной городской управы (l' hôtel de Ville; см. рис. № 16). Въ Бискрѣ мостовыя хорошо вымощены булыжникомъ, а освѣщеніе газовое!

Конечно, въ Бискрѣ есть школы (типа городскихъ; французскія и французско-арабскія), почта, телеграфъ, полиція и др. учрежденія культурнаго центра. Здѣсь есть и филантропическія учрежденія; напр., госпиталь,

гдѣ сестры милосердія — католички-монахини общины „Notre Dame d'Africa“ облегчаютъ страданія многочисленнымъ больнымъ глазами, лихорадкой и др. болѣзнями. Узнавъ, что большинство изъ нашей компаніи — нѣмцы, директриса призвала четырехъ сестеръ-нѣмокъ съ береговъ Рейна. Услыша родную рѣчь сразу отъ столькихъ лицъ, сестры обрадовались и угостили насъ добрымъ

№ 20. **Кабиллы.**

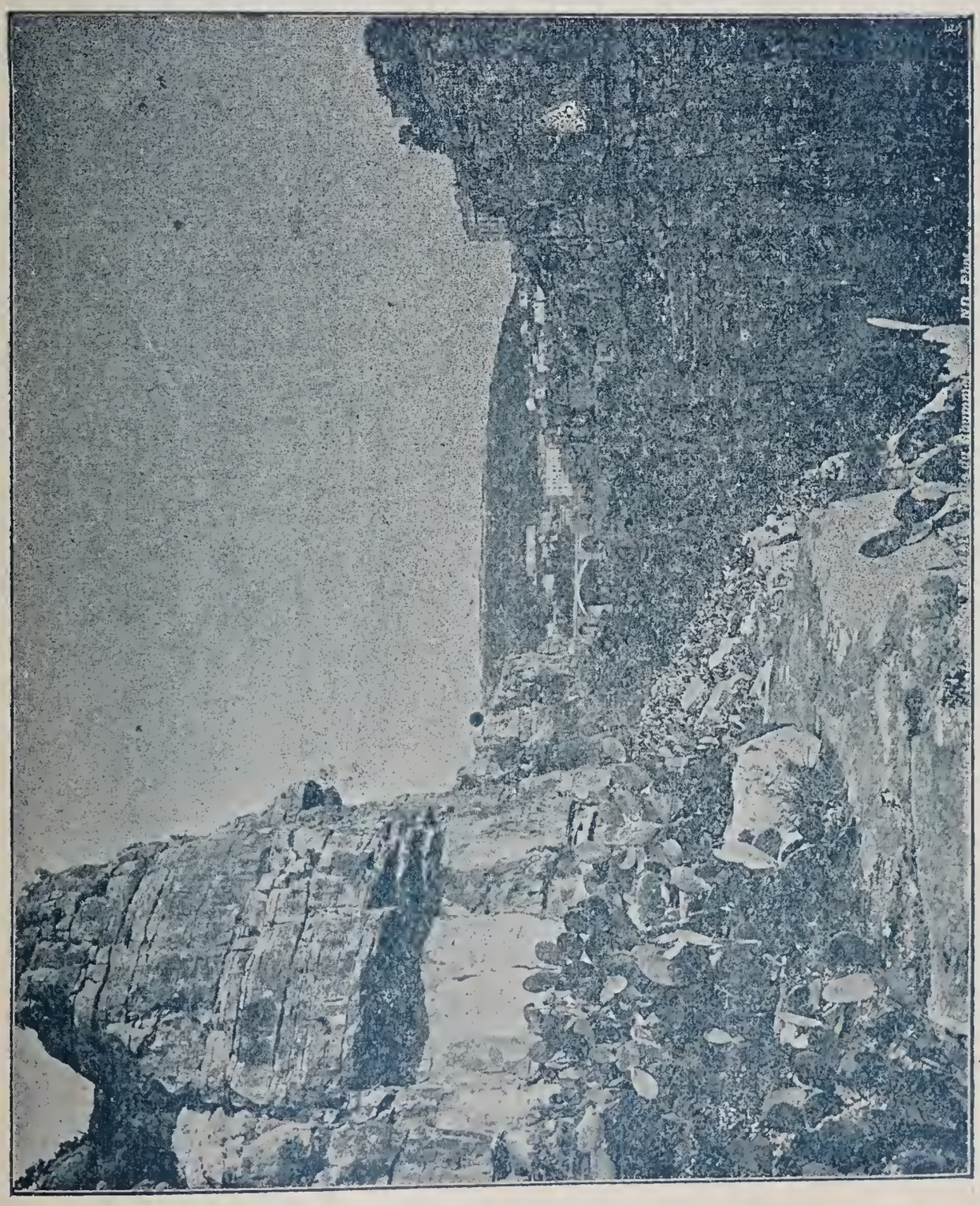
рейнскимъ виномъ, которое не замедлило привести насъ въ самое благодушное настроеніе. Отрадно было видѣть, съ какимъ довѣріемъ мѣстные жители-дикари отдаютъ себя заботамъ добрыхъ сестеръ! И здѣсь христіанская заповѣдь о любви находитъ себѣ широкое примѣненіе! А страшна здѣсь лихорадка: температура поднимается у больныхъ до 42°, и здѣсь еще не умираютъ!...

Ужинаемъ мы въ девятомъ часу на воздухѣ, размѣстившись за столами, поставленными прямо посреди

улицы, по которой ѣзды вечеромъ нѣтъ никакой, а только отъ времени до времени проходитъ военный патруль. За столомъ прислуживаетъ намъ красавецъ Мустафа, въ полу-національномъ, въ полу-европейскомъ костюмѣ: на немъ красная турецкая чалма, съ длинной шелковой черной кистью, и арабскія брюки, но глаженая сорочка съ бѣлымъ галстукомъ и короткій бѣлый смокингъ; на ногахъ изящные лаковые башмаки. И это соединеніе европейскаго съ восточнымъ, при красотѣ и элегантности Мустафы, очень красиво и для глазъ пріятно. Помощникъ Мустафы, подростокъ лѣтъ 13, усердно предлагаетъ намъ кусочки льду, которые мы бросаемъ въ стаканы съ водой и виномъ. Кухня — обычно европейская. Но насъ здѣсь, въ Сахарѣ, угостили и вкусной морской рыбой, очень похожей на скумбрію и привезенной, конечно, съ береговъ Средиземнаго моря.

Чрезъ улицу предъ нашимъ отелемъ расположенъ большой тѣнистый и днемъ даже довольно прохладный пальмовый садъ. Во всѣхъ направленіяхъ по немъ протекаютъ по искусственнымъ канальчикамъ быстрые потоки мутной глинистой воды. Днемъ въ немъ довольно много посѣтителей; но вечеромъ тамъ нѣтъ никого: въ этомъ именно саду, подъ тѣнью пальмъ, и водятся рогатыя змѣи, которыя ночью и выползаютъ изъ своихъ гнѣздъ и располагаются у воды. По временамъ, когда бывало вечеромъ сидишь на улицѣ за столомъ, невольно вспоминались также и черные скорпіоны. Послѣ ужина всей гурьбой пошли мы осматривать мѣстныя достопримѣчательности по отдѣлу увеселеній. Таковыми оказались арабскія кофейни. Въ низенькой, но довольно обширной комнатѣ, освѣщенной сильной керосиновой лампой, стояло нѣсколько столиковъ и стульевъ; около стѣнъ были широкія лавки; почти половину комнаты занималъ широкій помостъ, устроенный на разстояніи одного аршина отъ земли. На по-

мостѣ, устланномъ хорошо сотканными цыновками, сидѣло, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько музыкантовъ (арабы



№ 21. Скалы Константины.

и одинъ негръ). Здѣсь были: скрипачъ, играющій недурно, хотя и однообразно, на скрипкѣ, поставивъ послѣднюю на колѣно и водя смычкомъ по струнамъ, какъ по струнамъ

віолончели; флейтистъ, ужасно визжащій на своей маленькой дудкѣ-флейтѣ, похожей на трубку, при помощи которой врачи выслушиваютъ легкія; барабанщикъ, литаврщикъ, тамбуристъ. Вскорѣ изъ сосѣднихъ домовъ появились и танцовщицы — нерѣдко милыя, но погибшія арабскія созданія. Прикрывая лица вѣеромъ, сплетеннымъ изъ пальмовыхъ листьевъ, вошли онѣ въ зальце. Одна изъ нихъ, „цвѣтокъ гаремный", была дѣйствительно красива (см. рис. № 17) и поражала величавостью своихъ движеній, чувственностью толстыхъ красивыхъ губъ и черной глубиной своихъ большихъ лукавыхъ глазъ. Вся ея фигура, манера говорить (по-французски, по-англійски) и держаться ясно показывали, что она — царица здѣшняго эдема. Ея эластичныя и упругія, почти дѣвственныя формы, коричневая, мягкая какъ бархатъ кожа, душистые волосы, много золотыхъ и серебряныхъ браслетовъ на рукахъ, колецъ на пальцахъ, цѣпей вокругъ лица и пояса невольно приковывали къ себѣ вниманіе. Въ рукѣ она держала самодѣльную папиросу-крученку; ногти на пальцахъ рукъ были окрашены въ коричневую краску. Ея товарки были погрубѣе; хотя тоже арабки, но бедуинки, похожія на танцовщицу тунисскаго бея (см. рис. № 26), только почернѣе да одѣты куда побѣднѣе; одна изъ гурій была черная негритянка, невзрачная и несимпатичная. Вскорѣ всѣ танцовщицы разсѣлись на цыновкахъ. Началась ужасная музыка. Одна за одной выходили танцовщицы, танцовали, на нашъ взглядъ, правда, неэстетично (только нижней половиной корпуса), но зато усердно, живо и выразительно. Между тѣмъ былъ поданъ намъ кофе, по обычаю, — безъ всякаго заказа, и недавнія „артистки", разсѣвшись между нами, сдѣлались нашими собесѣдницами, пили кофе, ликеры, курили папироски-крученки. Конечно, не въ танцахъ у этихъ гурій Магометова рая все дѣло . . . . .

но, по понятіямъ арабовъ, проституція не порочитъ, ибо она — только одинъ изъ родовъ добыванія куска хлѣба, и по возвращеніи въ родное селеніе всякая арабка—

№ 22. **Національная улица въ Константинѣ.**

вольная служительница Венеры, сколотившая небольшую сумму денегъ, легко находитъ себѣ жениха.

Слѣдуетъ замѣтить, что вездѣ въ оазахъ и городахъ Африки есть кафе-шантаны, весьма захудалые, но успѣшно дѣлающіе свое дѣло, т. е. развращающіе

населеніе. Еще по дорогѣ въ Бискру, въ вагонѣ, на предложеніе спѣть что-нибудь веселенькое, одинъ арабъ, передъ тѣмъ охотно пропѣвшій намъ рядъ родныхъ унылыхъ и жалобныхъ пѣсенъ пустыни, вдругъ по-нѣмецки запѣлъ безшабашный маршъ: „Du bist verrückt,

№ 23. **Танцовщица-арабка.**

mein Kind!“ Сильно удивленные, мы спросили его, откуда онъ набрался сей мудрости, и онъ сказалъ намъ, что научился пѣснѣ этой въ кафе-шантанѣ въ оазисѣ Бискра.

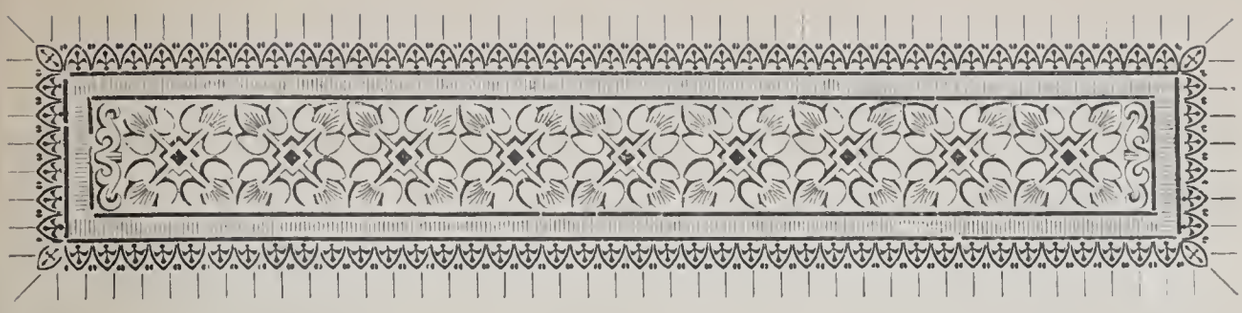
Кстати о нѣмецкомъ. Въ сѣверной Африкѣ чрезвычайно мало, почти нѣтъ нѣмцевъ, но пиво дѣлаетъ завоеванія и въ глубокой пустынѣ. Несмотря на то,

что мѣстное и бѣлое, и красное вино весьма недурно и недорого, — и въ Алжирѣ, и въ Константинѣ, и въ Тунисѣ не только охотно пьютъ пиво, но тамъ имѣются уже и пивоварни; устраиваются спеціальныя холодильни, выписываются пивовары изъ Баваріи и устраиваются хорошія Bier-Hallen въ стилѣ общенѣмецкомъ (готическомъ, съ цвѣтными окнами, дубовой мебелью и непремѣннымъ королемъ Гамбринусомъ). Мѣстное пиво порядочное и похоже на мюнхенское.

По обыкновенію своему, за день или два до отъѣзда, я съ пріятелемъ своимъ зашелъ въ лавку купить нѣсколько фотографій мѣстныхъ типовъ, сценъ и видовъ. Здѣсь — прекрасный фотографъ; но преоригинальныя имѣются у него карточки. Вотъ, напр., одна. Снятъ молодой богатый арабъ-горожанинъ съ своею женою. У него открыто лицо. Женскаго же лица не видно: по велѣнію пророка или не желая нарушить цѣломудріе, чопорная супруга араба позволила снять себя въ чадрѣ, которую она растопырила руками. Получилась смѣшная фигура. Позднѣе въ Тунисѣ мы наблюдали довольно много такихъ фотографій. Въ лавкѣ, разсматривая фотографіи, мы разговорились по-русски. Вдругъ съ нашимъ торговцемъ-французомъ, до тѣхъ поръ вѣжливо говорившимъ съ бывшими, кромѣ насъ, спутниками нашими нѣмцами по-нѣмецки, произошла рѣзкая перемѣна. Оставивъ нѣмцевъ, онъ бросился къ намъ, сталъ по-русски разспрашивать насъ о Россіи и спѣшилъ выразить намъ свою радость. Глаза его искрились, и видно было, что онъ вполнѣ искрененъ. Насъ все это и удивило, и порадовало. Хотя мы и привыкли уже къ тому, что нѣмцы всюду насъ въ Африкѣ выдвигали, какъ рускихъ, впередъ, но это было для насъ слишкомъ неожиданно! Оказалось, что въ дѣтствѣ французъ-торговецъ былъ привезенъ изъ Парижа въ Петербургъ,

учился въ петербургской гимназіи и, будучи уже взрослымъ, выѣхалъ изъ Россіи, жилъ снова во Франціи и теперь уже 27 лѣтъ живетъ съ своей семьей въ Бискрѣ, занимаясь торговлей разнообразными товарами, въ особенности финиками. Онъ не забылъ ни Россіи, ни ея языка, ни народа нашего! Онъ сказалъ, что всегда охотно говоритъ съ русскими, пребывающими здѣсь зимою (обыкновенно это — больные легкими), о Россіи и ея великомъ Государѣ.

Но нужно было отправляться въ обратный путь. Уже на разсвѣтѣ мы были на станціи. Поѣздъ уже былъ поданъ. Былъ пятый часъ. Сидя у окна вагона, мы любовались пестрой толпой. Вдругъ среди публики увидѣли мы запыхавшагося нашего знакомаго француза: онъ пришелъ проводить насъ — русскихъ и попрощаться съ нами! Такая истинно французская любезность и — главное — теплая любовь къ Россіи, свѣтившаяся во всѣхъ его рѣчахъ, сердечно тронули насъ.



XV.

По дорогѣ въ Тунисъ.

Наканунѣ выпалъ дождь, и теперь въ воздухѣ было сравнительно прохладно; до „Рта Сахары“ (станціи „El-Cantara“) мы успѣли доѣхать въ хорошемъ состояніи духа.

Невольно мысли останавливались на окружающемъ. Поражала рѣдкость населенія. Хотѣлось знать о чувствахъ, которыя питаютъ арабы и бедуины къ французамъ. Жители городовъ и промышленники и торговые люди, конечно, — за благодѣтельное французское правительство. Есть фанатики-мусульмане, которые волнуютъ народъ, хотя и безуспѣшно. Но недавнія еще нападенія кабилловъ указываютъ на то, что эти дикія племена еще далеко не всѣ сочувствуютъ французскому режиму, и нужно думать, что къ нападеніямъ ихъ побуждаетъ прежде всего любовь къ свободѣ и къ бывшей еще недавно свободной родинѣ и ненависть къ нынѣшнимъ владыкамъ, а — отчасти — и разбойничьи наклонности, которыя не такъ-то скоро исчезнутъ у потомковъ еще недавнихъ варварійскихъ народовъ.

На станцію „El-Guerrah“ мы прибыли часа въ четыре дня и здѣсь должны были пересѣсть въ поѣздъ, идущій чрезъ Константину въ Тунисъ. Здѣсь со мной

приключилась довольно характерная *une histoire tragique avec chocolat.*

Дѣло въ слѣдующемъ. Оставляя свои вещи въ депо этой станціи, я, убѣдившись, что „директора“ наши ошиблись насчетъ буфетовъ по Алжирской желѣзной дорогѣ, оставилъ вмѣстѣ съ вещами, во внѣшнемъ незапертомъ помѣщеніи чемодана, купленную мною еще въ Алжирѣ плитку шоколада. При осмотрѣ полученныхъ мною обратно вещей шоколада не оказалось, а на мягкой матеріи чемодана только рѣзко вырисовывались очертанія находившейся тамъ плитки. Подобное безцеремонное обращеніе съ моими вещами меня взорвало. Я обратился къ служащему и потребовалъ объясненія. Тотъ, покраснѣвъ, сказалъ, что о моемъ шоколадѣ онъ ничего не знаетъ, хотя онъ единолично принималъ отъ насъ вещи и въ его единоличномъ распоряженіи и подъ его замкомъ находятся всегда вещи пассажировъ. Когда же я здѣсь же, въ помѣщеніи станціи, по-нѣмецки сталъ передавать суть исторіи моимъ спутникамъ, онъ осмѣлился за спиной моей иронизировать.

— Oh! c' est une histoire tragique avec le chocolat! (О! да это трагическая исторія съ шоколадомъ!) Une histoire tragique pour vous! (Трагическая исторія для васъ!)

Я вскипѣлъ и сказалъ нахалу: Oui, oui, monsieur; c' est une histoire tragique, mais pas pour moi, — pour vous et pour la gare! (Да, да, мосье; это — трагическая исторія, только не для меня, а для васъ и желѣзнодорожной станціи).

Затѣмъ я потребовалъ жалобную книгу и внесъ въ нее весь инцидентъ, подписавшись по-русски и по-французски и точно указавши свой адресъ. Лишь только агентъ дороги увидѣлъ мою подпись, онъ сразу притихъ и вдругъ стушевался. Мы отправились далѣе.

На слѣдующей же станціи меня разыскалъ жандармъ и заявилъ, что сейчасъ имъ получена телеграмма,

№ 24. Европейское предмѣстье и арка „Протектората" въ Тунисѣ.

въ которой начальникъ послѣдней станціи сообщалъ, что шоколадъ мой еще не найденъ, что будутъ приложены всѣ старанія къ удовлетворенію меня и что онъ проситъ извиненія за причиненную мнѣ непріятность.

— Pardon, monsieur, прибавилъ отъ себя представитель желѣзнодорожной полиціи: nous ferons tout notre possible pour vous satisfaire (мы приложимъ всѣ старанія, чтобы удовлетворить васъ).

Такая предупредительность и любезность — по правдѣ сказать — всѣхъ насъ удивила.

№ 25. **Бедуинка.**

„Вотъ что значитъ быть русскимъ!“ — сказали мнѣ спутники-нѣмцы. „Все сейчасъ всполошилось и готово изъ кожи лѣзть, чтобы удовлетворить васъ. Случись это съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, конечно, ничего, кромѣ ироніи, мы не встрѣтили бы. Такова сила обстоятельствъ!“ . . .

Не знаю, были ли правы мои спутники, но я чувствовалъ себя въ значительной степени и во многихъ отношеніяхъ удовлетвореннымъ.

Въ „El-Guerrah“ собственно конецъ пустынѣ. Далѣе направляясь на востокъ, при вполнѣ сносной и даже умѣренной температурѣ мы ѣдемъ по странѣ холмистой, все болѣе и болѣе оживающей. Кругомъ пестрѣютъ сады, и всюду видна зелень. На поляхъ все чаще и чаще попадаются стада.

Часа въ три дня мы были уже въ Константинѣ, главномъ городѣ восточной части Алжиріи. Онъ расположенъ на громадномъ утесѣ, по серединѣ раздвоившемся. Направляясь отъ станціи внутрь города, необходимо проѣхать чрезъ мостъ, переброшенный чрезъ дикій и скалистый оврагъ; у подножія сѣрыхъ безжизненныхъ скалъ то тутъ, то тамъ растутъ дикіе колючки-кактусы (см. рис. № 21).

Константина по внѣшнему виду и дѣятельности — большой европейскій городъ, съ 80,000 населеніемъ, среди котораго главенствующую роль играютъ европейцы; только въ рядахъ купцовъ насчитывается нѣсколько солидныхъ арабскихъ и турецкихъ да еврейскихъ торговцевъ, ведущихъ большую караванную торговлю внутри страны. Какъ и въ Алжирѣ, здѣсь есть прекрасныя европейскія зданія (см. рис. № 22, на которомъ изображена часть Національной улицы, съ горами вокругъ Константины въ перспективѣ), начиная съ католическаго храма, театра, общественныхъ зданій и кончая гостиницами и частными домами, ежедневная газета „Республиканецъ“ („Le Républicain“), газовое освѣщеніе, великолѣпныя мостовыя и т. п.; есть, конечно, и грязноватая туземная еврейско-арабско-турецкая часть. Но и у арабовъ есть — и съ внѣшняго даже вида — прекрасные дома, по архитектурѣ и внутренней обста-

новкѣ. Константина особенно оживаетъ во время ярмарки, когда окружное населеніе старается побывать на этомъ большомъ рынкѣ.

Среди населенія замѣтно бросаются въ глаза турки; многіе изъ нихъ — толсты и безобразно жирны, вѣро-

№ 26. **Танцовщица тунисскаго бея.**

ятно, отъ сидячей жизни въ своихъ конторахъ и лавкахъ, и съ отталкивающими круглыми лицами и глазами на выкатѣ; медленно двигаются они по улицамъ; за ними въ *черныхъ*, производящихъ непріятное впечатлѣніе, чадрахъ слѣдуютъ не менѣе ожирѣвшія ихъ супруги.

Въ древности на скалахъ Константины былъ римскій городъ; и теперь еще показываютъ въ долинѣ

римское кладбище. Римскія развалины въ окрестностяхъ Константины показываютъ, что и здѣсь нѣкогда была римская культура въ полномъ расцвѣтѣ. Виды же со скалъ великолѣпные: окружающая Константину долина

№ 27. **Еврейская семья въ Тунисѣ.**

кажется безбрежной; дороги, ведущія къ Константинѣ, видны на далекое разстояніе; по нимъ, точно мошки, движутся люди съ вьючными животными. Въ пропастяхъ Константины шумятъ большіе водопады, съ значи-

тельной высоты рѣкою ниспадающіе по широкимъ уступамъ скалъ. Эти водопады носятъ названіе „Hammam-Meskutin“.

Среди арабскаго населенія цѣльный типъ сохранился внизу, у ремесленниковъ: здѣсь тѣ же мужественныя спокойныя лица, съ густыми черными усами; тѣ же сверкающіе умные глаза; тотъ же костюмъ и головной уборъ, какъ у арабовъ въ Алжирѣ или въ оазахъ. Красивыя лица встрѣчаются и среди арабокъ (см. рис. № 23). Довольствуется и здѣсь низшій классъ немногимъ и — сравнительно — немногое тратитъ и на себя. Главное населеніе области Константины — тоже бедуины (см. рис. № 25).

Не могу не отмѣтить здѣсь, что и въ города Алжиріи проникла уже мелкая лотерея, государственная, развращающая населеніе, но приносящая правительству большой доходъ; всюду въ табачной лавочкѣ за ничтожную цѣну (1 франкъ) можно получить билетъ на счастье или на глупость . . . . Словомъ, отъ „культуры“ европейской и здѣсь ни на шагъ не отстаютъ!

Пустыня давно уже кончилась; мы ѣдемъ по плоскогорью Атласа, въ родѣ альпійскаго Земеринга, но только безъ могучихъ европейскихъ лѣсовъ. Съ каждымъ шагомъ мы приближаемся къ берегу моря; температура вполнѣ сносная; дуетъ прохладный вѣтерокъ. Но и здѣсь бываютъ большія жары. Во многихъ мѣстахъ такъ высохла трава, что она загорается при первой искрѣ; не даромъ мѣстные сельскіе обитатели носятъ соломенныя шляпы съ полями въ *полтора* аршина въ діаметрѣ!

Чѣмъ болѣе подвигаемся на востокъ, тѣмъ чаще встрѣчаемъ караваны одногорбыхъ верблюдовъ. Стройныхъ арабовъ пустыни немного; зато больше турокъ и городскихъ арабовъ, не некрасивыхъ, но отталкива-

ющихъ выраженіемъ животнаго самодовольства и такого же счастья.

Съ ранняго утра мы въ поѣздѣ. По Африкѣ по желѣзной дорогѣ мы проѣхали уже болѣе 1,700 километровъ (болѣе 1,600 верстъ)! Ѣдемъ по странѣ живо-

№ 28. **Богатая еврейка въ Тунисѣ.**

писной и оживленной. Здѣсь гораздо чаще встрѣчаются караваны одногорбыхъ верблюдовъ, нежели двугорбыхъ. Почти весь день поднимаемся мы въ гору, держась сѣверо-восточнаго направленія. Всюду по сторонамъ дороги растутъ акаціи и тамариски. У станціи „La Verdure" проѣзжаемъ чрезъ тоннель, длиною въ полверсты. Поѣздъ карабкается на высоты (въ 878 метровъ), съ

которыхъ открывается чудный видъ на зеленѣющую долину ущелья, полную движенія. Въ пять часовъ мы достигаемъ станціи „Gharrinaou“ на границѣ Алжиріи и Туниса. Осмотръ вещей довольно тщательный, сравнительно съ другими заграничными странами. Отнятый чиновникомъ таможни — у бѣднаго старика-бедуина виноградъ летитъ въ уголъ и превращается въ кашу: подрывать тунисскую торговлю виноградомъ, купленнымъ на сосѣднемъ рынкѣ, не полагается! Служащіе на Тунисской дорогѣ арабы вполнѣ владѣютъ французскимъ языкомъ, но одѣты бѣднѣе и неряшливѣе, чѣмъ въ Алжиріи; много служащихъ и французовъ. Поѣздъ пассажирскій, а не товаро-пассажирскій, какъ было въ Алжиріи, мчится почти съ европейскою быстротою. Вечеръ славный, и мы, любуясь видами и жизнью, стоимъ на спеціально для этого устроенныхъ по бокамъ вагоновъ площадкахъ.

Въ полночь мы были уже въ Тунисѣ; движеніе было замѣтно только у станціи желѣзной дороги. Арабы-носильщики произвели большой шумъ и толкотню, стараясь завладѣть нашими пожитками. — Черезъ часъ мы были въ объятіяхъ Морфея.

XVI.

Въ Тунисѣ.

Вслѣдствіе усталости отъ всего видѣннаго и испытаннаго и отъ долгаго путешествія я спалъ безъ сновидѣній, глубокимъ, но тяжелымъ сномъ. Проснулся поздно съ головною болью и за кофе принялся отдавать себѣ отчетъ во всемъ „пройденномъ," какъ говорятъ педагоги. Предо мною снова прошла смѣна многихъ лицъ, впечатлѣній и картинъ. Между прочимъ пришелъ я къ тому заключенію, что слишкомъ положился на свои силы, предпринявъ большое и утомительное путешествіе, и въ этомъ отношеніи хватилъ, какъ говорятъ, чуточку черезъ край. Замѣчаю, что по временамъ уже хочется сѣвера. Кофе и сытный завтракъ съ виномъ возстановляютъ упавшія силы.

Завтракъ конченъ, и хотя въ нашемъ распоряженіи много дней, но мы уже идемъ осматривать Тунисъ, т. е. снова набираться впечатлѣній и запечатлѣвать на своей фотографической пластинкѣ—памяти туземныя лица и бытовыя картины. Таковъ человѣкъ! . . .

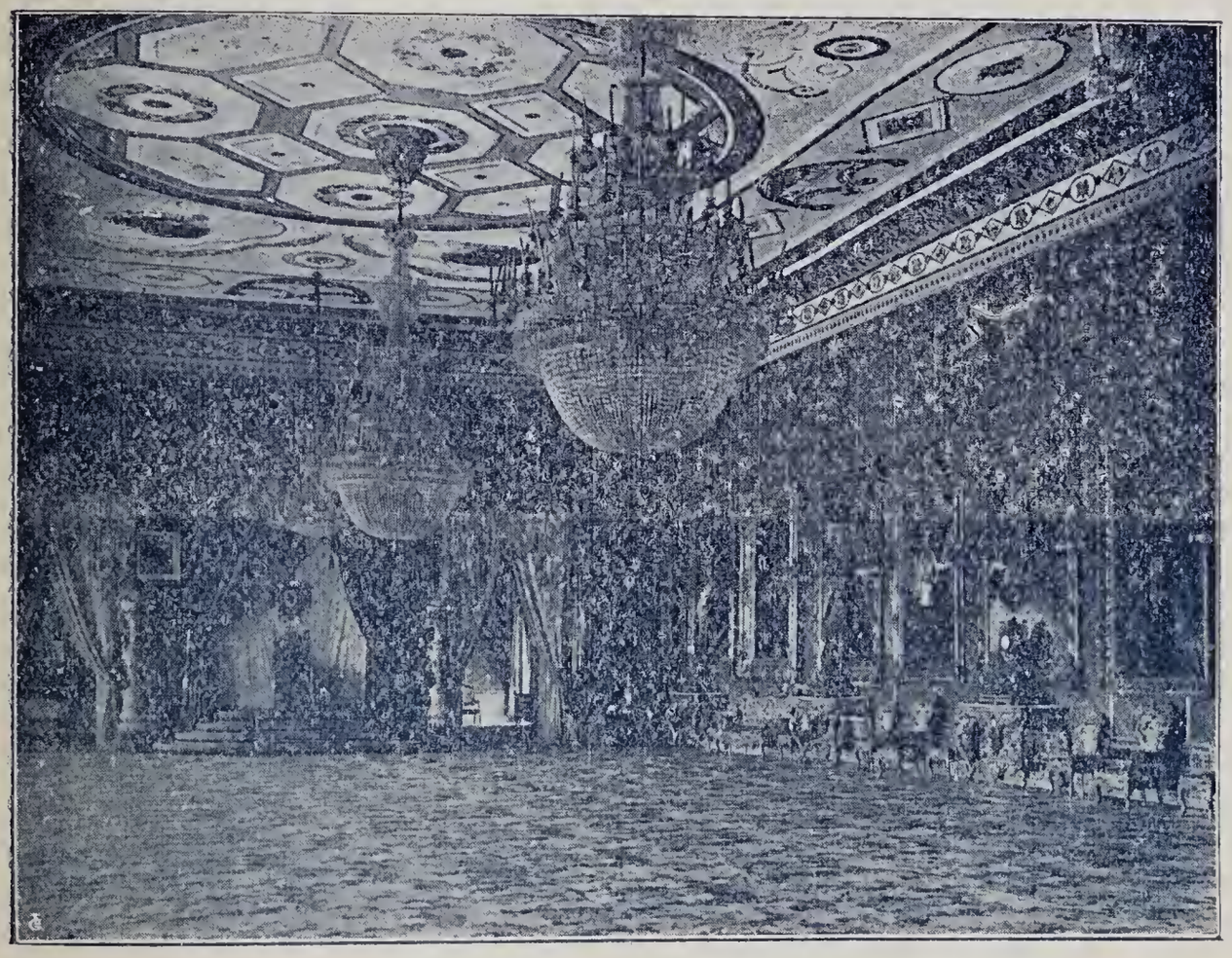
Тунисъ, главный городъ государства того же имени, въ общемъ производитъ впечатлѣніе чисто мусульманскаго, восточнаго города, хотя въ немъ есть и значи-

тельная европейская часть (см. рис. № 24). Нѣкогда государство это было самостоятельно и принадлежало къ грознымъ для европейцевъ варварійскимъ государствамъ. Но самостоятельнымъ оно было давно: съ 1881 года *номинальный* протекторатъ турецкій смѣнился французскимъ *фактическимъ* протекторатомъ. Поводомъ къ этому государственному перевороту послужило слѣдующее обстоятельство, въ общемъ ярко рисующее міровую колоніальную политику и ея пріемы.

Въ 1881 году тунисскіе арабы изъ племени крумировъ (см. рис. №№ 20 и 25) напали на нѣкоторыя арабскія племена въ восточной окраинѣ провинціи Константины, увели скотъ и причинили значительный уронъ военному французскому отряду, высланному противъ разбойниковъ. Не объявляя войны и даже не отозвавъ своего консула Рустана изъ резиденціи бея, французское правительство послало свои колонны, которыя вскорѣ дошли до Туниса; въ то же время французскій флотъ появился въ гавани Туниса Бизертѣ. Ни крумиры, ни войска бея не оказали сопротивленія французскому войску — настолько уже одряхлѣла эта варварская деспотія! — и 12 мая 1881 года бей подписалъ договоръ, по которому Тунисъ признавалъ надъ собою французское владычество (что и требовалось доказать!). Франція приняла на себя дипломатическое представительство страны, *номинально* еще считаемой независимой предъ иностранными государствами, получило право содержать постоянные гарнизоны какъ на берегу, такъ и внутри страны и, чрезъ посредство постоянно живущаго въ Тунисѣ министра-резидента, стала оказывать рѣшительное вліяніе на внутреннія дѣла Туниса. Взамѣнъ всего этого Франція обезпечила за семействомъ бея право наслѣдованія въ странѣ. Подобную этой манипу-

ляцію продѣлала, какъ извѣстно, и Англія въ 1882 году съ Египтомъ.

Теперь въ Тунисѣ все французское: и языкъ, и монеты, и чиновники, отчасти и войска, и капиталы, и дороги и т. д. вплоть до министра финансовъ! Не прой-



№ 29. **Тронная зала во дворцѣ Bardo въ Тунисѣ.**

детъ и десятка лѣтъ, какъ Тунисъ станетъ просто французской очень богатой провинціей. Думаютъ, что смерть 84-лѣтняго бея подастъ къ этому необходимый предлогъ. И нужно отдать справедливость французамъ: они и здѣсь ввели много порядка и сдѣлали много хорошаго. Замѣтно здѣсь торговое вліяніе и итальянцевъ. Изъ 150,000 населенія — 80,000 мусульманъ, 30,000 арабскихъ евреевъ (см. рис. №№ 27 и 28) и 40,000 европейцевъ.

Съ очень большимъ трудомъ христіанамъ удается находить среди мѣстнаго населенія прозелитовъ христіанства, несмотря на то, что здѣсь существуетъ особая миссія „бѣлыхъ братьевъ“ и что на постройки церквей (весьма художественной архитектуры) и на многое другое въ этомъ родѣ не жалѣютъ средствъ. Причины этого слѣдуетъ видѣть въ условіяхъ соціальныхъ и климатическихъ: еврею можно пользоваться всѣми благами государственности, оставаясь евреемъ, а у мусульманина — такая спокойная, приспособленная къ землѣ и жаркому климату религія! . . . Бѣлые братья имѣютъ резиденцію на развалинахъ Карѳагена, находящихся въ 15 верстахъ отъ Туниса, на концѣ огромной и знаменитой купеческой гавани стараго Карѳагена. Здѣсь на холмѣ, гдѣ былъ нѣкогда карѳагенскій кремль — Бирса, стоитъ величественный и великолѣпный, но одинокій каѳедральный католическій во имя св. Людовика соборъ (см. рис. № 32).

На карѳагенскія развалины, по излучинѣ древней торговой карѳагенской гавани, нынѣ называемой болотомъ, ведетъ желѣзная дорога. Отъ развалинъ собственно Карѳагена остались въ Бирсѣ углы фундамента храма Молоха (почти наравнѣ съ землей). Многое уничтожило время; многое уничтожили люди, жившіе здѣсь позднѣе древнихъ „морскихъ надувалъ“ (я думаю, что это — довольно удачный переводъ слова „пуны,“ которымъ обзывалъ карѳагенянъ весь древній міръ); но многое уничтожила — не оставила камня на камнѣ и ненависть римская, та ненависть, которая всецѣло воплотилась въ эгоистичномъ и завистливомъ Катоновскомъ „Ceterum censeo Carthaginem delendam esse“.

Видъ этихъ развалинъ весьма печаленъ; таковыми онѣ были, очевидно, и въ древности; ибо уже Марій, нѣкогда счастливый, а затѣмъ преслѣдуемый римскимъ

сенатомъ, очевидно, разсчитывая вызвать у послѣдняго сочувствіе къ себѣ, сказалъ посланному отъ сената:

№ 30. **Казнь отцеубійцы въ Тунисѣ.**

„Поди и скажи, что ты видѣлъ Марія на *развалинахъ* Карѳагена!“

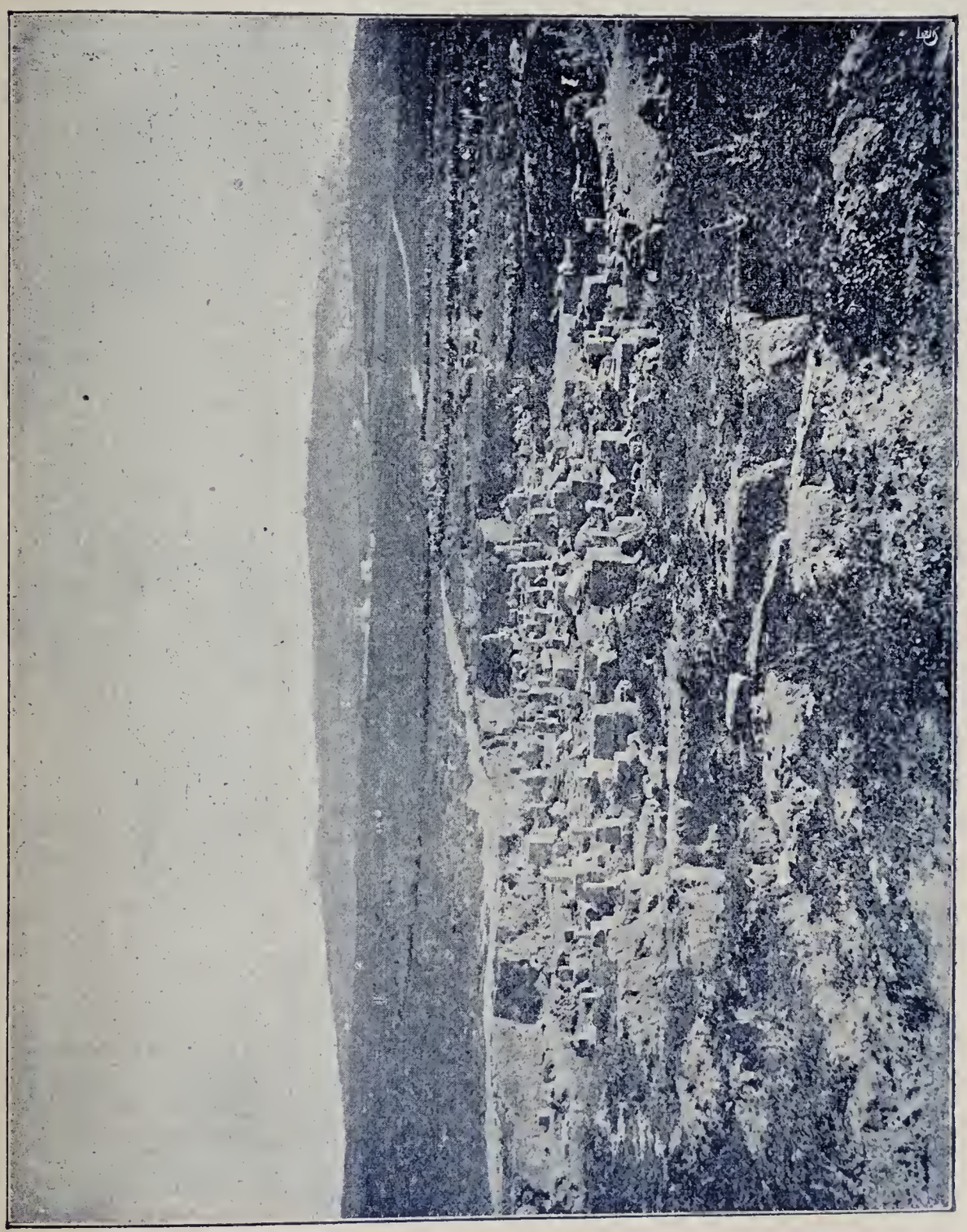
Остались жалкіе слѣды и стѣнъ Бирсы, обломки колоннъ, свѣтильники, гробницы, великолѣпная статуя коня (на мраморѣ видны даже ребра животнаго!), надписи, амфоры; но предметы эти находятся въ музеѣ, на склонѣ

древней Бирсы. Уничтоживъ государство эгоистовъ-торгашей, подобныхъ современнымъ намъ эгоистамъ-торгашамъ — англичанамъ, римляне создали на мѣстѣ его провинцію Африку и ввели, вмѣсто бронзовой, семитической культуры, свою — арійскую, желѣзную. Выросъ тогда здѣсь новый городъ, съ театромъ, храмами, тріумфальными арками, дворцами. Въ амфитеатрѣ замучены были многіе христіане. Но чрезъ нѣкоторое время и римской культурѣ, и римскому владычеству наступилъ конецъ . . . . Кто-же въ мірѣ сильнѣе всѣхъ? — Всемогущее время!

Съ Бирсы — чудесный видъ на море, а гавань Карѳагена — вся какъ на ладони; вдали, за гаванью бѣлѣетъ Тунисъ.

Въ Карѳагенѣ, т. е. на мѣстѣ прежняго Карѳагена, въ прекрасномъ историко-археологическомъ музеѣ монастыря (монастырь во имя Людовика Святого, короля Франціи) найдете много остатковъ и римской, и христіанской (первыхъ вѣковъ) эпохъ и немного — карѳагенской. На стѣнахъ монастырскихъ покоевъ — много картинъ, изображающихъ различные моменты изъ жизни и дѣятельности Людовика IX въ Тунисѣ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ, во время борьбы съ арабами, и скончался отъ чумы въ 1270 году. Мѣсто древняго Карѳагена посѣщается всѣми прибывающими въ Тунисъ европейцами; нерѣдко здѣсь гостятъ и ученые, сразу по нѣскольку человѣкъ. Бѣлые братья, за неимѣніемъ спеціальной работы, занялись археологіей и исторіей и являются для ученыхъ очень полезными сотрудниками. Объ усердной посѣщаемости этихъ мѣстъ туристами можно заключить и по тому, что здѣсь имѣются вблизи монастыря два ресторана, а въ монастырѣ — даже почтовое отдѣленіе, дѣлающее недурныя дѣла, ибо у всѣхъ вообще туристовъ есть одна, легко подверженная эксплуатаціи черта

— посылать роднымъ и знакомымъ письма изъ громкихъ мѣстъ. Осудивъ въ другихъ подобное пристрастіе къ



№ 31. Развалины римской базилики у Карѳагена.

писанію изъ громкихъ мѣстъ и легкомысліе, на которомъ зиждется эта страсть, я тотчасъ отправился въ Карѳагенское почтовое отдѣленіе и перомъ — вѣроятно,

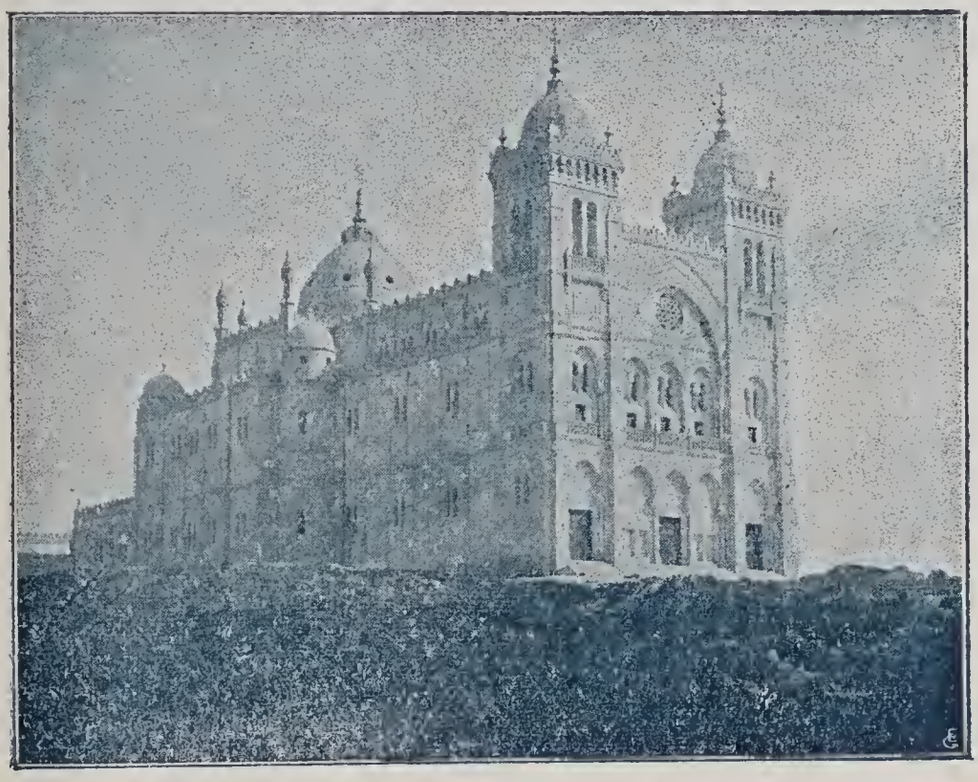
археологическимъ: до крайности было оно плохо! — нацарапалъ полдюжины писемъ своимъ друзьямъ.... Въ лавкѣ при монастырѣ славно также торгуютъ фотографіями мѣстныхъ видовъ и развалинъ, а также сувенирами — серебряными крестиками, булавками въ видѣ лиліи (эмблема французскихъ королей) и т. п.

Верстахъ въ трехъ отъ Карѳагена находятся и развалины римскаго города. Уцѣлѣли цистерны — погреба, въ коихъ, на случай осады, въ амфорахъ сохранялась прѣсная дождевая вода для войскъ (цистерны — довольно широкіе, сажени въ три, и длинные погреба, имѣющіе сводчатый потолокъ; сверху система цистернъ кажется сигарами, уложенными въ гигантскій ящикъ), жалкіе остатки дворца проконсула — намѣстника Африки (остатки этого дворца - базилики изображены на рис. № 31; карѳагенскія руины еще болѣе жалки!) и амфитеатръ. Въ послѣднемъ уцѣлѣла арена и боковыя комнаты. Я былъ одинъ въ яркій солнечный день въ этомъ амфитеатрѣ, и воображенію моему представился цѣлый рядъ христіанъ, здѣсь замученныхъ или растерзанныхъ львами и тиграми. Въ глубинѣ арены въ настоящее время находится католическая часовня, въ которой иногда служатъ бѣлые братья панихиды по мученикамъ — этимъ великимъ свѣтильникамъ христіанства: посреди арены стоитъ большой каменный крестъ.

На римскихъ руинахъ расположена арабская деревня. Такъ неладно построены ея плоскокрышіе домики, такъ они запылились и обросли кактусами, что съ перваго взгляда я принялъ ихъ за кучи какихъ-то сѣрыхъ камней; но въ неровныхъ и извилистыхъ проходахъ-улицахъ встрѣчались арабы, всѣхъ возрастовъ и половъ, и собаки. За нами долго бродило нѣсколько арабскихъ ребятъ, которые, захвативъ гдѣ-то въ ближайшей кузницѣ кусочки кованаго желѣза, намѣре-

вались сбыть ихъ намъ за карѳагенскія монеты. Очевидно, на подобный археологическій товаръ есть здѣсь сбытъ . . . .

Въ Тунисѣ бытовыя картины — все тѣ же, что и въ Алжирѣ, но только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Грандіознѣе здѣсь базары; плутоватѣе и навяз-



№ 32. **Соборъ св. Людовика въ карѳагенской Бирсѣ.**

чивѣе здѣшніе арабскіе купцы; больше движенія и шума. Туземный городъ, окруженный стѣнами, отдѣляется отъ прекрасной европейской части аркой „Протектората“ (см. рис. № 24); въ европейской части — прекрасныя зданія, бульвары съ фонтанами (съ красивымъ прудомъ — на avenue de la Marine, противъ дворца французскаго резидента), роскошныя кафе съ музыкой, конки и т. п.

Евреи (см. рис. № 27) по внѣшнему виду напоминаютъ арабовъ; на нашемъ рисункѣ изображенъ внутренній дворъ еврейскаго дома; на стѣнѣ у двери —

занавѣска съ талисманомъ: остріемъ копья, рукой и луной отъ недобраго человѣка и вора. Въ рукахъ евреевъ — значительная торговля. О женской красотѣ по еврейскимъ понятіямъ можно судить по рисунку № 28, на которомъ въ національномъ костюмѣ изображена богатая еврейка, вся разукрашенная золотыми и изъ драгоцѣнныхъ камней ювелирными произведеніями; въ правой рукѣ у нея — вѣеръ мѣстной работы изъ полосокъ (лыка) пальмовыхъ листьевъ.

Случайно пришлось видѣть и туземную народную школу — ту же медресе, что и въ Алжирѣ; только здѣсь ребятки, и дѣвочки и мальчики, размѣстились на дворѣ прямо на землѣ; среди нихъ былъ и учитель, покрывшій голову бѣлымъ башлыкомъ своего бурнуса и державшій въ рукахъ указку — хлыстикъ. . . .

Обычное право здѣсь все еще въ силѣ. Казни совершаются довольно часто и публично за городомъ. Иногда огромное количество народа собирается глядѣть на эту варварскую форму наказаній. Мѣстные фотографы сняли различные моменты недавней казни надъ отцеубійцей (см. рис. № 30). Едва ли подобныя зрѣлища могутъ имѣть то педагогическое значеніе для толпы, на которое разсчитываетъ мѣстная Ѳемида.

Тунисскій бей, красивый и величавый старикъ, носящій европейскій костюмъ, теперь неожиданно очутившійся безъ дѣлъ и власти, всецѣло поглощенъ тѣмъ, чѣмъ вообще поглощенъ весь дряхлый Востокъ, — гаремомъ. Онъ — еще крѣпкій старикъ, говоритъ и по-французски и особенно любитъ танцы, для чего содержитъ достаточный комплектъ мѣстныхъ балеринъ (см. рис. № 26). У бея нѣсколько сыновей, получившихъ европейское образованіе (во Франціи), но не проявляющихъ или не могущихъ проявить своей дѣятельности.

Тунисъ имѣетъ мало зелени; больше ея — въ европейской части. Виной сему, конечно, — горячее африканское солнце. Дома здѣсь все бѣлые, и свѣтъ отъ нихъ до того сильный, что мы не могли обойтись безъ дымчатыхъ очковъ. Крыши у домовъ плоскія. Я забрался на плоскую крышу нашего отеля, расположеннаго въ арабской части города, чтобы полюбоваться заходомъ солнца. Вдали было безбрежное море, а кругомъ и въ особенности въ городѣ — мало растительности. Частенько мы думаемъ, что плоскія крыши мусульманскаго дома необходимы для гарема, которому хоть такимъ образомъ можно подышать свѣжимъ воздухомъ или полюбоваться городскимъ движеніемъ; но нерѣдко крыши эти служатъ и болѣе утилитарнымъ цѣлямъ: здѣсь на веревкахъ развѣшиваютъ для просушки бѣлье, складываютъ всякую рухлядь и т. п. Съ высоты городъ кажется чисто восточнымъ: всюду плоскія крыши, множество мечетей и минаретовъ, среди домовъ — крошечные дворики съ чахлыми 2—3 деревцами; рѣшетки въ окнахъ; вдоль улицъ нерѣдко заборы въ видѣ сплошныхъ стѣнъ; дома — точно большіе бѣлые каменные квадраты или ящики; на дворахъ никакого движенія; на улицахъ, у стѣнъ нерѣдко великолѣпныхъ мавританскихъ зданій (напр. городской управы) прилѣпились деревянныя завѣшанныя отъ солнца ковриками лавочки арабовъ — торговцевъ и мастеровъ; всюду на улицахъ туземныя кафе съ вѣчно пьющими черный кофе или играющими въ шашки и шахматы почтенными дѣтьми Аллаха, среди которыхъ встрѣчается много красивыхъ, молодыхъ и симпатичныхъ лицъ.

На мѣстныхъ базарахъ много парфюмерныхъ лавокъ и фруктовыхъ. Вкусный мускатный виноградъ, груши, дыни и арбузы подаются у насъ постоянно къ столу. Торговцы нерѣдко поражаютъ убогостью своихъ

товаровъ: вотъ одинъ безмолвно часами стоитъ на улицѣ и, точно факиръ индійскій, на неподвижно протянутой рукѣ держитъ для продажи полдюжину лимоновъ!

Римскія развалины есть и у Туниса: по дорогѣ къ загороднымъ дворцамъ тунисскихъ беевъ мы проѣзжали подъ высокими арками длиннаго водопровода, устроеннаго императоромъ Адріаномъ. Забота о прѣсной водѣ и въ древности была здѣсь главнѣйшей. Адріановъ водопроводъ былъ устроенъ на протяженіи 132 километровъ (около 120 верстъ) и состоялъ изъ множества арокъ, шириною въ сажень и высотою, смотря по рельефу мѣстности, въ три и болѣе саженей; на аркахъ устроенъ былъ жолобъ, по которому текла вода. Въ настоящее время отъ этого грандіознаго сооруженія, несмотря на всѣ превратности историческихъ судебъ и вліяніе времени, осталось 340 арокъ, разбросанныхъ на 30 километрахъ. Вокругъ Туниса характеръ мѣстности степной; виднѣются поля пшеницы.

Осмотръ нѣкоторыхъ дворцовъ тунисскихъ беевъ доставилъ намъ много занимательнаго матеріала. По заведенному изстари обычаю, каждый бей строитъ себѣ новый дворецъ, а старые дворцы обыкновенно остаются въ запустѣніи. Дворцы Bardo и Kassar-Essaid построены въ прошломъ вѣкѣ и отличаются значительной роскошью и въ парадныхъ комнатахъ — чисто европейской обстановкой; въ нихъ большія тронныя (см. рис. 29: тронная зала въ Bardo) и пріемныя залы, стѣны которыхъ увѣшаны портретами европейскихъ, особенно французскихъ и нѣмецкихъ государей; всюду шелкъ, бронза, мраморъ, хрустальныя люстры; залы совѣта, много хорошо обставленныхъ жилыхъ комнатъ; въ каждомъ дворцѣ по нѣскольку спаленъ, съ весьма широкими, удобными кроватями. Буквально въ каждой комнатѣ —

по нѣскольку столовыхъ часовъ; въ иныхъ комнатахъ ихъ по 12. Посреди дворца — роскошные дворы, устланные мраморомъ, окруженные галлереями со множествомъ легкихъ мавританскихъ колонокъ и арокъ; тутъ же фонтаны, нынѣ не бьющіе уже и, можетъ быть умолкнувшіе навсегда; какое-то тоскливое чувство закрадывается въ душу при видѣ всего этого паденія. Ухода за дворцами никакого: они разрушаются . . . А между тѣмъ они красивы и заслуживаютъ сохраненія. Можетъ быть, и недостатокъ средствъ, этотъ хроническій недугъ лѣниваго Востока, виноватъ также въ этомъ разрушеніи. Судя по бѣдности обмундировки и жадности офицеровъ бея, которымъ порученъ надзоръ за этими дорогими сооруженіями, кажется смѣло можно ссылаться въ данномъ случаѣ на безденежье. Въ Kassar Essaid, окруженномъ великолѣпнымъ паркомъ, есть комната, въ которой стоитъ достопамятный круглый, мраморный столъ; на немъ нынѣшнимъ беемъ было подписано въ 1881 году согласіе на протекторатъ Франціи надъ Тунисомъ. Съ тѣхъ поръ никогда больше бей не заходилъ въ эту комнату . . . И не напрасенъ этотъ молчаливый протестъ бея! Французы усердно подготовляютъ здѣсь почву для своего владычества.

Въ концѣ іюля мы распрощались съ Африкой въ тихій прекрасный вечеръ. Море, какъ милое дитя, было спокойно и, казалось, радостно приняло насъ въ свои объятія.

XVII.

Неаполь и Помпея.

Мы останавливались по дорогѣ изъ Туниса въ Палермо у острова Пантеларіи (съ городомъ того же имени) и у города Марсалы, извѣстнаго своимъ виномъ „марсалой“, столь излюбленнымъ англичанами. Нашъ пароходъ „Scilla“, принадлежащій итальянской компаніи, въ рукахъ коей почти все здѣшнее морское сообщеніе, принялъ здѣсь до 2,000 бочекъ и боченковъ этого вина. Къ нашему пароходу то и дѣло подходили баржи съ боченками вина разной величины, отъ ведернаго до 20—30 ведеръ вмѣстимости. Съ парохода спускали сѣтку изъ толстыхъ веревокъ, въ нее накладывали 20—25 боченковъ сразу (смотря по объему), края сѣтки стягивали, чтобы боченки не выпали, затѣмъ при помощи парового ворота, или — какъ онъ у насъ называется — лебедки, высоко поднимали эту сѣтку и, подведя къ трюму парохода, опускали ее въ глубь трюма. Во все время нагрузки всей массы боченковъ только одинъ изъ нихъ далъ течь, но и та вскорѣ была прекращена, ибо тотчасъ поспѣшили сбить туже обручи. Городъ Марсала выросъ вокругъ извѣстной въ древности карѳагенской крѣпости Лилибея. Около Марсалы на

высокой горѣ С.-Джульяно расположенъ небольшой городокъ того-же имени: въ городкѣ этомъ, какъ утверждаютъ знатоки, водятся красивѣйшія во всей Сициліи женщины. Наконецъ останавливались еще въ Трапани (древній Дрепанумъ). Послѣдній городъ, съ 40,000 жителей, какъ многіе итальянскіе города, поражаетъ, на ряду съ зданіями, пришедшими въ разрушеніе, также замѣчательными по художественному замыслу и не менѣе художественному выполненію общественными зданіями: церквами, админ. учрежденіями, театромъ и т. п. Оживленіе въ городѣ большое. Море такъ тихо, что мы во время движенія парохода завтракаемъ и обѣдаемъ на *палубѣ*.

Въ Сициліи положеніе народа, по словамъ многихъ, сравнительно съ остальной Италіей, особенно плохо. Начать съ того, что здѣсь вовсе нѣтъ деревни. Вся земля принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ, ведущимъ плантаторское хозяйство (рисъ, лимонныя и апельсиновыя рощи и т. п.). Такъ называемые крестьяне живутъ исключительно въ многочисленныхъ городахъ и должны при своемъ *деревенскомъ* незначительномъ заработкѣ вести дорогую *городскую* жизнь. Болѣе сильной нищеты крестьянства, какъ здѣсь, я не видѣлъ нигдѣ, даже въ наиболѣе бѣдныхъ уголкахъ матушки-Россіи. На разсвѣтѣ каждаго утра мѣстные крестьяне отправляются изъ городовъ на работы иногда въ довольно далеко отлежащія поля и вечеромъ, уже въ темнотѣ, возвращаются въ свои жилища, напоминающія какія-то ужасныя, грязныя, темныя, безъ всякой мебели логовища. Постели — вѣрнѣе, куча грязныхъ лохмотьевъ — брошены прямо на полу. Пока есть силы и не одолѣлъ еще сонъ, семьи этихъ работниковъ сидятъ у дверей своего земного пребыванія: всякій боится расходовъ и не зажигаетъ лампы... Бѣдностью и тяжкимъ положеніемъ мѣстнаго крестьянства

объясняются и частыя здѣсь забастовки крестьянъ и преступленія.

На нашей „Scilla“ пересылались аграрные преступники, человѣкъ 10. Съ однимъ изъ нихъ при высадкѣ въ Трапани, куда онъ препровождался къ судебному слѣдователю, чуть не случилось несчастіе. У всѣхъ преступниковъ на рукахъ — кандалы. Соскакивая съ лѣсенки въ лодку, одинъ изъ нихъ упалъ въ воду, но былъ моментально схваченъ за шиворотъ нарядным полицейскимъ и водворенъ въ лодку. Послѣ повѣрки на берегу, преступниковъ сковали, по четыре человѣка вмѣстѣ, и повели чрезъ городъ въ сопровожденіи любопытствующей толпы изъ ребятъ и взрослыхъ. Полицейскій нарядъ численностью былъ меньше количества преступниковъ. Здѣшніе полицейскіе — очень нарядны: они носятъ черные наглухо застегнутые фраки, съ бѣлыми блестящими пуговицами и серебряными выпушками; жилетъ бѣлый, брюки черные. На головѣ наполеоновская треуголка, на боку — короткая, но широкая и замѣтно изогнутая сабля; всегда въ бѣлыхъ перчаткахъ. И всюду эти полисмены разгуливаютъ парочками.

Вообще здѣсь, въ Италіи, у военныхъ замѣтно сильное пристрастіе къ красивымъ и даже пестрымъ костюмамъ. Даже для жандармовъ правительство итальянское должно было позаботиться изобрѣсти красивую форму, и только благодаря этому обстоятельству, какъ меня здѣсь увѣряли, правительство и имѣетъ значительный корпусъ „синихъ мундировъ“. . .

На слѣдующій, послѣ выхода изъ Туниса, день мы прибыли послѣ полудня въ Палермо. Здѣсь мы должны были сдѣлать дневку и пересѣсть на другой пароходъ для отправленія въ Неаполь.

Палермо — самый большой городъ Сициліи, съ 243,000 жителей, какъ бы придвинутъ высокими горами

къ морю, къ прекрасной гавани. Въ древности городъ носилъ названіе Panormos. Онъ пережилъ владычество карѳагенянъ, римлянъ, сарацинъ, норманновъ, германцевъ, французовъ, испанцевъ и теперь одинъ изъ лучшихъ городовъ Итальянскаго королевства; его историческое прошлое полно интереса. Не разъ онъ игралъ большую роль на Средиземномъ морѣ, какъ важный торговый, политическій или культурный центръ. Но въ немъ сохранилось чрезвычайно мало старины. Каѳедральный соборъ, дворцовая капелла съ великолѣпными мозаиками норманской эпохи, эпохи тѣхъ воителей безстрашныхъ, которые извѣстны и русскому народу подъ именемъ варяговъ и отъ ярости которыхъ западный человѣкъ искалъ спасенія только у Господа („A furore Normanorum liberanos, Domine!"); памятникъ императору германскому Карлу V, побѣдителю сарацинъ и подавителю „Лютеровой гидры" (какъ сказано на этомъ памятникѣ, поставленномъ въ эпоху католической реакціи); фонтанъ съ аллегорическими фигурами древности, занимающій цѣлую площадь и по величинѣ, и красотѣ — какъ говорятъ о немъ итальянцы — первый въ мірѣ, вотъ и все! . . Въ остальномъ Палермо — красивый итальянскій городъ, промышленный и живой, но, какъ и всякій итальянскій городъ, съ слѣдами разрушенія, главнымъ образомъ, въ старыхъ улицахъ и отдаленныхъ частяхъ города. Набережная его роскошна: она освѣщается электричествомъ, и по вечерамъ мѣстный бо-мондъ катается въ безчисленныхъ экипажахъ; запряжки здѣсь прекрасныя; на набережной выстроенъ портикъ въ античномъ стилѣ; здѣсь по вечерамъ — въ виду моря — играетъ военный оркестръ. Вокругъ павильона — южная оживленная толпа, а на набережной — тысячи стульевъ, на которыхъ сидитъ публика, наслаждающаяся хорошей духовой музыкой исполняющей произведенія родныхъ Верди, Масканьи, также

француза Бизе и другихъ бравурныхъ авторовъ. Лишь только оркестръ начнетъ пьесу, всѣ экипажи останавливаются; но вотъ пьеса кончена, и опять все помчалось далѣе.

Палермо — преддверіе Неаполя. Шумъ на улицахъ отъ криковъ торговцевъ водой, фруктами, газетами, спичками ужасный. Народъ, особенно дѣти, небрежно и грязно одѣтъ. За подачками пристаютъ всѣ: и старый, и малый, и здоровый, и больной. Какъ въ Трапани, такъ и въ Палермо — необыкновенно много парикмахерскихъ, здѣсь называемыхъ „салонами"; кажется, будто каждый здѣшній обыватель мужеска пола далъ обѣтъ бриться, по крайней мѣрѣ, два раза въ день . . .

Въ недавнемъ славномъ прошломъ современной Италіи Палермо сыгралъ видную роль: въ 1860 году герой Гарибальди, съ своей безсмертной *тысячью*, высадился въ Палермо, и результатомъ этого было изгнаніе Бурбоновъ изъ Сициліи и присоединеніе послѣдней къ общеитальянскому государству.

Во всей Италіи торговля свѣжей водой, иногда сбавленной лимоннымъ сокомъ, сдѣлалась торговымъ промысломъ и создала цѣлый цехъ продавцевъ воды. Причиной тому служитъ жаркій климатъ, а также и то обстоятельство, что едва ли кто другой болѣе любитъ заниматься легкимъ трудомъ, какъ итальянецъ: вѣдь, Италія — классическая страна *ничегонедѣланія!* Засучивъ рукава своей цвѣтной яркой рубашки, засунутой въ синіе нанковые панталоны, заломивъ шапку на-бекрень, продавецъ воды готовъ переходить съ мѣста на мѣсто цѣлый день, всюду горланя свое „aqua fresca"; въ одной рукѣ у него большая глиняная амфора или мѣдный сосудъ, въ другой — скамеечка, на которой въ особыхъ отдѣленіяхъ укрѣплены стаканы. Стаканъ замѣтно освѣжающей въ сильно жаркій день воды съ лимоннымъ сокомъ стоитъ около 2-хъ копеекъ.

Путь изъ Палермо въ Неаполь мы совершили на пароходѣ „Christopho Colombo“ всего въ 11 часовъ, при чемъ около двухъ часовъ насъ сильно качало.

Къ Неаполю мы подошли рано утромъ. Въ Африкѣ насъ интересовала оригинальная природа; здѣсь, въ Италіи, рядомъ съ роскошной природой, было творчество геніальнаго народа, проявившееся въ памятникахъ недосягаемаго искусства. Теперь мы были снова на этой классической почвѣ.

Утро было прелестное. Знаменитый Неаполитанскій заливъ еще не пробудился; только кое-гдѣ на горизонтѣ въ отдаленіи виднѣлся бѣлый парусъ рыбачьей лодки, точно крыло чайки, опустившей его на одинъ мигъ въ море. Заливъ окруженъ высокими горами; среди нихъ — дымящійся Везувій. Вершины горъ позлащены уже лучами восходящаго солнца, но внизу, у подошвы горы, въ Неаполѣ еще тихо, и движенія не замѣтно. Неаполь, какъ и десятокъ другихъ разбросанныхъ вдоль Неаполитанскаго залива городовъ (Соренто, Кастелямаре), — еще въ синеватомъ туманѣ. Вдали при входѣ въ заливъ лежитъ красавецъ-островъ Капри, точно насильно прорѣзавшійся изъ глубины жемчужныхъ водъ чрезъ зеркальную поверхность ихъ. Невольно изъ груди вырывается кликъ восторга при видѣ роскошной панорамы Неаполя, амфитеатромъ расположеннаго по террасамъ горы и на вершинѣ заканчивающагося замкомъ, — при видѣ голубого залива и окрестностей, точно окаймленныхъ зеленью! Надъ всѣмъ же доминируетъ Везувій!

Картина въ общемъ волшебная! Никогда еще ни одинъ городъ не производилъ на меня съ перваго раза такого сильнаго и пріятнаго, отраднаго и радостнаго художественнаго впечатлѣнія! Точно дивный художникъ

развернулъ сразу предъ глазами моими чудную картину! Благословенные края! . . .

Въ древности также сильно чувствовали красоту здѣшней природы. Богатые римляне эпохи имперіи имѣли здѣсь, у Неаполитанскаго залива, много роскошныхъ виллъ. Но не одна удивительная красота природы влекла ихъ сюда. Здѣсь былъ также центръ эллинской культуры; здѣсь всегда было много образованныхъ грековъ, много художниковъ, среди которыхъ богатые и образованные римляне преимущественно проводили свой досугъ . . . Между Неаполемъ и пригороднымъ мѣстечкомъ Пуццооли есть знаменитый гротъ di Posillipo; это названіе происходитъ отъ названія римской виллы Pausilypi („Sanssouci“ — „Безъ заботъ“); на этой виллѣ былъ, какъ предполагаютъ, погребенъ римскій Гомеръ — Виргилій. Около Неаполя (древней греческой колоніи Партенопеи) были и модныя римскія теплыя минеральныя купанья, Байи, куда, на подобіе современныхъ намъ модныхъ морскихъ купаній, напр. у Бискайскаго залива, въ Венеціи, Остенде, Ниццѣ, С.-Ремо и т. п., собиралось все лучшее общество. Здѣсь было и много красавицъ-гетеръ.... Люди болѣе строгой нравственности, конечно, не безъ основанія порицали тамошнюю роскошь, свободу жизни и погоню за наслажденіями.

Скоро, однако, отлетѣлъ отъ насъ этотъ поэтическій образъ Неаполя, — именно съ того момента, какъ только мы пришли въ соприкосновеніе съ людьми . . . Пароходъ сталъ на якорь, не доходя до берега двухъ-трехъ саженей, съ очевидной цѣлью — дать заработокъ массѣ лодочниковъ; насъ сразу окружили наглые лодочники и требовали за перевозъ до берега, къ таможнѣ, неимовѣрно много сравнительно съ пространствомъ — по франку съ человѣка (37 коп.); пришлось платить, ибо лодочники поддерживали другъ друга, не считая за грѣхъ обдирать

иностранцевъ. Здѣсь повсюду такъ смотрятъ на иностранцевъ . . . Если же вы отказываетесь отъ ненужныхъ вамъ услугъ людей, привыкшихъ жить легкимъ трудомъ или попрошайничествомъ, то васъ будутъ преслѣдовать насмѣшками, мальчишки будутъ ходить за вами гурьбою, если вы ни за что ни про что не дадите имъ сольдо (2 коп.); безногіе нищіе будутъ скакать за вами, а слѣпые указывать на васъ пальцами, въ страшныхъ проклятіяхъ призывая при этомъ на васъ всѣ несчастія міра . . . Пожалуй, вы спросите: „Что же смотритъ полиція?“ — Да ея здѣсь не видно; впрочемъ, едва ли бы она была здѣсь полезна, такъ какъ само итальянское правительство давно уже узаконило право нищенства повсюду . . .

Въ Неаполѣ я и товарищъ мой рѣшили отдѣлиться отъ остального общества, къ слову сказать — безъ особеннаго чувства сожалѣнія по отношенію ко всѣмъ и благодарности къ заправиламъ его: путешествуй мы вдвоемъ, мы могли-бы гораздо выгоднѣе совершить всю поѣздку и насладиться болѣе.

Неаполь, съ 600,000 населеніемъ, — самый большой городъ Италіи и значительнѣйшій торговый пунктъ. Старый Неаполь съ кривыми узкими улицами и безчисленными переулками понемногу исчезаетъ: въ немъ чрезъ старые кварталы, ради гигіены и *безопасности,* проводятся широкія мощеныя большими плитами улицы: старыя зданія ломаются, и на ихъ мѣстѣ выростаютъ огромные дома прекрасной архитектуры, которые тотчасъ занимаются жильцами и . . . . загрязняются. Планировка новыхъ кварталовъ производится довольно оригинально: на городскомъ планѣ намѣчается два пункта, межъ коими должна проходить новая улица, затѣмъ по линейкѣ чрезъ дома и другія зданія проводится прямая линія — и широкая улица готова. На новыхъ улицахъ нерѣдко

стоятъ $^1/_2$-дома, $^3/_4$-дома . . . Линія прошла чрезъ уголъ дома; уголъ этотъ отнесенъ, и вы можете видѣть $^3/_4$ комнаты во всѣхъ этажахъ дома . . . Говорятъ, такая радикальная ломка необходима была, чтобы нѣсколько очистить городъ отъ темныхъ и тѣсныхъ переулковъ, гдѣ гнѣздились преступники и разбойники. По новымъ широкимъ, прекрасно вымощеннымъ улицамъ, щедро освѣщеннымъ электричествомъ, конечно, теперь безопаснѣе.

На улицахъ и днемъ, и ночью чрезвычайно большое движеніе, страшный шумъ, крики, свистки, трескъ отъ похлопыванія бичей и т. п. Всюду ужасная грязь: точно здѣсь на роскошной почвѣ поселился народъ-паразитъ . . . Да если поглубже вдуматься въ современную итальянскую жизнь, она именно — жизнь паразитовъ. Мнѣ удалось проѣхать по Италіи вдоль и поперекъ. Всюду въ большей или меньшей степени — лѣнь, стремленіе пожить на чужой счетъ, заниматься легкимъ трудомъ; въ городахъ безчисленное множество чистильщиковъ сапогъ, продавцевъ спичекъ, газетъ, всякихъ бездѣлушекъ, воды; масса лѣнтяевъ, готовыхъ на всякія услуги — только не на серьезный трудъ. Офиціально проституціи въ Италіи нѣтъ; но по вечерамъ мальчуганы и старики осаждаютъ прохожихъ предложеніями познакомить съ прекрасными синьорами . . . На югѣ, впрочемъ, и сами синьоры занимаются ловлей мужчинъ. Торговля дребеденью — страсть итальянца. На неаполитанской улицѣ повсюду лотки съ арбузами, дынями, кораллами. Посреди тротуара устроился — нарочно, такимъ образомъ, задерживая идущихъ — продавецъ пироговъ изъ какой-то странной, похожей на грязный мѣлъ муки съ мелко нарубленными кусочками маленькой костистой рыбы и томатовъ; торговля у него идетъ бойко: вокругъ лотка постоянно стоитъ жующая толпа;

то и дѣло на телѣжкахъ мальчуганы подвозятъ новыя груды непривлекательныхъ пироговъ. На каждомъ углу — лавка съ продажей воды и лимоновъ. Вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ — прямо на тротуарѣ стоитъ дойная корова, хозяинъ доитъ ее и здѣсь же продаетъ молоко; тамъ по тротуару проходитъ полсотни козъ. За подобныя здѣшнимъ нарушенія порядка, чистоты, нерѣдко нравственности и гигіены у насъ всякій мировой судья наложилъ-бы строгій штрафъ, а здѣсь — ничего: преспокойно всякія безобразія продѣлываются предъ почтеннѣйшей публикой. Неаполитанская пословица говоритъ: „Увидь Неаполь (Napoli) и умри!“ Оно и не трудно!

Вотъ по улицѣ прошелъ голый ребенокъ; за нимъ другой . . . На тротуарахъ примостились сапожникъ, щеточникъ; извозчикъ здѣсь поставилъ свой экипажъ и выпряженную лошадь: улица служитъ сараемъ и конюшней; благо, климатъ подходящій. Здѣсь-же на тротуарахъ спятъ десятками тѣ, у кого нѣтъ квартиръ. Большаго опрощенія въ костюмахъ, пищѣ, обхожденіи трудно ожидать . . .

Отправляясь въ экипажѣ за городъ, чтобы полюбоваться заходомъ солнца, насладиться красотами окрестностей и въ тишинѣ отдохнуть отъ городского шума, мы должны были проѣзжать чрезъ мѣстность Санта Лючіа, самую демократическую и грязную въ Неаполѣ. Здѣсь еще старый Неаполь стоитъ нетронутымъ! Невообразимый шумъ на набережной; пестрая толпа рабочихъ и рыбаковъ; у берега костры, на которыхъ рыбаки готовятъ свой незатѣйливый обѣдъ; у берега — грузящіяся барки; грузовщики въ однѣхъ (буквально!) рубахахъ . . . . Дальше по набережной — роскошное di Posillipo, со множествомъ виллъ иностран-

цевъ и туземныхъ богачей; эти виллы расположены въ пальмовыхъ садахъ.

Въ Неаполѣ разрушаютъ не только старые дома. Не уцѣлѣлъ и памятникъ Мазаніелло. На одномъ базарѣ у набережной находился памятникъ, поставленный неаполитанскимъ народомъ своему брату — рыбаку и контрабандисту Мазаніелло, ставшему народнымъ героемъ. Когда въ 1647 году началось крестьянское движеніе въ Сициліи и южной Италіи, горожане также возстали всюду, требуя у правительства королевства обѣихъ Сицилій возстановленія муниципальныхъ правъ. Въ Неаполѣ, переполненномъ буйнымъ пролетаріатомъ — лаццарони, выдвинулся находчивый, страстный и отважный рыбакъ Мазаніелло. Онъ увлекъ народъ. Произошла безкровная революція: испанцы-правители бѣжали. Мазаніелло сталъ „генералъ-капитаномъ народа", надѣлъ серебряную броню и шляпу съ султаномъ, отмѣнилъ налоги, ввелъ строгій порядокъ. Испанскій вице-король заключилъ съ нимъ договоръ на условіи возстановленія старыхъ льготъ и сравненія народа въ правахъ со знатью. Вождь народа проѣхалъ, среди толпы, въ одной каретѣ съ представителемъ абсолютизма; во дворцѣ вице-королева подобострастно принимала жену рыбака. Мазаніелло заважничалъ, запилъ и потребовалъ отъ своихъ подчиненія королю Филиппу IV испанскому, хотя договоръ о правахъ еще не былъ послѣднимъ подписанъ. Народъ, подозрѣвая измѣну, отступился отъ Мазаніелло, и послѣдній черезъ десять дней былъ убитъ, по приказанію вице-короля. Толпа очнулась: героя похоронили по-царски, съ лавровымъ вѣнкомъ на челѣ. Въ Неаполѣ настала кровавая испанская расправа. Легенды окружили память Мазаніелло чудесами, романтика — ореоломъ поэзіи, опера — сладкими звуками; живопись изобразила его идеаломъ благородной красоты. Неаполитанцы по-

ставили памятникъ своему герою. Нынѣ этотъ соблазнительный памятникъ уничтоженъ.

Одна только улица во всемъ Неаполѣ избавлена отъ грязи и картинъ чуть ли не первобытной жизни, и то только отчасти, именно — via di Roma; и это потому, что на ней слишкомъ большое движеніе, и она довольно узка; на другихъ улицахъ повсюду, безъ исключенія, — нарисованная мною выше картина. Еще особенность. Вы нигдѣ — ни въ ресторанахъ, ни въ кафе — не можете спокойно посидѣть или поѣсть: всюду нищіе, всюду попрошайки . . .

Чѣмъ объяснить подобную жизнь? Что здѣсь больше виновато: благодатный ли климатъ или развращенность развращавшагося въ теченіе многихъ столѣтій народа, или оба фактора вмѣстѣ? . . .

Кому хорошо живется въ Италіи? — Духовенству, отчасти военнымъ и чиновникамъ; народъ бѣдствуетъ подъ тяжестью государственныхъ налоговъ и своихъ пороковъ. Правительство усугубляетъ зло, развивая въ народѣ страсть къ игрѣ въ лотерею, дешевую, но затягивающую; оно ничего не дѣлаетъ и противъ частной рулетки, открыто на улицахъ грабящей бѣдноту.

Свернувши съ большихъ главныхъ улицъ въ переулки, сразу попадаешь въ старый, тѣсный и вонючій Неаполь; здѣсь черезъ улицы протянуты веревки, и на нихъ сушится безчисленное множество различныхъ частей мужского и дамскаго бѣлья. Гамъ, шумъ, грязь . . .

Но иногда улицы эти принимаютъ и иной видъ. Народъ здѣсь — по-своему — очень религіозенъ, фанатиченъ и крѣпко держится обрядности. Въ храмовые праздники всѣ дома прихода украшаются коврами и лампочками; чрезъ улицы протягиваются веревки, и на нихъ вѣшаютъ люстры; устраиваются арки, трибуны для

музыки, пестро убранныя дешевой матеріей или золоченой бумагой (фольгой). Особенно освѣщаются тѣ мѣста улицы, гдѣ стоитъ статуя Христа или Маріи Дѣвы. По вечерамъ здѣсь удивительная иллюминація! Многотысячная толпа движется безъ конца: устраиваются танцы, сжигаются здѣсь же, въ улицахъ, фейерверки, поются пѣсни . . . Такія празднества продолжаются иногда по три дня, ибо итальянцы до нихъ большіе охотники.

Иногда на улицахъ появляются вожаки съ медвѣдями и обезьянами; за ними ходитъ огромная толпа мальчишекъ и взрослыхъ; тогда на улицѣ стоитъ невыносимый шумъ . . .

Какъ-то пришлось побывать въ народной школѣ для дѣвочекъ; тѣснота и грязь ужасныя; скамеечки — очень низенькія; дѣтей — масса; тѣснота такая, что многія ученицы сидятъ прямо на полу; кромѣ грубой классной доски, пособій никакихъ. Учительница надрывается изо всѣхъ силъ. Входъ въ школу прямо съ тротуара улицы. Двери школы открыты, и весь уличный гамъ стоитъ и въ школѣ.

Изъ диковинъ Неаполя интересенъ акварій, представляющій изъ себя дно морское съ его чудесами (главнымъ образомъ, молюски, пауки, раки; рыбъ мало). Средства на содержаніе этого дорогого и важнаго для науки учрежденія доставляются многими правительствами, — между прочимъ, и русскимъ. Въ одномъ изъ отдѣленій акваріума я долго наблюдалъ одинъ цвѣтокъ - животное, особенно рѣзко проявившій свои разбойничьи наклонности. Съ внѣшней стороны цвѣтокъ похожъ на спаржу, но онъ постоянно выпускаетъ изъ себя цвѣтной вѣнчикъ, которымъ и ловитъ оплошныхъ обитателей — сосѣдей своихъ.

Среди новыхъ зданій Неаполя особенно красивъ роскошный торговый пассажъ, подаренный городу королемъ

Гумбертомъ I; около пассажа — площадь Плебисцита (piazza del Plebiscito), на которой нѣкогда неаполитанцы рѣшили присоединиться къ Пьемонту, войти въ составъ единой Италіи и на которой нынѣ ежедневно — вѣрнѣе, ежевечерно — играетъ военный оркестръ.

Но по огромному научному и художественному значенію первое въ Неаполѣ мѣсто принадлежитъ безусловно Національному музею. Museo Nationale богатъ главнымъ образомъ скульптурой. Я пробылъ въ немъ цѣлый день и былъ поистинѣ и пораженъ, и восхищенъ! Въ какую бы изъ многочисленныхъ залъ ни попалъ я, всюду были вокругъ меня замѣчательныя произведенія античнаго искусства. Я испытывалъ высокое чувство наслажденія великими классическими произведеніями на классической почвѣ, — чувство, которое такъ удивительно вѣрно и картинно передалъ нашъ поэтъ и чуткій художникъ, глубоко изучившій древній міръ, Ап. Ник. Майковъ въ слѣдующихъ стихахъ, написанныхъ имъ при обозрѣніи также богатаго скульптурой Ватиканскаго музея:

„Я видѣлъ ихъ, въ землѣ открытые антики,—
Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
Миѳическихъ боговъ и доблестныхъ людей. . . .
Какъ дальній пилигримъ среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ . . .
Съ душей, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ скиѳы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура Царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи.“

Вокругъ меня были статуи и бюсты боговъ и героевъ, римскихъ императоровъ и простыхъ смертныхъ. Здѣсь находится могучій фарнезійскій Геркулесъ — идеалъ физической силы — опирающійся на свою палицу.

Здѣсь же и фарнезійскій быкъ, готовый воздать Дирцеѣ правое возмездіе за издѣвательства ея надъ Антіопою. „Toro Farnese“ (фарнезійскій быкъ) — группа, изображающая моментъ, когда сыновья Антіопы прикручиваютъ свою мачеху Дирцею къ рогамъ быка, вскорѣ размыкавшаго насмѣшницу. Группа удивительно жизненна; животныя (быкъ и собака) какъ живыя.

Узколобый злой Каракалла преслѣдуетъ меня всюду, и нѣсколько разъ по-долгу всматриваюсь я въ толстошеяго Нерона, изверга-художника. Цѣлыя залы занимаютъ бюсты великихъ Цезаря, Перикла, Марка Аврелія, борцовъ за свободу Гармодія и Аристогетона. Прямо живыми кажутся дискоболъ (метатель диска) и отдыхающій Меркурій! Статуи, предметы жизненной обстановки, цѣлыя мозаичныя картины и гипсовыя фигуры, добытыя при раскопкахъ Помпей, здѣсь занимаютъ нѣсколько залъ и могли бы составить самостоятельный Помпейскій музей. Словомъ въ Museo Nationale собрано богатствъ художественныхъ много; нужны только обширныя познанія и значительное знакомство съ древностью, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить ихъ. Только здѣсь, среди этихъ богатствъ искусства и можно понять какъ слѣдуетъ древнюю жизнь и художественный геній древности; никакія картины и фотографіи не въ состояніи дать полное и вполнѣ вѣрное представленіе какъ обо всемъ находящемся въ музеѣ богатствѣ, такъ и объ отдѣльныхъ статуяхъ, группахъ, вещахъ, картинахъ и т. п.

Вокругъ Неаполя много есть красивыхъ и исторически важныхъ окрестностей. Изъ послѣднихъ особенно интересны для обозрѣнія и важны для науки Помпеи, въ древности значительный городъ, расположенный въ зелени садовъ и рощъ у подножія Везувія, съ видомъ на великолѣпный Неаполитанскій заливъ. Въ послѣдній вѣкъ римской республики и въ первый имперіи здѣсь

въ окрестностяхъ жили знатные римляне, наслаждаясь вдали отъ трудовъ и интригъ прекрасною природою; здѣсь были виллы Цицерона и императора Клавдія. Въ болѣе глубокой древности Помпеи были греческой колоніей и до послѣдняго времени своего существованія сохранили характеръ прекраснаго торговаго греко-италійскаго города. Возстановленныя нынѣ Помпеи, съ ихъ улицами, храмами, общественными и частными зданіями, представляютъ зрителю глубоко поучительное зрѣлище.

Помпеи — мертвый городъ древнихъ, находящійся у подошвы Везувія и сохраненный для насъ ужасной цѣной — онъ засыпанъ при необыкновенно сильномъ изверженіи Везувія 24 августа 79 года по Р. Хр. пепломъ, пескомъ и пемзой, слоемъ въ 14 футовъ толщины. Помпеи находятся довольно далеко отъ Везувія, и лава до нихъ не дошла; поэтому зданія не разрушены; поэтому и большей части жителей удалось спастись отъ погибели во время изверженія. Сгорѣли только деревянныя части зданій, да провалились крыши. Тогда же погибло еще съ десятокъ городковъ (Геркуланумъ, Стабіи и др.). Случайно въ прошломъ столѣтіи (въ 1721 году) наткнулись при садовыхъ работахъ на храмъ египетской богини Изиды, и съ тѣхъ поръ энергично производятся здѣсь раскопки. Благодаря догадливости, любви къ древности и заботливости Іосифа Фіорелли, большую часть явившагося снова на свѣтъ Божій города удалось откопать очень тщательно; при раскопкахъ, вливая гипсъ въ пустоты, оставшіяся въ лавѣ отъ истлѣвшихъ труповъ людей и животныхъ, получили нѣсколько сотъ фигуръ; на лицахъ нѣкоторыхъ человѣческихъ фигуръ легко прочтете смертельный ужасъ. Въ Помпейскомъ археологическомъ музеѣ, находящемся здѣсь же въ развалинахъ на via di Mare, имѣется нѣсколько такихъ фигуръ. Одна очень красивая молодая женщина лежитъ ничкомъ; лицо

ея не искажено болью: очевидно, она умерла внезапно, задохнувшись отъ сѣрныхъ паровъ вулкана. При изверженіи послѣдняго стѣны города и колонны зданій во многихъ мѣстахъ наполовину разрушились. Но и теперь еще по остаткамъ можно представить себѣ довольно полную картину городка Pompeji, ибо здѣсь, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, сохранились цѣликомъ частныя жилища, какъ они были „при жизни“.

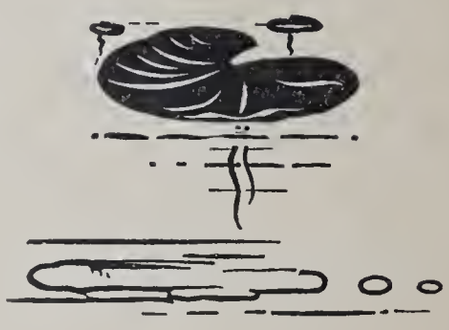
Раскопана уже половина города — главнѣйшая. Здѣсь — базилика (судъ), форумъ (площадь, на которой проходила отчасти и оффиціальная жизнь), два театра (драматическій и комическій), ратуша, биржа, гдѣ производились сдѣлки, особенно съ шерстью, масса частныхъ домовъ, переполненныхъ всякой домашней утварью: мраморными столами и жертвенниками тонкой греческой работы, мозаикой, тонкой, съ перспективой, живописью; внутри домовъ — дворы, окруженные іоническими колоннадами, и сады (иногда по три сада при одномъ домѣ!). Узкія улицы мощены широкими плитами; въ послѣднихъ отъ многовѣковой ѣзды (Помпеи были уже извѣстны въ VII в. до Р. Хр.) остался глубокій слѣдъ колесъ. Вокругъ города — крѣпкія стѣны. Въ городѣ былъ прекрасный водопроводъ; вода по *металлическимъ* трубамъ проходила во всѣ дома и сады, гдѣ были роскошные, хотя и небольшіе, фонтаны; вода изъ фонтановъ била чрезъ мѣдныя фигуры утокъ, звѣрей и т. п., словомъ — какъ и теперь. Въ улицахъ — одноэтажные и двухъэтажные частные дома, пекарни съ каменными ручными жерновами; парфюмерныя фабрики, рядомъ — дома публичныхъ женщинъ и аптеки. Стѣны комнатъ украшены хорошей живописью аль-фреско (съ перспективой), не уступающей позднѣйшей, — на миѳологическіе, иногда слишкомъ вольные, сюжеты; полы и стѣны въ домахъ украшены замѣчательной мозаикой;

тоже — и многіе храмы (Нептуна, Юпитера Аполлона и др.). И въ Помпейскомъ музеѣ, и — въ особенности — въ неаполитанскомъ Національномъ, чрезвычайно богатомъ, музеѣ масса предметовъ житейской обстановки древнихъ. Въ Національномъ музеѣ находится и знаменитая цвѣтная мозаика „Александръ Великій и Дарій Кодоманъ въ битвѣ при Иссѣ“, отысканная въ Помпеяхъ въ 1831 году, гдѣ она составляла полъ комнаты. Около Помпей совершенно отрытъ амфитеатръ на 30,000 зрителей.

Одиноко бродя по улицамъ этого мертваго города, осматривая подробно его дома, храмы, оффиціальныя зданія, театры, расположенные у подножія холмовъ, такъ что каменныя скамейки для зрителей помѣщались по склону холма; припоминая все, что изъ Помпей находится въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ, — невольно приходишь къ мысли, что ученый съ эрудиціей и живымъ даромъ слова могъ бы здѣсь легко возсоздать предъ слушателями картины древней жизни, и не только римской, но и греческой, такъ какъ въ Помпеяхъ есть обильные слѣды и послѣдней. Въ его вдохновенныхъ рѣчахъ прошли бы предъ нами и оффиціальныя лица, и частные люди, съ ихъ дѣлами и страстями. Потекли бы по улицамъ жизнерадостнаго города людскіе потоки; жизнь забила бы ключомъ; мы увидѣли бы, какъ въ базиликѣ пропреторъ творилъ судъ и расправу; на биржѣ купцы говорили о цѣнахъ на шерсть и другіе продукты; какъ въ храмахъ Пріапа и матери Кибеллы поклонницы и поклонники ихъ предавались неистовствамъ этихъ культовъ; поэтъ услаждалъ бы слушателей, въ своемъ домѣ или въ домѣ Мецената, стихами, а философъ — глубокими рѣчами. Театры полны были бы народа . . . . Городъ пересталъ бы тогда быть мертвымъ и жилъ-бы еще разъ полной жизнью среди мирныхъ картинъ могучей

природы! И уже не разъ на развалинахъ Помпей раздавались подобныя вдохновенныя рѣчи; не разъ здѣсь собирались ученые и проводили въ развалинахъ цѣлые мѣсяцы, стараясь понять и возсоздать жизнь далекой, сѣдой старины....

Солнце было уже на закатѣ; давно прозвонили, предупреждая о выходѣ, сторожа̀, приставленные правительствомъ для охраны и сбора платы за входъ въ развалины Помпей (по 2 франка), считающихся національнымъ имуществомъ. Въ развалинахъ не осталось ни одной живой души; а мнѣ все еще не хотѣлось уходить отсюда: всѣмъ видѣннымъ я былъ глубоко взволнованъ и очарованъ!



XVIII.

Восхожденіе на Везувій.

На югъ отъ Неаполя, въ роскошно цвѣтущей Кампаніи, близъ морского берега, среди небольшихъ горъ отдѣльно высится почти постоянно дымящійся Везувій. Этотъ вулканъ съ 79 года нашей эры не разъ проявлялъ свою силу страшными изверженіями. И, дѣйствительно, страшенъ онъ въ моменты особенно сильныхъ изверженій; напр., таковымъ онъ былъ въ іюлѣ 1895 года; послѣднее изверженіе совершенно измѣнило очертанія вершины горы. Красивъ зеленѣющій Везувій днемъ на бездонной синевѣ неба; у подножія его, точно гнѣзда, прилѣпились городки и селенія. Но ночью темною онъ еще красивѣе: дымъ, исходящій изъ вулкана, превращается въ красный столбъ огня; лава, текущая по склонамъ вулкана и въ ложбинахъ образующая цѣлыя поля, цѣлыми полями тлѣющая то тутъ, то тамъ тихо, но ярко, какъ-будто вдругъ загорается и кажется золотомъ, которымъ богъ вулкана дразнитъ обитателей долины. Въ гостиницѣ въ Неаполѣ мы заняли номеръ съ окнами, выходящими на Везувій, и по-долгу любовались то стихавшими, то усиливавшимися огненными стол-

бами вулкана и лавой — точно разлитой золотой жидкостью.

Будучи въ Помпеяхъ, мы, я и всходившій на Везувій уже въ 1895 году товарищъ мой, рѣшили отправиться ночью къ кратеру. Это восхожденіе по стародавнему способу требуетъ немалаго труда и небезопасно, но оно имѣетъ также немало интереса и доставляетъ много наслажденія.

Съ вечера кратеръ былъ спокоенъ. Въ 12½ часовъ ночи я — всего только послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва! — усѣлся на „Макарона“ (такъ назывался мой 27-лѣтній рысакъ — спеціально для туристовъ), услужливо предоставленнаго мнѣ хозяиномъ отеля, а пріятель на подобнаго же россинанта, и мы, въ сопровожденіи двухъ проводниковъ, *шедшихъ пѣшкомъ*, отъ отеля „Солнце“ (Sole) тронулись въ дальній путь.

Лошади, въ особенности въ темнотѣ, шли плохо, и проводники наши не разъ тратили много усилій, чтобы заставить ихъ итти впередъ; то рѣзкими горловыми криками „а-а“, „а-ай“, „у-у“, то подталкиваніями, то ударами, то таща лошадей за узду или подергивая ихъ за хвостъ, заставляли они ихъ выполнять непосильную уже для нихъ и подневольную обязанность. Часа черезъ два шоссейная дорога, шедшая черезъ деревни, окончилась; въ послѣдней тратторіи (нѣчто въ родѣ постоялаго двора) мы распили бутылку сквернаго вина и съѣли кусокъ овечьяго сыра, за что хозяева, по виду немногимъ отличавшіеся отъ бандитовъ, не преминули, конечно, содрать съ насъ какъ слѣдуетъ; затѣмъ — все въ темнотѣ — мы двинулись далѣе по дорогѣ (вѣрнѣй — по какому-то проселку), пустынной, каменистой, шедшей въ гору. Лошади, несмотря на свѣтъ факеловъ, безпрестанно спотыкались, перепрыгивали черезъ какія-то канавки; то поднимались, то опускались, точно челнокъ на

бурныхъ волнахъ моря. Ничего не видя и не зная дороги, мы не разъ были близко отъ того, чтобы кувыркомъ слетѣть съ своихъ россинантовъ. Но подъемъ по горѣ доставлялъ намъ и немало пріятныхъ картинъ: вдали, какъ на ладони, былъ предъ нами ярко освѣщенный Неаполь; полосы свѣта береговыхъ и корабельныхъ огней играли на поверхности тихаго залива; рядъ фонарей, точно огненная ленточка, віясь въ гору, показывалъ пройденный нами путь. Отъ яркаго освѣщенія надъ Неаполемъ стояло точно зарево.

Въ $3^1/_2$ часа ночи мы, наконецъ, доѣхали до мѣстности, гдѣ прекратилась дорога для лошадей; здѣсь было уже собственно поле изверженныхъ вулканомъ камней; здѣсь мы должны были оставить лошадей, подъ присмотромъ одного изъ проводниковъ -- мальчика, и совершать дальнѣйшій путь къ кратеру пѣшкомъ.

Большая часть пути была давно уже пройдена, но оставалась труднѣйшая. Съ каждымъ шагомъ открывался предъ нами все шире и шире горизонтъ. Мы видѣли Неаполь и другіе города, ярко освѣщенные; мы видѣли заливъ, у берега освѣщенный, а далѣе въ какомъ-то бѣлесоватомъ туманѣ. Капри темной скалой стоялъ въ концѣ залива.

Температура постоянно понижалась; на насъ дулъ вѣтеръ (восточный), и насъ то и дѣло обдавало стлавшимися по горѣ сѣрными парами, безпрестанно выходившими изъ вулкана.

Теперь сперва намъ пришлось итти по склону горы, покрытому пепломъ, глубиною въ четверть аршина. Было такъ трудно итти, что чрезъ сто шаговъ я упалъ, въ полнѣйшемъ изнеможеніи и обливаясь холоднымъ потомъ, и думалъ, что никогда не увижу кратера, ибо никогда не дойду до него; но пріятель мой, бывшій уже разъ на Везувіи, успокоилъ меня тѣмъ соображеніемъ,

что по этой дорогѣ такъ бываетъ со всѣми и что, несмотря на это, всѣ достигаютъ цѣли.

Уже при началѣ нашего путешествія per pedes apostolorum (пѣшкомъ) насъ обступили какія-то темныя личности, съ короткими палками и длинными ремнями, которыя стали предлагать, скорѣе — требовать, чтобы мы воспользовались ихъ услугами: они хотѣли (за высокую плату — по 4 фр. съ человѣка) перетащить насъ чрезъ поле асфальта. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ проводники идутъ впереди по полю, опираясь на палку, а за ремень, переброшенный ими черезъ плечо, держится усталый туристъ. Но насъ останавливала не только дороговизна — что-то безчеловѣчное, пахнущее древнимъ рабствомъ, видѣлось нами въ этомъ человѣческомъ трудѣ, — какое-то издѣвательство надъ человѣкомъ: надъ нами, надъ ними . . . И мы категорически отказались отъ грубо и навязчиво предложенныхъ намъ услугъ.

Послѣ пепла и золы слѣдовало поле сначала мелкихъ, а затѣмъ крупныхъ кусковъ лавы. Ноги уставали все сильнѣе и сильнѣе, но цѣль была уже близка. Заплативъ по $3^1/_2$ франка съ человѣка за входъ къ кратеру мы, въ сопровожденіи государственнаго гида (Везувій — тоже государственная собственность и источникъ государственныхъ доходовъ!), пройдя (снова — по асфальтовому пеплу) саженъ сто, добрались до кратера. Внизу подъ нами изъ щелей горы медленно выползала огненная лава, точно тѣсто; ея было цѣлыя поля. Температура отъ сильнаго порывистаго вѣтра очень понизилась; стало холодно. Мы начали обходъ кратера.

Представьте себѣ гору въ 4,000 футовъ вышиною. Вершина ея заканчивается углубленіемъ (чашка кратера), среди котораго есть отверстіе, въ родѣ огромной круглой дыры, въ 150—200 саженъ въ діаметрѣ. Стѣны этого отверстія

раскалены и покрыты слоемъ сѣры; изъ отверстія постоянно выходятъ сѣрные пары. Вотъ показался клубъ чернаго дыма, и тотчасъ за нимъ — градъ мелкихъ камней, и снова облако сѣрныхъ паровъ. Вѣтеръ относитъ и пары, и камни къ западу; мы стоимъ на разстояніи отъ отверстія кратера всего въ 4—5 аршинахъ. Духъ захватываетъ, и невольно чувство страха заползаетъ въ душу. Вѣтеръ рветъ съ страшной силой, и мы употребляемъ всѣ усилія, чтобы не потерять равновѣсія. Иной разъ приходится чуть не лечь на землю! Солнце давно свѣтитъ ярко, но здѣсь не грѣетъ. Туманъ поднялся уже съ поверхности моря. Въ заливѣ и далеко въ морѣ видны бѣлые паруса рыбачьихъ лодокъ. А у подошвы горы — картины мирныя полей, селеній, виноградниковъ.

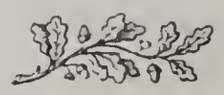
Идемъ вокругъ кратера. Вдругъ отъ сѣрныхъ паровъ захватываетъ духъ; становится трудно дышать, и мы стремительно отбѣгаемъ въ сторону. То тутъ, то тамъ подъ ногами — раскаленныя трещины; всюду куски горящей лавы и желтоватой раскаленной сѣры. Какой-то изъ добровольцевъ — помощниковъ гида приноситъ намъ для показа горячій камень, только что изверженный изъ внутренности кратера. Солнце по временамъ освѣщаетъ гору лучами между тучъ. Обходъ кратера мы совершаемъ въ десять минутъ. Забыты всѣ труды и треволненія; мы испытываемъ величайшее наслажденіе, ибо достигли своей цѣли: предъ нами было одно изъ интереснѣйшихъ явленій природы!

Спускъ съ Везувія мы совершаемъ по мелкой лавѣ какъ по снѣгу: мы бѣжимъ съ горы, и прежній двухчасовой путь теперь мы дѣлаемъ въ четверть часа. Вотъ передъ нами поле свѣжей лавы 1897 года. Въ расщелинахъ ея — раскаленныя стѣны. Мы садимся отдохнуть на остывшій кусокъ лавы прежнихъ годовъ; но подъ

нами вдругъ раздается очень внушительный глухой стукъ, какъ бы огромнымъ молотомъ въ потолокъ каменнаго погреба, и мы спѣшимъ оставить мѣсто своего отдыха. Въ 10 часовъ утра на своихъ россинантахъ, всѣ въ грязи, мы были уже дома.

Восхожденіе на Везувій стоило намъ сутокъ отдыха. Но мы были благодарны судьбѣ за то, что намъ удалось видѣть Везувій въ спокойномъ состояніи. Ужасенъ Везувій въ неспокойномъ состояніи! И не всегда возможно предугадать, каково будетъ состояніе вулкана въ теченіе дня. По склону Везувія стоитъ нѣсколько памятниковъ, на коихъ находятся надписи о несчастныхъ туристахъ и мѣстныхъ жителяхъ, неожиданно засыпанныхъ изверженіемъ. Особенно тягостное впечатлѣніе производитъ памятникъ 1872 года, поставленный надъ неожиданно засыпаннымъ обществомъ юношей и дѣвушекъ, поднимавшихся въ гору вмѣстѣ съ своими преподавателями!

Есть на Везувій и болѣе удобный путь; но онъ слишкомъ баналенъ, слишкомъ „англійскій", и на немъ не испытаешь ни трудностей тѣхъ, ни тѣхъ наслажденій, которыя выпадаютъ на долю поднимающихся на Везувій по пройденному нами пути. Этотъ болѣе удобный путь представляетъ изъ себя въ началѣ — гладкую шоссейную дорогу, а затѣмъ — проволочную (одинъ вагонъ). Отъ конечной станціи этой проволочной дороги до кратера итти пѣшкомъ приходится саженъ 70. И шоссейная, и проволочная дороги — собственность извѣстнаго предпринимателя Кука.



XIX.

Римъ.

Нѣсколько дней мы пробыли еще въ Неаполѣ, постоянно подъ вечеръ уѣзжая изъ города на Позилиппо или въ другія окрестности, чтобы любоваться красой Кампаніи. Въ Неаполѣ мнѣ пришлось разстаться съ товарищемъ, который чрезъ Анкоку направился въ Баварію. Я же вскорѣ уѣхалъ въ Римъ.

„Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ высокая Троя, древній погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама“, декламировалъ нѣкогда, глядя на пожаръ Карѳагена, одинъ изъ лучшихъ сыновъ древняго Рима — Сципіонъ Миноръ: въ душу его закралось тяжкое предчувствіе грядущей трагической судьбы „господина міра“, и онъ излилъ его, декламируя вдохновенные гекзаметры Гомера.

И древній Римъ — Римъ Цезарей погибъ, о чемъ свидѣтельствуютъ исторія и многочисленныя развалины. Но народился новый Римъ, не менѣе властолюбивый, не менѣе гордый, чѣмъ древній, — Римъ папскій, могущество котораго и жизнеспособность видны здѣсь на каждомъ шагу. Римъ — вѣчный городъ!

Видны въ нынѣшнемъ Римѣ зародыши и новаго Рима — столицы объединеннаго Итальянскаго государ-

ства; но они, кромѣ статуи Гарибальди, Національнаго музея, двухъ-трехъ зданій правительственныхъ учрежденій, отчасти даже неоконченныхъ постройкой, да многочисленныхъ соціалистовъ, — ничѣмъ инымъ не выражаются.

Древній Римъ — въ развалинахъ; жизнь его стала достояніемъ исторіи. Современный Римъ — папскій Римъ. Если смотрѣть на Римъ съ S. Pietro in Montorio, Monte Pincio, съ Палатина или галлереи собора Петра, сразу можно охватить взоромъ весь прекрасный священный городъ, усѣянный множествомъ величественныхъ храмовъ. Величавъ Римъ, и я не разъ отправлялся на Monte Pincio и въ особенности на площадку у S. Pietro in Montorio, чтобы впитывать въ себя красоту Рима и ближе подойти къ источнику его величавости. Обходя площадь и красивыя улицы Рима, то и дѣло натыкаешься на слѣды дѣятельности папъ: мосты, переброшенные ими черезъ Тибръ; художественные фонтаны и многочисленные водопроводы, приносящіе изъ Сабинскихъ горъ, расположенныхъ въ тридцати верстахъ отъ Рима, прохладную и чистую, какъ кристаллъ, воду; храмы и зданія, музеи и статуи, сооруженные папами. Цезарей смѣнили папы, а ихъ не успѣлъ еще никто смѣнить и замѣнить! Современное кажется здѣсь наноснымъ . . . . И непрочно оно, современное, и безсильно, и легкомысленно. Думая построить великолѣпный мостъ, долженствовавшій затмить все созданное въ этомъ родѣ папами, новые люди поставили только быки моста да такъ, не достроивъ, за недостаткомъ презрѣннаго металла, и оставили свое начинаніе въ развалинахъ. То же случилось и съ дворцемъ Юстиціи, который думали создать на диво міру. И дѣйствительно: смѣлый геній архитектора начерталъ планъ этого удивительнаго дворца; но современники сдѣлали только величественный фунда-

ментъ и на этомъ успокоились. Думая, что для увеличенія населенія Рима съ 400 тысячъ жителей до милліона достаточно только сдѣлать его столицей, легкомысленные современники настроили цѣлые кварталы четырехъэтажныхъ домовъ-дворцовъ, которые теперь заколоченные стоятъ, точно ободранные нищіе, или обитаются подонками Рима.

Римъ церквей и дворцовъ — Римъ Ренессанса, художественно прекрасный Римъ, съ своимъ неподражаемо прекраснымъ небомъ и голубыми очертаніями Сабинскихъ горъ на горизонтѣ. Здѣсь работали величайшіе художники Италіи (Рафаэль, Микель Анжело), здѣсь и ихъ произведенія! Многіе папы были самыми искренними покровителями полухристіанскаго, полуязыческаго итальянскаго Ренессанса; издавна Римъ, съ его богатствами художественными, съ красотой его природы и типовъ, съ его меценатами, привлекалъ художниковъ всѣхъ націй — онъ былъ для нихъ всегда учителемъ въ области прекраснаго и вѣчнаго. Это, конечно, обстоятельство создало мѣстныя французскую и испанскую художественныя академіи, нѣмецкую и русскую колоніи художниковъ и т. п. Во всемъ этомъ виденъ все еще папскій Римъ. И долго, много лѣтъ еще придется пережить нынѣшнему режиму, чтобы придать свой отпечатокъ всему здѣсь существующему.

Особенно проявляется могущество папы на лѣвой сторонѣ Тибра, въ Ватиканѣ и въ соборѣ св. Петра, словомъ — въ мѣстности, гдѣ нѣкогда были амфитеатръ и сады жестокаго дилетанта-художника и извергацезаря Нерона; въ садахъ этихъ были тѣ живые факелы изъ христіанъ, которыми Неронъ хотѣлъ расплатиться съ Римомъ за свое преступленіе — за пожаръ Рима и за тотъ цинизмъ, съ которымъ онъ наслаждался этимъ бѣдствіемъ столицы міра.

Нѣкогда, въ эпоху Августа и его преемниковъ, съ Палатина шли въ сенатъ или на форумъ, расположенный у подножія Капитолія и Палатина, сподвижники цезарей и несли туда велѣнія могущественнаго императора; другіе шли въ золотой дворецъ Августа (великолѣпные, но жалкіе остатки этого дворца, въ видѣ разбитыхъ колоннъ, украшеннаго драгоцѣннымъ мраморомъ фундамента и т. п., видны на Палатинѣ и теперь) съ донесеніемъ объ исполненіи. Въ теченіе тысячелѣтія и донынѣ со всѣхъ концовъ міра идутъ къ первосвященнику римскому за приказаніями его вѣрные слуги. Смотря изъ оконъ Ватикана на площадь св. Петра, видишь цѣлый муравейникъ черныхъ монаховъ, идущихъ чрезъ огромную площадь предъ храмомъ Петра по всѣмъ радіусамъ, направляя стопы свои въ различныя министерства (конгрегаціи) его святѣйшества. И не только по живой дѣятельности и могуществу папа напоминаетъ собою древнихъ владыкъ міра: и цѣли у нихъ однѣ и тѣ-же — власть надъ міромъ, и средства — оружіе, и созданія.

Напр., величавый и прекрасный соборъ св. Петра, лучшій и роскошнѣйшій памятникъ Ренессанса, созданный папами, вмѣщаетъ въ себѣ до 87,000 молящихся, по вмѣстимости и колоссальности похожъ на поражающій и нынѣ своими развалинами амфитеатръ бережливаго Веспасіана „Колизей“, вмѣщавшій болѣе 80,000 зрителей. Преемственность между древнимъ и новымъ видна здѣсь хотя бы еще и въ томъ, что множество церквей устроены изъ прежнихъ языческихъ храмовъ, на двухъ десяткахъ обелисковъ, привезенныхъ изъ Египта въ эпоху императоровъ, высится крестъ, на колоннѣ Марка Аврелія стоитъ статуя апостола Петра, на другихъ колоннахъ, воздвигнутыхъ въ честь язычниковъ-императоровъ, всюду — кресты . . . .

Созданіе собственно римскаго искусства, т. е. величественной и практически полезной архитектуры, Пантеонъ, построенный другомъ Августа адмираломъ Агриппой и предназначенный для термъ, уцѣлѣлъ и дошелъ до насъ въ такомъ видѣ, какъ былъ построенъ въ началѣ I вѣка по Р. Хр. Онъ представляетъ изъ себя огромное круглое зданіе (въ родѣ зданій для панорамъ), болѣе двадцати саженъ высоты, заканчивающееся куполообразнымъ потолкомъ — крышей изъ красиво обдѣланныхъ, въ видѣ медальоновъ, огромныхъ плитъ. Потолокъ этотъ ничѣмъ не поддерживается. Стѣны зданія облицованы великолѣпнымъ разноцвѣтнымъ мраморомъ. Освѣщается Пантеонъ чрезъ большое, ничѣмъ не прикрытое отверстіе, находящееся въ центрѣ крыши; другихъ источниковъ свѣта нѣтъ. У входа въ Пантеонъ — портикъ изъ четырехъ рядовъ колоннъ. Нынѣ въ этомъ единственномъ въ цѣлости дошедшемъ до насъ зданіи древности находится католическая церковь, а надъ портикомъ прикрѣпленъ крестъ. Но алтарь церкви устроенъ такъ незамѣтно, что характеръ языческой постройки ничѣмъ не нарушенъ, и стоя въ этомъ зданіи, чувствуешь себя перенесеннымъ въ далекую, сѣдую древность.

Древній Римъ — въ развалинахъ форума, расположеннаго межъ холмами, въ развалинахъ дворцовъ цезарей на Палатинѣ, въ Колизеѣ и Пантеонѣ, въ баняхъ Каракаллы и Діоклетіана, въ безконечныхъ и многочисленныхъ аркахъ водопроводовъ вокругъ Рима, въ стѣнахъ вокругъ Рима, въ via Appia съ ея памятниками, въ катакомбахъ и музеяхъ.

Особенно богаты Ватиканскій и Капитолійскій музеи. Въ Ватиканскомъ — Лаокоонъ, Аполлонъ Бельведерскій, Венера, борцы и множество другихъ статуй знаменитыхъ скульпторовъ древности и Ренессанса, со-

бранныхъ папами съ любовью художниковъ и ученыхъ и хранимыхъ тщательно. Впечатлѣніе они производятъ сильное:

„Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона,
„Въ ушахъ звенитъ стрѣла изъ лука Аполлона,
„И лучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
„Восторгомъ дышащій, сіяетъ предо мной“....
(Ап. Майковъ.)

Здѣсь же удивительное „Преображеніе“, Аѳинская школа, споръ о религіи Рафаэля Санціо и въ Сикстинской капеллѣ „Страшный судъ“ Микель Анжело (нѣсколько посѣрѣвшій и на меня не произведшій впечатлѣнія, можетъ быть благодаря множеству мелкихъ фигуръ). Предъ Капитолійскимъ музеемъ — конная статуя симпатичнаго римскаго императора Марка Аврелія (современная императору), а въ музеѣ Капитолійскомъ — палладіумъ всѣхъ великихъ мужей Италіи и знаменитая этрусской работы бронзовая волчица съ двумя сосущими ее младенцами. Національный (недавній, королевскій) музей поражаетъ своею, сравнительною, конечно, бѣдностью.

Въ храмѣ Петра мнѣ пришлось быть въ то время, когда здѣсь пребывала группа французскихъ паломниковъ (ремесленниковъ, купцовъ, монаховъ, женщинъ), тысячи въ двѣ; съ развернутыми знаменами стояли они за литургіей отдѣльными общинами, предводительствуемые своими полководцами — патерами; межъ ними то и дѣло шмыгали какіе-то юркіе господа во фракахъ, сообщавшіе различныя приказанія и программы дня. Скучая отъ подвижности толпы и налюбовавшись уже и статуей (изъ чернаго мрамора) апостола Петра и удивительной красоты главнымъ алтаремъ, надъ гробомъ мощей свв. Петра и Павла (какъ утверждаютъ католики), я зашелъ въ боковую капеллу и здѣсь восхищенъ былъ райскимъ пѣніемъ. Но поразила

меня какая-то безучастность духовниковъ къ пѣнію, театральность богослуженія, постоянныя перемѣщенія и присѣданія другъ передъ другомъ незанятыхъ богослуженіемъ духовныхъ. Здѣсь же впервые видѣлъ я, какъ беззавѣтно молится простолюдинъ итальянскій: онъ весь ушелъ въ молитву, заслушавшись пѣнія, и міръ, его окружающій, міръ тлѣнный ушелъ отъ него, и всѣ страданія и нужды слились въ этомъ подавленномъ, безпомощномъ моленіи. — Обходя соборъ, видѣлъ я въ одномъ предѣлѣ высокій, аршинъ въ 10 высоты, помостъ, на которомъ несутъ папу въ центральную часть собора и на которомъ онъ возсѣдаетъ во время богослуженія. Здѣсь же стоятъ исповѣдальни; на разныхъ языкахъ здѣсь исповѣдуютъ; только нѣтъ исповѣдальни, гдѣ бы исповѣдывали по-русски. . . .

Красотой своей поразила меня еще церковь S. Maria Maggiore, построенная, по преданію, на томъ мѣстѣ, на которомъ, какъ привидѣлось во снѣ строителю ея — папѣ Пію V, въ іюлѣ долженъ былъ выпасть глубокій снѣгъ. И снѣгъ, дѣйствительно, выпалъ; и папа построилъ великолѣпный храмъ, обошедшійся въ 17.000,000 франковъ; это — дивная базилика съ необыкновенно дорогими украшеніями изъ золота, камней, мрамора. Ежегодно, напоминая легенду, въ іюлѣ въ главномъ притворѣ падаетъ во время одной литургіи снѣгъ, но уже бумажный. . . Въ этомъ храмѣ, по увѣренію католиковъ, хранятся ясли, въ коихъ родился Христосъ. Въ церкви стоитъ вѣчная прохлада, ибо доступа теплу здѣсь мало; входы закрываются цыновками. Въ храмахъ всюду масса прекрасной скульптуры и богатѣйшей живописи. Храмы посему стали особаго рода источниками доходовъ для людей, наблюдающихъ за ними.

Внѣ Рима находится тоже богатый вновь отдѣланный соборъ ап. Павла; впечатлѣніе онъ производитъ

весьма странное — большой роскошной танцовальной дворцовой залы.

По древней Аппіевой дорогѣ, на которой еще сохранились слѣды древнихъ гробницъ и даже цѣлая гробніца Метелла, въ видѣ круглой зубчатой башни (по этой дорогѣ въ древности было аристократическое кладбище) отправился я въ катакомбы Калликста. Было уже поздно, и мнѣ пришлось спуститься въ эти дорогіе для христіанства подземные храмы и усыпальницы съ однимъ только босымъ старикомъ-капуциномъ. Съ свѣчами въ рукахъ медленно подвигались мы по неровнымъ, узкимъ и невысокимъ переходамъ катакомбъ, и старикъ тихо разсказывалъ мнѣ привычнымъ „машиннымъ" голосомъ, многострадальную исторію первыхъ христіанъ и погребенныхъ въ катакомбахъ. Исторія здѣсь перемѣшивалась съ легендой. Какъ живые вставали предо мною образы первыхъ христіанъ, голубиной чистоты и преисполненныхъ любовью къ ближнимъ и Христу; среди нихъ — мученики за вѣру и тайно сочувствующія послѣднимъ римлянки изъ пышнаго и властнаго Рима.

Тишина въ катакомбахъ нѣмая. Всюду — гробницы, на коихъ неловкія изображенія креста или рыбы (эмблема христіанства). Изъ дальнихъ переходовъ слышны голоса. Такъ и чудится, что предъ тобою выростетъ снова гдѣ-нибудь на поворотѣ слѣпая Дидима и нараспѣвъ предложитъ свѣчечку:

„Свѣ—чеч—кой, свѣчечкой,
Зрячій, отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!" . . . .

Чрезъ часъ мы были снова въ храмѣ, изъ коего начали обходъ катакомбъ; только теперь мы возвратились съ противоположной его стороны.

Солнце было уже на закатѣ. Я поспѣшилъ на гору Pincio, чтобы полюбоваться на Римъ при золотистомъ

солнечномъ закатѣ. На Пинчіо — излюбленные римской публикой сады, часть коихъ составляютъ древніе сады Лукулла. Здѣсь такъ тихо, художественно, торжественно! Внизу — шумная площадь — Piazza del Popolo съ огромнымъ египетскимъ обелискомъ; дальше масса дворцовъ и церквей. Вдали за Тибромъ — высокая гора св. Петра; и на ней, доминируя надъ Римомъ, весь въ золотистомъ сіяніи, одинокій на горѣ, стоитъ великій всадникъ Италіи и герой, ея лучшій сынъ — Гарибальди!

Въ постановкѣ этого памятника сказался могучій художественный геній итальянцевъ: Гарибальди незабвенный — какъ живой!

Но поздно: уже 8 часовъ вечера. Смерклось еще полчаса назадъ. Нужно ѣхать обѣдать (днемъ здѣсь по возможности воздерживаются принимать много пищи). Ѣду въ ресторанъ, гдѣ собираются художники (нѣмцы, поляки, русскіе). Какъ пріятенъ дружескій скромный обѣдъ за рюмкой славнаго краснаго вина и дружеской бесѣдой! Мы долго сидимъ за десертомъ. На via del Corso и по via Nationale между тѣмъ уже масса гуляющихъ. Мы идемъ туда и смѣшиваемся съ толпой. На одной площади военная музыка разыгрываетъ что-то изъ Верди. Усѣвшись за столикъ, мы наслаждаемся и музыкой, и прекраснымъ мороженымъ. Сколько здѣсь смуглыхъ съ черными пылающими очами франтихъ! Какое веселье! Приличія больше здѣсь, чѣмъ на югѣ, гдѣ насъ и старые, и малые осаждали предложеніемъ: „bella signorina“, „bella signora“. Въ Римѣ и внѣшняго безпорядка нѣтъ такого, какой поразилъ меня въ Неаполѣ: вѣроятно, вслѣдствіе близости двора приличіе поддерживается здѣсь строго.

Каждый день почти цѣлое утро проводилъ я среди развалинъ, учась здѣсь древней жизни; въ жаркую пору дня, которая продолжалась часа четыре, посѣщалъ

прохладные музеи, гдѣ — особенно въ Ватиканскомъ — приходилось засиживаться до того, что служители напоминали о необходимости удалиться, ибо наступало уже время закрытія музея. Кому неизвѣстны богатства Ватикана! На описанія ихъ потрачена масса труда, и исписаны груды бумаги! Ватиканъ — музей единственный въ мірѣ по художественному богатству.

По вечерамъ я съ знакомымъ художникомъ ѣздилъ любоваться окрестностями. По длиннымъ улицамъ, мимо заколоченныхъ новыхъ домовъ-палаццо и въ то же время развалинъ (на коихъ одинъ Боргезе простроилъ 13.000,000 лиръ), обдавая пылью сушившіеся на жердяхъ прямо на улицѣ макароны ручной работы, ѣхали мы къ Мальвійскому мосту, у коего въ быстрыхъ волнахъ мутнаго глинистаго Тибра утонулъ въ 312 году послѣ Р. Хр. Максенцій, разбитый будущимъ первымъ христіанскимъ императоромъ Константиномъ; отсюда, сдѣлавъ большой крюкъ, мы попадали къ источнику натуральной зельтерской воды (aqua Chestosa). Мягкій и живительный теплый вечерній воздухъ, проникавшій въ грудь, окружная тишина, бесѣда по душѣ успокоительно дѣйствовали на насъ. Незамѣтно подъѣзжали мы къ тратторіи, гдѣ лукавый возница, завезшій насъ къ знакомому трактирщику, поднесеннымъ нами славнымъ винцомъ угощалъ себя и своихъ пьяницъ-лошадей. Оживленные виномъ, снова мы садились въ экипажъ и ѣхали далѣе. Это времяпрепровожденіе доставляло мнѣ столько пріятности и такъ оно стоило недорого, что я постоянно катался то къ указаннымъ уже мѣстамъ, то на гору св. Петра, то на Пинчіо. При умѣньѣ и нѣкоторомъ знакомствѣ съ обстановкой и мѣстными нравами здѣсь можно, какъ увѣрялъ меня пріятель, устроиться и сносно, и недорого — во всякомъ случаѣ дешевле, чѣмъ въ любомъ культурномъ центрѣ Россіи. (Кстати. Не отказывая себѣ ни

въ чемъ и пользуясь значительными удобствами, я на это свое заграничное путешествіе, съ проѣздомъ по Россіи отъ Петербурга и обратно, истратилъ 560 рублей; въ пути я былъ два мѣсяца).

Не разъ въ эти долгія прогулки толковали мы о томъ, какимъ образомъ древняя римская важность (gravitas) превратилась — и давно уже — въ итальянскую лѣнь (pigritia); какія судьбы пережила Италія въ свою долгую историческую жизнь; какихъ великихъ людей на всѣхъ поприщахъ человѣческаго творчества дала она; хорошо ли то, что итальянцы такъ безпечны, или дурно, и боялись быть категоричными, ибо во многомъ логика фактовъ — неумолимая логика! — противорѣчила бы нашимъ выводамъ.

Вдвоемъ мы совершили изъ Рима поѣздку по желѣзной дорогѣ въ Сабинскія горы, въ Тиволи, древній Tibur, гдѣ была великолѣпная лѣтняя резиденція цезарей. Среди довольно высокихъ горъ, въ температурѣ умѣренной, въ роскошныхъ виллахъ проходили здѣсь праздникомъ вѣчнымъ дни у Августа и его приближенныхъ. Отъ древности остался храмъ Нептуна, стоящій надъ обрывомъ, съ котораго красивыми каскадами падаетъ внизъ водопадомъ рѣка Аніо, передъ тѣмъ проходящая верстъ 6 по ложу внутри горы. И здѣсь папы дѣлали свое дѣло: одинъ изъ нихъ устроилъ въ горѣ два довольно большихъ тоннеля, чтобы рѣка при сильномъ напорѣ не разрывала горы. Въ Тиволи, изобилующемъ, какъ вся Италія, водой, искусно проведенной куда нужно, сохранилась во всей цѣлости, съ обстановкой эпохи, вилла (въ стилѣ Ренессанса) герцоговъ д'Эсте, нынѣ принадлежащая кардиналу Гогенлое.

Сколько красоты въ фонтанахъ, садахъ, даже въ самой виллѣ, гдѣ нѣкогда жилъ Торквато Тассо! Отсюда съ балкона виллы виденъ въ золотистой синевѣ

Римъ; прежде всего бросается въ глаза соборъ св. Петра. Между Римомъ и виллой — долина, вся какъ на ладони. Отсюда могли царить д'Эсте надъ всѣмъ окружающимъ! Тихо, безжизненно теперь на виллѣ. Все навѣваетъ грусть; даже вѣчно лепечущіе забытые фонтаны, на которые художникъ потратилъ такъ много и генія, и труда!

Изъ Тиволи пѣшкомъ отправились мы далѣе въ горы верстъ за восемь къ городишку Vicovaro (древній римскій городъ — Varia), чтобы спуститься въ долину, гдѣ, говорятъ, находятся развалины виллы божественнаго Горація. Славное мѣстечко выбралъ себѣ эпикуреецъ-философъ! Здѣсь нельзя было не воспѣвать прелестей природы, тѣмъ болѣе, что послѣднюю понять поэту помогала красивая пастушка — милое черноокое дитя .... Да и винцо фалернское (даровое) всегда было подъ рукою и въ избыткѣ!

Въ Vicovaro — городѣ-деревнѣ — еще разъ увидѣли мы нагольную нищету, ужасную нищету и грязь мѣстнаго крестьянства. Обстановка крестьянскихъ затхлыхъ, темныхъ и сырыхъ жилищъ — нищенски убогая; бѣдность поражающая. Налоги ужасные. Заработковъ постороннихъ почти никакихъ. Но здѣсь въ Vicovaro насъ угостили такимъ краснымъ винцомъ, что мы приложили всѣ усилія, чтобы вдоволь насладиться имъ; и оно не оставило по себѣ никакихъ непріятныхъ воспоминаній, въ видѣ изжоги и т. п., ибо это было натуральное вино. И здѣсь, даже въ этомъ бѣдномъ городишкѣ, въ эпоху могущества Рима, подражаніе Риму было велико — въ постройкахъ, въ обстановкѣ жизни, въ увеселеніяхъ; не говорю уже о такихъ среднихъ городахъ, какъ Помпеи.

Недѣли, конечно, мало, слишкомъ мало, что-бы хоть поверхностно понять Римъ. Но и недѣля прошла.

Наступалъ конецъ отпуска. Нужно было отправляться домой, въ Россію, по которой не разъ уже взгрустнулось. Полюбовавшись въ послѣдній разъ Римомъ съ Пинчіо, восхищенный имъ, я поѣхалъ къ знаменитому фонтану Треви и бросилъ въ бурливыя воды его монету, какъ залогъ того, что я возвращусь снова на стогны твои, вѣчный Римъ! Мнѣ грустно....

Прощай Италія! У тебя на лонѣ провелъ я много отрадныхъ и счастливыхъ минутъ! Ты незабвенна для меня, какъ есть: съ твоей лѣнью и геніемъ, нищетой и духовными богатствами. Прощай, страна святыхъ чудесъ! Прощай, beata Italia!

КОНЕЦЪ.

2 -
162319

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DT179.5
.R88
1898